

1. Корец.
Руины замка.
XV—XVIII вв.
2. Великие Межиричи.
Дворец Степких. 1789.

3. Ровно. Памятник
Н. И. Кузнецову. 1970.
4. Клевань.
Благовещенский костел.
1610.

5. Острог.
Новая башня. XVI в.
6. Межирич.
Троицкая церковь.
XV—XVI вв.

7. Дубно. Замок.
Приватный корпус.
XV—XVI вв.
8. Млинов.
Усадьба Ходкевичей.
Жилой флигель. 1780.

9. Боремель.
Георгиевская церковь.
1777.
10. Пляшева.
Храм-памятник
на «Казацких могилах».
1910—1914.

ДОРОГАМИ ЮЖНОЙ РÓВЕНЩИНЫ

(ОТ КÓРЦА ДО ПЛЯШЕВОЙ)

П. А. РЫЧКОВ

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1989

ББК 85.113(2)
Р95

Рецензенты:
кандидат исторических наук *Д. Ю. Арапов*,
искусствовед *В. М. Рудченко*

Р $\frac{4901000000-077}{025(01)-89}$ 64-89

ISBN 5-210-00074-5

© Издательство «Искусство», 1989 г.

СОДЕРЖАНИЕ

1. ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ	6
2. ОТ КОРЦА ДО ТУЧИНА	16
Прошлое Корца (16). Архитектурные памятники Корца (18). Великие Межиричи и его памятники (29). Д. Мерлини (32). В Невиркове (34). Церковь Иоанна Богослова в селе Синев (37). Гоща (37). Дорогобуж (42). Тучин (44).	
2. РОВНО И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ	48
Из истории города (48). Дворец Любомирских (50). Гимназия (52). Успенская церковь (53). Воскресенский собор и приходский костел (55). Олеко Дундич (57). Н. И. Кузнецов (59). История Городка и его памятники (60). Древняя Клевань (63). Тайкуры (66). Церкви в Куштине и Забороли (72). Александрия на Горыни (73).	
4. К СЕДОМУ ОСТРОГУ	74
Княжеский замок (74). Первопечатник Иван Федоров (85). Луцкая и Татарская башни (87). Коллегиум иезуитов (91). Монастыри кармелитов и капуцинов (94). Успенский костел (94). Межирич (97). Музей Н. Островского в Вилии (107). Руины замка в Новомалине (108). Т.-О. Сосновский (110). Мизоч (111). Дермань (112). Архитектурные памятники в Розваже, Хорове, Милятине (117).	
5. НАД ИКВОЙ	120
Из прошлого Дубно (120). Топография и эволюция города (123). Замок (125). Дворец Любомирских (127). Луцкая башня (133). Фернандинский монастырь (134). Спасо-Преображенская церковь (137). Монастырь кармелиток (138). Георгиевский храм на Сурмичах (141). Смордва (143). Млинов (144). Покровская церковь (148).	
6. «КАЗАЦКИЕ МОГИЛЫ»	150
Демидовка и Дубляны (150). Боремель (151). Сражение под Берестечком (153). Храм-памятник (156). Михайловская церковь (159). Экспонаты музея (161). Казацкие кресты (164).	
ПРИМЕЧАНИЯ	165
КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ	169
КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ	171
ПРИНЯТИЕ СОКРАЩЕНИЯ	175

1. Экскурс в историю

Прекрасное искать мы любим в прошлом...

А. К. Толстой

А история — свидетель времен, свет истины, жизнь памяти, учительница жизни, вестница старины...

Цицерон

Территория, по которой проложен маршрут нашего путешествия, занимает южную треть Ровенской области — относительно небольшая по географическим меркам часть западноукраинских земель. Однако, как часто случается в истории культуры, значимость местного наследия редко прямо соотносится с масштабами территориальных ареалов, с их природными ориентирами. В особой мере это утверждение действенно для Западной Украины, исторические судьбы которой за последнее тысячелетие были столь переменчивы и насыщены разнообразными событиями, что выделение каких-либо четких критериев для пространственного ограничения маршрута крайне затруднительно. А потому, сознаваясь в этом, и основания авторского выбора предлагаемых читателю «дорог к прекрасному» довольно условны и, вероятно, в чем-то субъективны. Этот выбор определен скорее реалиями современности, чем историей, не терпящей, как известно, жестких рамок.

Начало заселения южной части Ровенщины относится к эпохе позднего палеолита, о чем свидетельствуют раскопки в Дубновском и Ровенском районах. В бронзовом веке благодатный край уже был густо заселен племенами земледельцев и скотоводов, оставивших после себя свыше ста поселений и могильников. В конце VI — начале VII века на Волыни, куда входили и земли современной Ровенщины, возникло объединение племен дубов и волынян (вельнян), земли которых к десятому

столетию вошли в состав возмужавшей Киевской Руси. На берегах Горыни и Иквы выросли новые укрепленные поселения, многие из которых положили начало современным городам и селам. В XI—XII веках среди окрестных поселений выделялись Дорогобуж и Пересопница, служившие одно время стольными городами Дорогобужского и Пересопницкого княжеств. Тогда же впервые упоминаются в летописях нынешние Дубно, Корец, Острог. С 1150 по 1152 год в Пересопнице во времена ее высшего расцвета княжил Андрей Боголюбский, владевший тогда обширным уделом, доходившим на севере до самого Пинска. В конце XII века волынский князь Роман Мстиславович объединяет волынские и галицкие земли в единое и мощное Галицко-Волынское княжество.

Наступил роковой для края 1240 год. Бесчисленные полчища монголо-татар вторглись на земли Южной Руси, сжигая на своем пути города, разметая укрепления, порабощая и уничтожая непокорных русинов. Очень немногим городам и замкам благодаря надежным стенам и ценой отчаянного сопротивления удалось на какое-то время устоять перед натиском ханских туменов.

«Дул с степи жаркий ураган,
Металась степь, как океан, —
Восток чреват был Чингисханом!
И Русь одна тогда была
Сторожевым Европы станом...»¹ —

написал многие столетия спустя Аполлон Майков в «Клермонтском соборе».

Не мирились волыняне с гнетом завоевателей. В 1254—1255 годах русское войско под предводительством храброго и властного князя Даниила Романовича (Галицкого) перешло в наступление против отрядов татарского воеводы Куремсы и на целых четыре года освободило волынские земли. Однако в 1259 году Юго-Западная Русь подверглась новому опустошительному нашествию ордынских полчищ.

Галицко-Волынское княжество, ослабленное нападениями чужеземцев, постепенно утрачивает свою независимость, и в 1340 году волынский край был присоединен к Литве. Присоединение произошло, что нередко случалось, путем «ряда» — договора, в котором местные феодалы усматривали возможность обезопасить себя как от подымавшегося немецкого Ордена, так и от все еще чувствительного давления Золотой Орды. Однако на про-

тажении всей второй половины XIV века Волынь оставалась предметом острого соперничества двух соседей — Литвы и Польши. Дабы удержать на своей стороне волыньскую знать, великие литовские князья жаловали ей крупные земельные владения. Именно с этой поры берет свое начало родословная династия Острожских, пожалуй, самого знаменитого княжеского рода на Волыни. Но покровительство Литвы несло русской народности края не только единую государственность и жалованные грамоты на удел. Великий князь Литвы Витовт, княживший на Волыни до восхождения на литовский престол, положил начало попыткам католизации местного православного населения, обращения его в иную веру. «Знай-те, — писал он православному духовенству, — занеже мы есьмо не вашей веры, а коли бых мы хотели того, чтобы в нашей державе вера ваша меньшалася и угубалася, а церкви ваши не строены: воля нам есть...»². И хотя сменивший Витовта в 1430 году князь Свидригайло сжег и разрушил все католические храмы на Волыни, это был только пролог векового соперничества непримиримо враждебных лагерей христианства — соперничества, оставившего заметный след в истории местной культуры. Несмотря на то, что только во владениях князей Острожских в первой половине XVI века было более шестисот православных церквей и десять монастырей, католические костелы и кляшторы (монастыри) неумолимо множились.

В эту эпоху через волыньские города Дубно, Острог, Гошу, Корец пролегли оживленные торговые пути из Львова к Киеву, из Киева к Луцку и далее, к Польше. По Горыни уже ходили утлые суденышки, груженные изделиями ремесленников, скотом, мехами, продовольствием. Богатства края беспрестанно разжигали аппетиты чужеземцев, из которых наибольшую опасность представляла татарская орда.

Очередная страница в истории края была открыта подписанием в 1569 году Люблинской унии, объединившей Польшу и Великое княжество Литовское в одну державу — Речь Посполиту, в которой доминирующее место получила польская государственность. Согласно унии юг нынешней Ровенщины отошел к Луцкому повету Волыньского воеводства. В новых общественных условиях украинские феодалы Чарторийские, Корецкие, Заславские, а с ними еще пятьдесят семь литовско-русских вельмож, желая снискать милость короля, принимают

католичество, на распространение которого направили все свои усилия иезуиты, появившиеся в Польше в 1566 года. За короткое время они наводнили Речь Посполиту, в том числе и Волыньское воеводство, своими кляшторами и коллегиумами (учебными заведениями). Уже в 1584 году иезуиты проникли во Львов, построив там вначале скромный деревянный храм, а затем в 1608 году открыли коллегиум. В первой четверти XVII века крупные иезуитские школы появились в Луцке, Баре, Перемышле, в 1620 году — в Киеве, наконец, в 1624 году — в Остроге. Еще раньше (по некоторым сведениям с XIV в.) в этом волыньском городе основался орден доминиканцев — «псов господних», преданно служивших папской инквизиции.

Все монашеские ордена преследовали одну стратегическую цель — распространение католицизма, усиление своего религиозно-политического влияния среди коренного населения. Однако это не снимало некоторых различий между ними — прежде всего уставных — а порой и острого соперничества. Так, например, иезуиты, якобы обреченные Иисусом на борьбу против «адских чудовищ и порождений сатаны», стремились к достижению своих целей в первую очередь путем учреждения множества учебных заведений, обучение в которых нередко было безвозмездным. Соперничать с иезуитами на педагогическом поприще мог только орден пиаров, члены которого сверх обычных принимали обет бесплатного обучения юношества. «Прелетариями» среди монахов принято было считать капуцинов, имевших чрезвычайно строгий устав, носивших характерные, бурого цвета одежды с капюшоном (отсюда и название ордена) и веревочным поясом, который использовался для самобичевания. Францисканский орден обладал папской привилегией на право проповедей и совершения таинств, тогда как бернардинцы могли владеть недвижимым имуществом и капиталами. Строгим уставом отличалась жизнь монашеского ордена кармелитов, первая община которого появилась еще в XII веке на горе Кармиле в Калабрии (Италия). Каждый кармелит должен был жить в отдельной келье, не ест никогда мяса, занимаясь поочередно рукоделием и молитвой.

Новообращенные в католичество местные магнаты не жалели средств на строительство в западноевропейских манерах величественных костелов и монастырей, щедро одаривали множившиеся обители иезуитов и других

папских орденов. Для привлечения к латинской вере православного населения костелы часто перестраивались из церквей или же ставились заново на их месте, материализуя тем самым миссионерское шествие католицизма по украинским землям.

В 1596 году состоялся Брестский собор. Православный клир, съехавшийся для обсуждения вопроса о церковной унии, раскололся на две враждебные половины. И православные, и униаты — приверженцы объединения с католической церковью — предали друг друга анафеме, а духовенство каждой из сторон было объявлено низложенным. Обе стороны обратились за утверждением и исполнением своего решения к королю. Сигизмунд III, сам католик, естественно, принял сторону униатов³. Пользуясь в дальнейшем активной поддержкой польского короля и подавляющей части местной знати, к середине XVIII века уния почти целиком вытеснила православие на Волыни. Не последнюю роль в этом играл монашеский орден базилиан (василиан), который после Брестской унии превратился, по сути, в униатский орден, в чьем ведении оказались все бывшие православные монастыри, примкнувшие после 1596 года к унии. Сохраняя элементы православной обрядности, монахи этого ордена полностью признавали догматы католической церкви, деятельно поддерживали политику римского папы по окатоличиванию населения Западной Украины.

Более двух столетий длился процесс насильственной колонизации украинского населения. Народ не мирился с феодально-крепостническими, национальными и религиозными притеснениями. На исходе XVI века широко разнеслась молва о героическом восстании казаков и крестьян под предводительством Северина Наливайко, выходца из Острога. Весь волынский край был охвачен пламенем борьбы во время освободительной войны 1648—1654 годов. Огромные массы подневольного украинского люда, влившись в крестьянско-казацкую армию Богдана Хмельницкого, приняли участие в сражениях с королевским войском Яна Казимира, надеясь на бесповоротное изгнание польской шляхты и ненавистных ксендзов. Но по Андрусовскому договору 1667 года вся правобережная Украина, в том числе и волынские земли, осталась в составе Речи Посполитой.

Несмотря на тяжелые социальные условия, сложившиеся в крае, украинская нация сохранила свою культуру, искусство, язык. В конце XVI столетия средоточи-

ем культурной жизни на Волыни был Острог. Здесь существовала греко-славянская школа, именовавшаяся Острожской академией. В деятельности антиуниатского кружка при этой школе принимали участие Герасим Смотрицкий, Василий Суражский, Демьян Наливайко. Здесь же создавал свои бессмертные творения первопечатник Иван Федоров.

Непростым путем шло развитие волынского зодчества, многие памятники которого неплохо сохранились. Как бы параллельно и почти независимо друг от друга развивалась местная архитектурная традиция, восходящая к строительным приемам Киевской Руси и народному зодчеству, и традиция западноевропейская, проявляющаяся в строительстве костелов, католических кляшторов, шляхетских дворцов. Но если «отголоски» западноевропейских стиливых течений характеризовались больше нюансными новациями по отношению к известным прообразам, то местное народное зодчество, в первую очередь деревянное, оставило нам в наследство богатейший и неповторимый пласт архитектурных творений. Наиболее ярко — и это вполне объяснимо социальными условиями той поры — этот пласт запечатлен в культовых постройках XVII—XVIII веков. Значительное число старинных деревянных церквей, разбросанных по волынским городам и селам, включая и южную часть Ровенщины, открывает нам живое, творческое начало созидательного труда неизвестных народных мастеров. Не без веских оснований на то исследователи утверждают существование самобытной «волынской школы» деревянного зодчества. Среди отличительных примет принадлежности к ней прежде всего можно выделить трехчастность в плане храмов (бабинец, неф, алтарь) устройство одной и, реже, трех глав, приземистость объемной композиции, подчеркиваемую обычно ее двухъярусным построением при явном доминировании масс нижнего яруса, главенствующей роли среднего объема и относительно невысоких глав. Поражает гармоничная соподчиненность отдельных частей целому, удивительная «камерность» восприятия храмов, обычно небольших по размерам и, как следствие, очень сомасштабных человеку. При довольно скромном внешнем и внутреннем убранстве особая роль в интерьере принадлежит иконостасу, который как бы концентрирует в себе художественную силу изобразительных средств и нередко являет собой яркое произведение резьбы по дереву.

Разумеется, многие памятники зодчества сегодня предстают перед нами в несколько видоизмененном облике по сравнению с первоначальным, что обусловлено позднейшими достройками и неоднократными ремонтами.

К концу XVIII века в Польше до предела обострился политический кризис. Феодалная анархия, печально знаменитое право «либерум вето», позволявшее даже одному члену сейма блокировать принятие любого решения, практически парализовали принятие любой воли польского короля. Этим не преминули воспользоваться монархи соседних государств, в три захода, в 1772, 1793 и 1795 годах, словно огромный пирог, поделившие между собой беспомощную Речь Посполиту. По второму и третьему разделу волынские земли отошли к Российской империи, образовав вначале Волынское наместничество, а с 1797 года — Волынскую губернию.

В XIX веке уже не было тех социальных условий, которые стимулировали прежде строительство роскошных дворцов и замков. После польских восстаний 1830—1831 и 1863—1864 годов большинство польских поместий конфискуется и жалуется русской аристократии. Многие же из некогда пышных усадеб приходят в запустение, медленно разрушаются. Путешествовавший в 1846 году по южной Волыни Т. Шевченко писал: «На полях Волыни и Подолии вы часто любуетесь живописными развалинами древних массивных замков и палат, некогда великолепных, как, например, в Остроге или Корце. В Корце даже церковь, хранилище бальзамированных трупов фамилии графов Корецких, сама собою в развалину превратилась. Что же говорят, о чем свидетельствуют эти угрюмые свидетели прошедшего? О деспотизме и рабстве? О хлопах и магнатах!»⁴

Эпоха российского самодержавия оставила в крае пестрое архитектурное наследие. Так, уже в 1801 году вышел синодальный запрет строить церкви в украинском стиле⁵, который должен был уступить место казенному строительству по официально утвержденным проектам. В конце XVIII — первой трети XIX столетия, как и во всей России, широкое распространение получил классицизм, а также стилистическая особенность позднего этапа его развития — ампир. С укреплением позиций официальной религии Российской империи — православия — в крае заметно ослабевает влияние католической церкви, вследствие чего постепенно сходит на нет новое

Ровно.
Мемориальный комплекс
на воинском кладбище.
Арх. Н. А. Долганский,
скульпт. М. Л. Фарина

строительство костелов и латинских монастырей. Более того, царским указом 1851 года предписывалось обрабатывать костелы в церкви с соответствующими перестройками, если местная знать откажется построить своим коштом новую каменную или починить старую православную церковь⁶. Во второй половине столетия в городах и местечках края возводятся несколько крупных каменных церквей в псевдорусском стиле, претендовавших более на величественную помпезность, чем на изысканность архитектурного вкуса.

Большой урон культурному наследию края принесла первая мировая война. Извивающейся змеей пролегла по Волыни линия фронта, разделявшая австрийские и русские войска. Военные действия причинили непоправимые разрушения многим архитектурным памятникам. В Млинове, к примеру, по одну сторону пруда в течение девяти месяцев стояли русские полки, по другую — на

территории усадебного архитектурного ансамбля и парка Ходкевичей — австрийские.

К лету 1919 года Советская власть прочно установилась в большинстве районов Ровенщины. Но при поддержке иноземных покровителей и контрреволюционных действий петлюровщины буржуазно-помещичья Польша в 1920 году оккупировала волинскую землю до линии Олевск — Корец — Острог — Лановцы. Иначе как колониальными нельзя назвать те девятнадцать лет, которые предшествовали воссоединению Западной Украины с Украинской ССР в 1939 году.

Трудная участь выпала на долю Ровенщины в годы Великой Отечественной войны. Именно здесь, в окрестностях Дубно и Берестечко, уже в самые первые дни войны развернулись главные сражения на Украине. В этих ожесточенных боях, вспоминал позже много лет спустя Г. К. Жуков, войсками Юго-Западного фронта успешно был нанесен один из первых контрударов по противнику. В результате вражеская группировка, рвавшаяся к Киеву, была задержана на линии Дубно — Броды⁷. Вскоре волинский край стал партизанским краем. Здесь действовали не только отдельные партизанские отряды, но и крупные соединения, ряды которых насчитывали тысячи народных мстителей. Широкомасштабной антифашистской борьбой на Ровенщине руководил подпольный обком КП(б)У, возглавляемый его первым секретарем В. А. Бегмой. С Ровенщиной связаны имена выдающихся командиров партизанского движения: Д. Н. Медведева, С. А. Ковпака, А. Ф. Федорова, А. Н. Сабурова и многих других. А в Ровно, в самом логове фашистского командования на Украине, добывал ценнейшую разведывательную информацию легендарный разведчик Н. И. Кузнецов.

Те героические события навеки запечатлелись в гранитных памятниках, монументах, мемориалах, которые часто можно встретить на площадях городов и сел, а то и среди придорожных холмов. Остановимся у этих строгих обелисков и стел. Почтим священную память павших.

Интересный и насыщенный маршрут, незнакомые дороги и тропы — то же, что увлекательная и всегда загадочная книга. В отличие от обычной она не имеет начала и конца, а «страницы» ее открыты всем ветрам и странам света. Эту «книгу» можно читать и перечитывать в любом направлении, каждый раз открывая для себя беспре-

дельное разнообразие прекрасного в окружающем мире, обогащаясь вновь и вновь свежими впечатлениями.

Автор не предписывает путешественнику следовать строго определенному маршруту. Судя по карте и последовательности изложения материала в тексте, наш путь может начинаться в Кóрце — восточных воротах области, — лежащем на оживленной автотрассе Киев — Львов — западные границы СССР. Далее маршрут проходит через Гощу, Ровно, Острог, Дубно, Млинов, заканчиваясь на юго-западе области у знаменитых «Казацких могил». Но вполне возможно построить осмотр архитектурных достопамятностей и обратным образом либо избрать столь же приемлемый способ радиальных поездок из областного центра. В любом случае густая сеть дорог, регулярное автобусное сообщение (если вы не «на колесах»), относительно небольшие расстояния и обжитость края сделают ваше странствие приятным и неутомительным.

Автор выражает глубокую признательность доктору исторических наук В. В. Косточкину, рецензентам: кандидату исторических наук Д. Ю. Арапову, искусствоведу В. М. Рудченко, а также ровенским краеведам: кандидату исторических наук Г. В. Бухало, В. Е. Лящуку, В. Д. Лучу, Т. А. Пономаревой, Б. А. Прищепе за содействие в подготовке и улучшении содержания этой книги.

2. От Кóрца до Тучина

Вон ряд обломков! Там на вышних крутые
Отчаянно толпы забегали боевые
И гибли!..

Н. М. Языков

«Изяслав... перешед Горину и ту ста на Хотрии и отоле же поиде ко Коречьску. И корчане же вышедше с радостью и поклониша ему»⁸. Так Ипатьевская летопись под 1150 годом впервые упоминает поселение Кóрец в связи с походом великого киевского князя Изяслава во времена междоусобной войны с владими́ро-суздальским князем Юрием Долгоруким. Был ли Кóрец тогда укрепленным городом или обычной вёсю — доподлинно неизвестно. В 1258 году здесь некоторое время стоял со своей дружиной Данило Галицкий, готовя оборону от монголо-татар, что подтверждает стратегическое значение местоположения Кóрца.

С 1380 года Кóрец — во владении влиятельного князя Федора Острожского, который на месте старого городища велел возвести хорошо укрепленный замок, ставший «воротами» из Киева на Волынь. Но так как в этой своей роли Кóрец нередко подвергался опустошительным нашествиям татар, то князья здесь не жили, предпочитая в случае нападения «борониться» в Остроге. Как долго Острожские владели Кóрцем, исторические источники умалчивают, но уже с XV века местечко находилось в собственности князей Корецких, последний представитель рода которых умер, не оставив потомства, в 1651 году. Ненадолго Кóрец переходит к Лещинским, затем — к князьям Чарторийским на Клевани, которые стали называться Чарторийскими на Кóрце. При последнем из корецких вотчинников этого рода Иосифе Чарторий-

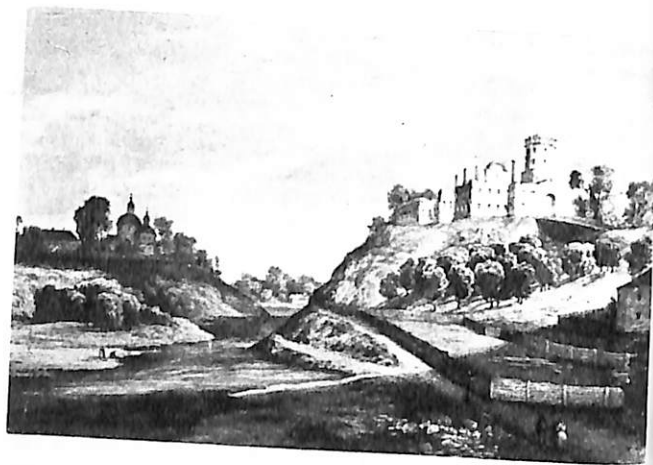
ском, стольнике Великого княжества Литовского, в конце XVIII столетия обнищавший было Кóрец стал в один ряд с лучшими местечками края.

Возвышение местечка не в последнюю очередь обязано громкой славе появившегося здесь фарфорового завода. Известно, что в 1793 году здесь работало более тысячи рабочих под началом искусных французских мастеров, братьев Франциска и Михаила Мезеров. Корецкий фарфор, по свидетельствам современников, ничем не уступал саксонскому и превосходил венский. Выгодная мануфактура приносила хозяину большие доходы, но в конце 1796 года пожар уничтожил предприятие со всем его имуществом. Пригласив в 1804 году на пост директора фабрики севрского мастера Мера, И. Чарторийский попытался возродить славу корецкого фарфора. В составленном в 1811 году рукописном предисловии к Атласу Волинской губернии неизвестный автор написал, что «фарфоровая и фаянсовая фабрики в местечке Кóрце заведенные, не менее достойны примечания: в них выделяется множество столовой посуды, чайных и кофейных приборов и продается за весьма умеренную цену внутри губернии, расходуется оной довольно и сверх того с соседних губерний в большом количестве приезжают покупщики за оною и платят наличными деньгами»⁹. Однако после смерти владельца в 1810 году производство снова стало клониться к упадку и в 1831 году было окончательно закрыто.

После третьего раздела Польши Кóрец становится волостным центром Новоград-Волинского уезда Волинской губернии, постепенно теряя свое хозяйственное и торговое значение.

Сегодня Кóрец представляет собой небольшой, тихий городок, районный центр у самой восточной границы Ровенской области, лежащий на автомагистрали Киев — Львов, которая длинным лучом пересекает город. К Кóрцу примыкают два села, а точнее, предместья — Жадковка с юга и Новый Кóрец с запада, административно самостоятельные, но планировочно слитые с городом.

Удивительный по красоте ландшафт создала природа, где основался Кóрец. С юга на север, образуя причудливый меандр, небыстро несет свои воды серебристый Корчик — речка на первый взгляд слабосильная, но очень настойчивая. Благодаря этому ее свойству среди холмов и возвышенностей за бесчисленное число лет появился живописный каньон с более высоким и каме-

*Корец. Вид города
с руинами замка
и Козьмодемьянской
церковью (слева).
Литография из альбома
Н. Орды. 1870-е гг.*

нистым правым берегом. Под одной из скал вырываются из земных глубин несколько чистых родниковых ключей, хрустальным потоком слезающих зимой и летом. Главной архитектурно-исторической достопримечательностью Корца, бесспорно, являются живописные развалины старого замка — там, где Корчик, дугой пробив себе дорогу в мощных выходах гранита, образует высокий, выдающийся на запад мыс с небольшой площадкой наверху (ул. Замковая). Словно магнитом притягивают к себе путника загадочные замшелые руины — немые свидетели былой магнатской славы и титанического труда подневольных строителей. Основанный на этом месте еще Острожскими деревянный замок волинский воевода Богущ Корецкий в первой половине XVI столетия укрепил мурами (каменными стенами). Их руинированные фрагменты, сложенные из огромных валунов и словно вырастающие из гранитных скал, хорошо

*Корец. Руины замка.
XV—XVIII вв. Фрагмент*

видны у юго-западного подножия замка. Со стороны материка крепость была окружена глубоким рвом, глубоким настолько, что в исторической литературе встречаются явно неправдоподобные версии о наполнении его водами Корчика. Через этот ров, частично сохранившийся, вел к твердыне подъемный мост.

Позже, в XVII, а затем в XVIII веке, замок существенно перестраивался. Последняя, самая обширная перестройка была предпринята в 1780-е годы Чарторийскими, в результате чего замок был приспособлен под княжеский палац (дворец) с барочной детализировкой. Остатки внешних кирпичных стен этого замка дошли до наших дней. С того времени сохранился и четырехарочный каменный мост, соединивший замок-палац с местечком. В 1832 году этот дворцово-замковый комплекс серьезно пострадал от обширного пожара, после чего больше не отстраивался. Уже в руинах предстал он перед Т. Шев-

Корец. Руины замка.
XV—XVIII вв.

Корец.
Козьмодемьянская
церковь. 1897

ченко, совершавшим поездку по Волыни в 1846 году. Таким же запечатлен он и на литографии в альбоме Н. Орды¹⁰.

Сразу за каменным мостом, переброшенным через полусасыпанный, но все еще глубокий ров, высятся трехъярусная надвратная башня с въездной брамой (воротами). Ее строгий вертикальный объем на квадратном основании, явно доминировавший в замковом ансамбле, далек от образцов оборонного зодчества и наделен всеми чертами светской архитектуры. Небольшие лучковые фронтоны завершают плоскости стен башни, охватывая сверху круглые окна, в одном из которых некогда были установлены куранты.

Будто гигантские театральные декорации фланкируют с севера и юга въездную башню остатки внешних стен дворца с отрешенно зияющими оконными проемами. Между развалинами то тут, то там чернеют провалами

мрачные подземелья с хорошо сохранившимися цилиндрическими каменными сводами из рваного бута, оставшиеся, видимо, от крепостного замка Корецких. На внутренней площадке замка еще различимы кое-где выходы фундаментов, протянувшихся с юга на север и делящих его территорию на две примерно равные части. Эти смутные следы напоминают о существовании некогда здесь жилого корпуса. Рядом была замковая церковь, построенная при Корецких, от которой не осталось и следа.

С западной кромки замка открывается чарующая панорама долины Корчика. Сразу напротив, по другую сторону реки, словно ларец на гранитном постаменте, поднимается деревянная Козьмодемьянская церковь, построенная в 1897 году на месте обветшавшей. Чем-то сказочным веет и от замшелых, поросших диким кустарником развалин, и от неповторимого, веками складывавшегося пейзажа.

К северу от замка, почти вплотную к главной улице города, придвинулся грузный объем Николаевской церкви, построенной в 1834 году. В основе композиции ее плана лежит типичная для волынского культового зодчества трехчастная структура с несколько уширенной и повышенной средней частью. Однако характер внешнего убранства и деталей постройки, несомненно, относит ее к общему классицистическому течению в провинциальном русском зодчестве первой трети XIX века. Средний объем церкви увенчан огромным, слегка пониженным куполом. С северной и южной сторон пристроены два портика дорического ордера со спаренными колоннами на пьедесталах. Верхняя, аттиковая часть среднего объема, возвышающаяся над портиками, с трех сторон оформлена огромными полуциркульными люнетами, освещающими подкупольное пространство. С западной стороны, где расположен главный вход, устроен четырехколонный портик. Над ним помещена колокольня, имевшая некогда высокий острый шпиль.

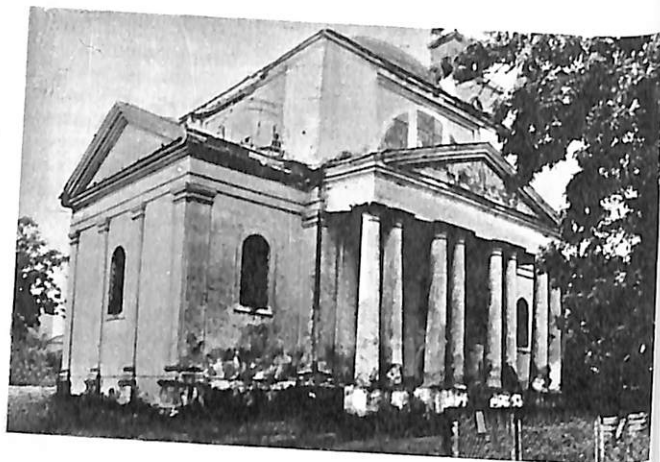
Возле Николаевской церкви, ближе к Корчику, стоит хорошо сохранившийся малый дворец И. Чарторийского, построенный им в 1788 году с очевидным намерением придать этой постройке сугубо светский характер в противовес пространственно изолированному, обособленному положению старого дворцового замка. Широкий покаты́й партер объединяет двухэтажную постройку с главной улицей Корца, что должно было свиде-

тельствовать о благонамеренном попечительстве и общественном статусе корецкого магната, пекущегося о благоустройстве местечка.

Напротив малого дворца, по другую сторону улицы, видно двухэтажное здание, принадлежавшее бывшему Воскресенскому монастырю базилианов, основанному в 1616 году. Эта сильно обветшавшая постройка — бывший корпус монашеских келий с частично сохранившимися в уровне первого этажа крестовыми сводами. Построены келии в 1764—1767 годах в стиле позднего барокко. Весь небогатый декор сосредоточен на восточном фасаде здания, где когда-то был главный вход в монастырь, ныне закрытый оградой и невзрачными хозяйственными сооружениями.

На левом берегу Корчика, уже на территории предместья Новый Корец, немного севернее Козьмодемьянской церкви, на небольшом возвышении расположился приходский костел Св. Антония, обнесенный кирпичной оградой. Костел на этом месте был основан Корецкими еще в 1533 году. Впоследствии он перестраивался (1706 и 1916 гг.). В настоящее время — это скромное, сохранившее свою особую выразительность произведение барочной архитектуры. Ориентированный алтарной частью на запад, основной объем костела дополнен пристроенной к южному нефу высокой восьмигранной часовней, покрытой куполом с четырьмя люкарнами. В свою очередь купол завершает световые восьмигранные барабаны с парными волютами между окнами. Некоторые исследователи предполагают, что объем часовни является старой алтарной частью первоначального храма, к которому впоследствии с запада и востока был пристроен основной нынешний объем со входом с восточной стороны. Еще не так давно шпиль костела украшал высокий двухъярусный фиал, ныне не существующий. В южной части внешней ограды размещается вход и еще достаточно прочная звонница с тремя щелевидными арками для колоколов.

Крупнейшим архитектурным ансамблем Корца является женский Свято-Троицкий монастырь, вплотную примкнувший к главной улице в восточной части города. Основан он был в 1620 году как францисканский кляштор Карлом Корецким, который и окончил строительство барочного костела. Это была трехнефная базилика с сильно выступающей на восток полуциркульной апсидой. Почти одновременно со строительством костела

Корец.
Николаевская церковь.
1834

Корец. Костел
Св. Антония. 1533

с севера к нему пристраивается Г-образный в плане корпус монашеских келий, вначале одноэтажный, а в XVIII веке надстроенный вторым этажом. После политических волнений 1830 года францисканский костел упраздняется и освящается как Троицкая церковь. Для придания бывшему костелу «православных» черт во второй половине XIX века его западный фасад надстраивается деревянной башней с высоким шатром, а в восточной части над средним нефом возводится ложный четверик с пятью главами, непропорционально мелкими в соответствии с объемом храма. А в 1863 году весь костел передается женскому Свято-Троицкому монастырю. На рубеже веков архитектурный комплекс дополняется новыми постройками, в том числе надвратной колокольней (1905) и теплой Иоанно-Предтеченской церковью (1890). Сегодня только двухэтажный корпус монашеских келий с крестовыми сводами над первым

*Корец. Свято-Троицкий
монастырь.
XVII — начало XX в.*

этажом и с незамысловатыми оконными наличниками на фасадах сохранил в значительной мере старый облик. Да еще на западном фасаде Троицкой церкви ощутимым диссонансом ко всему архитектурному окружению выделяется довольно крупный барочный портал с раскрепованным фронтоном — «реликтовый» фрагмент давно упраздненного костела францисканцев. В целом же нынешний облик монастыря типичен для провинциального культового зодчества конца XIX — начала XX века, когда в широком ходу были формообразующие средства «русского стиля»: многочисленные главками, шатровые покрытия с маленькими главками, декоративные колонки с перехватами и дыньками, разнообразные горизонтальные пояски и прочая атрибутика.

Впрочем, одно место на монастырском подворье невольно обращает на себя внимание. У апсиды Троиц-

*Корец. Свято-Троицкий
монастырь.
Келии. XVII в.*

кого храма стоит небольшое, заботливо ухоженное надгробие из полированного гранита с золотой надписью: «Анна Алексеевна Андро, рожденная Оленина». Да, здесь покоится прах той самой Аннет Олениной, которой великий поэт России посвятил «оленинский цикл» стихотворений («Город пышный...», «Ее глаза», «Ты и вы», «Приметы», «Что в имени тебе моем...» и др.). Дочь известного мецената, президента Академии художеств и директора публичной библиотеки А. Н. Оленина пробудила у 29-летнего Пушкина, только-только возвратившегося в Петербург из южной ссылки, сильные и нежные чувства. Весной 1828 года поэт часто бывал у Олениных, связывал с юной красавицей сокровенные мечты о семейном счастье¹¹. Однажды Пушкин услышал в доме Олениных обработанную М. И. Глинкой грузинскую мелодию. Анна Алексеевна прекрасно напела ее. Тогда же родился поэтический шедевр «Не пой, красави-

ца, при мне...»¹². В другом стихотворении («То Dawe ESQ») влюбленный поэт восторженно писал:

«Зачем твой дивный карандаш
Рисует мой арапский профиль?
Хоть ты векам его предашь,
Его освищет Мефистофель.

Рисуй Олениной черты.
В жару сердечных вдохновений,
Лишь юности и красоты
Поклонником быть должен гений»¹³.

Последние годы жизни Анна Алексеевна Андро провела в Кóрце и Деражном, где жили ее дети и внуки. В воспоминаниях старожилов до нас дошел образ доброй, набожной старушки, щедро благотворившей Свято-Троицкому монастырю, в знак уважения принявшему ее прах на вечный покой.

Еще дальше в сторону Киева у дороги виднеется небольшая кладбищенская Георгиевская церковь. О дате ее постройки нет сведений, известно лишь, что она существенно обновлена в 1877 году, когда, видимо, и появились характерное пятиглавие и колокольня, пристроенная со стороны главного входа.

В западном предместье города, в Новом Кóрце, известно по летописям еще с домонгольской поры, находится миниатюрная, малоприметная на первый взгляд деревянная постройка — кладбищенская Ильинская церковь. Ее возведение датируется в новейших исследованиях 1595 годом¹⁴. Этот скромный памятник интересен и ценен как пример архаичного, ныне крайне редко встречающегося двухсрубного храма (небольшая пристройка с запада — позднейшего происхождения). Большой сруб сохранил древнюю конструкцию покрытия в виде рубленого четырехгранного шатра с пологими скатами без верхнего освещения. Кровля церкви когда-то была устроена из драни, позже заменена железными листами. Несмотря на последовавшие в XIX столетии новые наслонения (западные сени, декоративная главка над шатром, внешняя обшивка стен срубов), это непритязательное сооружение можно с полным основанием отнести к числу тех неотъемлемых звеньев раннего этапа эволюции деревянных храмов, которые предопределили впоследствии появление более сложных и выразительных композиционных решений.

В Кóрце можно осмотреть еще две деревянные церкви — Вознесенскую в Жадковке (1886) и Пятницкую в Новом Кóрце, построенную в 1911—1914 годах на месте старой церкви. Играя, несомненно, важную и активную роль в сложении силуэта города, обе эти постройки предстают, однако, всего лишь суховатыми, рационализированными версиями «неорусского стиля», близкими по духу и архитектурным формам комплексу Свято-Троицкого монастыря.

Если вы, знакомясь с Кóрцем, обошли случайно storonной местный филиал Ровенского краеведческого музея, обязательно осмотрите напоследок его небогатую раритетами, но оттого не менее интересную экспозицию.

В двадцати двух километрах к западу от Кóрца, по обе стороны небольшой речки Ставы¹⁵, лежат Великие Межиричи, раньше именовавшиеся Межиричами Корецкими (в отличие от Межиричей Острожских). Свое нынешнее название Великие Межиричи оправдывают сполна — село действительно большое и действительно как бы зажато в междуречье. С одной стороны вытекает узенькая Ставы, с другой — правый ее приток, почти ручей.

Первые упоминания о Великих Межиричах относятся к 1544 году, когда они входили во владения князей Корецких. К началу XVII века Корецкие возвели здесь замок, укрепив его каменными стенами и окружив земляными валами. Позже, в 1650 году, местечко становится восточной крупнейшей волынской магнатов — Любомирских, основавших здесь римско-католический коллегиум ордена пиаров и построивших при нем в 1702 году костел Святого Антония. В 1773 году Межиричи перешли к овручскому старосте Яну Стецкому, который на месте развалин старого замка Любомирских строит великолепный палац, ставший его главной резиденцией. После смерти Яна в 1814 году Межиричи достались его старшему сыну Юзефу. Он деятельно помогал местным школам, подбирая для них учителей, основал первый в крае ботанический сад, а при дворе богатого пана играла собственная капелла. В 1831 году за участие владельца в польском восстании российское правительство конфисковало имение.

И костел Св. Антония, и бывший палац Стецкого, где сейчас разместилась школа-интернат, сохранились до наших дней. Эти два памятника архитектуры сегодня не только украшают Великие Межиричи, но и, пожалуй,

*Великие Межиричи.
Костел Св. Антония.
Восточный фасад.
1702—1725.
Арх. В. Ленартович*

стоят в ряду наиболее ярких произведений всего волынского зодчества — каждый, разумеется, в своем стиле, в своей самобытной образности.

Еще в XVI веке на месте теперешнего костела Св. Антония князь Константин Острожский, владевший межричскими землями на правах залога, построил небольшой деревянный костел и «посадил» при нем ксендза. В 1601 году постройка погибла от пожара, и лишь в 1702 году начато было строительство нового каменного храма. Для этого тогдашние владельцы Межиричей Любомирские пригласили польского архитектора, мастера любомльского цеха каменщиков и каменотесов Войцеха Ленартовича. Темпы строительства были неспешные, работы не раз приостанавливались, и освящен костел был лишь в 1725 году. После ликвидации пиарского кляштора в 1853 году костел превращен в приходский.

По своей образной характеристике межричский кос-

*Великие Межиричи.
Костел Св. Антония.
1702—1725.
Арх. В. Ленартович.
Портал главного входа*

тел представляет показательный пример католического храма барочной архитектуры, или, как ее еще называли тогда, «иезуитской архитектуры», активно утверждавшейся на западноукраинских землях монашескими орденами — в данном случае пиаров. Представляя тип трехнефной базилики, наиболее типичной для костельных строений на Волыни, архитектура костела раскрывается прежде всего в его фасадной композиции — обычной для такого типа построек. Строгая симметрия, отчетливо акцентированный порталом главный вход, две равновеликие башни по бокам венчающего фронтона, четко прочерченный на стенах ритм пилястр и горизонтальных поясов — все это вместе взятое придает костелу строгое величие и устремленность ввысь. Это ощущение становится еще сильнее благодаря сознательно нарушенным соотношениям фасадных членений, где явно доминирует нижний ярус, из-за чего даже пиля-

стры получились необычно высокие и узкие. В одной из башен когда-то помещались колокола, в другой — часы.

От старых, примыкавших некогда к костелу пиарских домов не осталось и следа, даже развалин. Только с западной алтарной стороны благодаря слитности с основным объемом костела сохранилась двухэтажная пристройка пиарской школы, на первом этаже которой помещался так называемый экзаменационный зал, на втором — библиотека. Спустившись в проем цоколя с северной стороны, можно осмотреть просторную крипту с прячущимися в сырой темноте огромными крестовыми сводами на низких столбах-опорах.

Внутреннее убранство костела, сохранившее еще очевидные следы былого богатства, постепенно приходит в запустение. Еще хорошо прочитывается лепнина стен, колонн и сводов. Но уже перекошились и частично разрушены пышные резные киоты, скололись деревянные архитектурные детали, покрыв пыльным слоем обломков полуразобранный паркетный пол. Местами прохудившаяся крыша под порывами ветра громыкает листьями кровельного железа. Хочется верить, что этот процесс обратим.

На северной возвышенной стороне села, где когда-то громоздились замковые укрепления, в безлиственное время года издали видны классицистические очертания бывшего палаца Стецких — яркого образца волинской усадебной архитектуры периода раннего классицизма.

С историей создания этого неординарного архитектурного произведения связано имя известного зодчего Доменика Мерлини (1730—1797) — одного из главных представителей классицизма в Польше (варшавские дворцы «Круликарня», Лазенковский и др.). Итальянец по происхождению, он, когда ему не исполнилось еще и двадцати лет, переехал в Польшу, где и провел всю свою творческую жизнь, начав ее с работы учеником и помощником Я. Фонтаны и закончив блестящую карьеру с титулом архитектора Речи Посполитой. Кроме официальной службы Мерлини имел обширную частную клиентуру, причем исключительно среди польской аристократии, считаясь архитектором двора и магнатских сфер. Немало работал он и на периферии. В частности, известны три его работы на Украине: палац И. Меньчинского в Пеняках (ныне село Львовской области), перестройка дворца Любомирских в Дубно

Великие Межиричи.
Дворец Стецких. 1789.
Арх. Д. Мерлини

(1780-е гг.) и, наконец, усадьба Стецких в Великих Межиричах (1789)¹⁶.

Подчеркнутая парадность дворцово-усадебного ансамбля достигнута особым пространственным расположением его объемов, сгруппированных симметрично композиционной оси, сориентированной на историческое ядро местечка. В центральной части усадьбы находится главный двухэтажный корпус дворца. По обе стороны от него расположены сдвинутые вглубь участка более скромные двухэтажные флигели, соединенные с главным корпусом дугообразными в плане галереями-переходами. Вход во дворец с северной стороны отмечен изящным по пропорциям четырехколонным портиком ионического ордера. По оси портика в уровне крыши устроен довольно высокий мезонин с тремя люнетами. С южной стороны к зданию приставлен шестиколонный портик с балконом на уровне второго этажа и с

парадной наружной лестницей. В былые времена сюда подымалась широкая благоустроенная аллея, начинавшаяся у подножия холма. Когда-то здесь плескались воды небольшого искусственного водоема, окруженного парковой зеленью, прогулочными дорожками и беседками. Ныне это полусасыпанное озерцо почти заглохло, лишь искореженные старостью ивы смутно напоминают о его бывлой свежести и красоте.

Во внутреннем убранстве дворца привлекает изысканностью лепная отделка парадного зала на втором этаже, увы, сохранившаяся не полностью (утрачена орнаментика потолка).

В Великих Межиричах, в восточной части села, стоит деревянная Петропавловская церковь (1848), в архитектуре которой отразился переходный этап от угасающего классицизма к зарождавшемуся неорусскому стилизаторству. Из Великих Межиричей лучше сразу напрямик проехать в Невирков — соседнее село примерно в пяти километрах к западу.

Не доезжая немного до околицы села, внимательно присмотревшись, справа от дороги можно увидеть вдаль деревянную ветряную мельницу. Еще каких-нибудь столетия назад этот тип построек был достаточно широко представлен на Волыни, хотя и уступал по хозяйственной значимости своему более надежному «конкуренту» — водяной мельнице. Время не пощадило этого «труженика». Прохудилась во многих местах обшивка, просвечивают пустым каркасом ветрила, заросли даже тропы к нему. По типологической принадлежности этот ветряк относится к обширной группе так называемых столбовок, у которых мельница вращается по ветру вокруг вертикальной оси, то есть вся постройка держится, по сути, на одном-единственном столбе. Для ее поворота с противоположной крыльям стороны устроено длинное коромысло. Однако в отличие от высоких, более выразительных и броских по облику северо-русских столбовок на ряжах-кострах этот тип имеет очень низко опущенный пол (здесь не сохранился) и наружную обшивку стен, доходящую почти до самого низа, из-за чего кажется, что мельница стоит на земле всем своим объемом. Невзирая на открытость ветрам и дождям, в целом конструктивные узлы мельницы сохранились неплохо. Особенное впечатление производит внутренняя ось-стойка, упирающаяся в мощную крестовину с тщательно прирубленными укосинами.

Невирков.
Доминиканский костел.
1807

В центре Невиркова, недалеко от серебрищейся глади пруда, высятся тяжелой, грузной массой доминиканский костел, построенный в 1807 году тщанием известного уже нам Яна Стецкого. Об этом свидетельствует надпись по-польски над сандриком главного входа: «С даров твоих, боже, жертвует тебе Ян Стецкий, 1807». Известно доподлинно, что понимал провинциальный магнат под «божьим даром», однако фарисейский смысл в посвящении местного «данайца» довольно прозрачен. Костел строился на месте старого деревянного храма при доминиканском монастыре, основанном здесь в конце XVII века. В 1832 году после упразднения монастыря храм был преобразован в фару (приходский костел). И в общих архитектурных членениях, и в детализировке постройки наделена явно выраженными классицистическими чертами. Перед главным фасадом устроен высокий четырехколонный портик с необычно

*Синева. Церковь Иоанна
Богослова. 1595*

острым треугольным фронтоном. Нижняя часть стены прочерчена горизонтальными тягами упрощенного руста. Композиция боковых (северного и южного) фасадов также симметрична, что, видимо, было продиктовано не столько возможностями внешнего выражения внутренней структуры храма, сколько чисто стилистическими соображениями образной строгости и уравновешенности. Отличительные элементы боковых фасадов — три арочных проема-люнета, оформленных рустованными наличниками. За люнетами расположены боковые нефы. Центральный неф храма выше и шире боковых и включает с востока встроенные хоры на четырех колонках, а с запада — алтарное пространство, ограниченное с боков двумя колоннами коринфского ордера.

Когда-то Невирков был славен, как и многие волынские местечки, чудесным парком, заложенным известным в крае мастером Д. Миклером (Макклером).

Из Невиркова, через небольшие села Липки и Андрусиев, наш путь лежит на юг, к Синеву. В Андрусиеве можно ненадолго остановиться и осмотреть деревянную Успенскую церковь (1725), достаточно хорошо сохранившуюся.

Дальше за Андрусиевом, вплотную примыкая к автомагистрали Корец — Ровно, лежит село Синева, известное с 1577 года. С поры первых упоминаний о нем сохранился один из самых старых памятников волынского деревянного зодчества — церковь Иоанна Богослова, где, по преданию, казаки Богдана Хмельницкого святили перед боем свое оружие. Дата ее возведения — 1595 год.

По своему архитектурному построению и пропорциям церковь типично волынская — трехсрубная с равновысокими срубами, с довольно большими сенями, примыкающими к основному объему с запада. Единственная глава покоится над средним срубом на широком восьмерике, увенчанном восьмигранной барочной главой с четырьмя упрощенными люкарнами и луковичной маковкой. И сама глава, и треугольные классицистические фронтоны по северному и южному фасадам, «поддерживаемые» узкими пилястрами, и узкий фриз под свесом кровли — все это очевидные более поздние новоделы, появившиеся после неоднократных ремонтов и перестроек. На прямоугольном подворье, в юго-западном углу, притулилась к ограде небольшая двухъярусная колокольня, судя по облику не претерпевшая столь существенных переделок, как сама церковь.

Из Синева по стремительной нитке шоссе недолго добираться до Гощи — большого поселка, ныне районного центра. Лежит Гоща на правом берегу Горыни, а точнее говоря, лишь робко «подкрадывается» к этим берегам, изрезанным изломами реки. Как утверждают одни топонимисты, Гоща обязана своим названием фонетическим трансформациям древнеславянского «погост» — населенное место, поселение, которое существовало здесь еще со скифской эпохи. Другие полагают, что название происходит от иного древнеславянского слова — «гоща», то есть скотоводческая стоянка, стойбище. Кирдеи, а затем Гойские владели Гощей на протяжении XIV — начала XVII века. В этот период здесь появляется каменный замок, укрепленный земляными валами. Их едва различимые остатки можно заметить и сегодня.

На протяжении более пятидесяти лет, вплоть до середины XVII века, Гоща была одним из центров протестантского течения — сочинянцев, построивших в местечке свою школу. В этой школе в 1603 году проходил науку Дмитрий Самозванец.

Спасшись бегством от соловецкой ссылки в 1602 году, ибо «заворовался», Григорий Отрепьев избрал в качестве убежища волынский край. Он поселился в Киево-Печерском монастыре, а после обитал в Никольском и Дермани, «езде священнодействовал как диакон, но вел жизнь соблазнительную, презирая устав воздержаний и целомудрия; хвалился свободою мнений, любил толковать о законе с иноверцами и был даже в тесной связи с анабаптистами (здесь — протестантами. — П. Р.)»¹⁷, — писал в своей «Истории государства российского» Н. Карамзин. Потом Отрепьев решил оставить монашество и явился мирянином к запорожцам, где осваивал воинское дело. «Но скоро увидели прошлеца на ином феатре: в мирной школе городка Волынского, Гащи за польскою и латинскою грамматикою: ибо мнимому царевичу надобно было действовать не только оружием, но и словом»¹⁸. В Гоще Лжедмитрий жил до весны 1603 года, затем «летовал и зимовал» в Вишневецке у Адама Вишневецкого, где ему уже оказывали различные почести, положенные по самозванно присвоенному чину. Польские магнаты Вишневецкие и Мнишеки, папский нунций Рангони, пронирыливые иезуиты и сам король Сигизмунд не без корыстных намерений оказывали Лжедмитрию всяческое содействие в его возведении взойти на русский престол. Однако по неизвестным причинам у влиятельных князей Острожских он поддержки не нашел, более того, Януш Острожский даже счел необходимым предупредить самозванца, что не допустит его к русской границе. Кончил Отрепьев, как известно, позорной смертью. «Знаемый вор, чернец, бывший сын боярский» был в конце концов убит, тело его на глазах московского люда сожгли, пеплом зарядили медную пушку и, повернув ее дулом на запад, выпалили прах проходимца в ту сторону, откуда он незванно явился¹⁹.

В начале XVII века в Гоще появляется монастырь базилианов — также со своей школой. Ее ректором одно время служил Иннокентий Гизель, известный деятель украинской культуры, ставший впоследствии ректором Киево-Могилянской академии, перу которого приписы-

Гоща. Михайловская церковь. 1639

вают составление «Синописа» (1674), первого учено-исторического произведения о происхождении и быте славян. Когда же в 1638 году Гоща переходит в собственность украинского магната Адама Киселя, местечко получает новый толчок в своем развитии. В середине XVII века на средства А. Киселя сооружается каменная Михайловская церковь, дошедшая до наших дней. Этот скромный архитектурный памятник, окруженный плотным кольцом могучих кленов и ясеней, расположен по ул. Шевченко, вблизи исторического центра местечка, от которого осталась небольшая площадь неправильной конфигурации с несколькими старыми лабазами и лавками. По своей архитектурной характеристике Михайловская церковь примечательна тем, что являет собой один из ранних примеров использования в каменной постройке трехчастного построения объема бесстолпного храма, изначально возникшего

и очень часто применявшегося прежде всего в деревянном зодчестве. С четырех сторон наружные стены церкви, сложенные из известняка и желобчатого кирпича, завершаются треугольными щипцами, окантованными строгим профилем. Лишь восточная, алтарная, стена сохранила скромный декор в виде слегка выступающих пилястр, связанных поверху раскрепованным антаблементом. Особая черта архитектуры церкви — миниатюрные волоты на капителях пилястр. Отсутствие опыта перевода в камень традиционных форм деревянного храма предопределила и необычную толщину стен, достигающую в срединной части церкви 2,3 м. Стрельчатые завершения высоких окон в алтарной части — слабый отзвук готической традиции, не имевшей уже заметного влияния ко времени строительства церкви.

Внутреннее пространство церкви стекается к среднему нефу, перекрытому полусферическим сводом на парусах. Подобные своды над двумя остальными частями, а также частично сохранившиеся в них небольшие фонарики могут свидетельствовать о том, что ранее внутреннее пространство имело верхнее освещение, а следовательно, церковь завершалась трехглавием. Существующий сегодня восьмигранный деревянный барабан единственной главы, увенчанный широким куполом, появился гораздо позже, в 1888 году, в результате реконструкции. И по материалу, и по стилистике он заметно дисгармонирует с основным объемом.

Настоящей жемчужиной Гоци является уникальный парк, заложенный здесь неизвестным мастером садово-паркового искусства в начале XVIII столетия. Сейчас это памятник природы республиканского значения. В устройстве парка легко ощутим английский принцип планировки со свободной трассировкой главных и второстепенных аллей, живописно бегущих в разных направлениях. И хотя течение времен существенно видоизменило парковые перспективы и ландшафтные сцены, насытив их прозаическим содержанием (чужеродные фонарные столбы, серые бетонные плиты, «выправленные» дорожки), тем не менее парк очарователен.

Здесь приятно не спеша побродить без всякой цели — и в легкий зной, и в осеннюю желтую прохладу, наслаждаясь разнопородистой растительностью. Среди деревьев и кустарников есть очень редкие породы — экзотическое гинкго, болотный дуб, софера японская. Поражает

Гоца. Ясень в парке

мощь некоторых экземпляров ясеней и каштанов, стволы которых достигают в диаметре двухметровой толщины.

В северной части парка обращает на себя внимание бывшая усадьба Валевских, построенная в конце прошлого столетия. Сейчас здесь разместилась районная библиотека. Протяженный двухэтажный корпус перебивается в центре поперечным трехэтажным объемом с высокой мансардной крышей. На фоне нейтральной штукатурки четко выделяется рисунок накладного фахверка, чем-то напоминающего швейцарские шале. Жаль, вместо ремонта штукатурки ее кое-где не к месту заменили недавно облицовочной плиткой.

От Гоци недалеко до Горбакова — крупного современного села с развитой сельскохозяйственной индустрией, хорошо благоустроенного. В Горбакове, почти сразу за мостом через Горынь, слева от автомагистрали виднеют-

Гоца. Усадьба Валуевских.
Конец XIX в.

ся маковки деревянной Троицкой церкви, построенной в 1764 году на средства С. Любомирского.

Будучи в Горбакове, нельзя не посетить близлежащий летописный Дорогобуж — бывший в домонгольские времена столицей удельного княжества. Именно через эти места пролегал когда-то очень давно оживленный торговый тракт к реке Западный Буг. И стоял на этой дороге к Бугу город, названный Дорогобужем.

В Московском летописном своде Дорогобуж упоминается в записи 1084 года, когда в нем княжил внук Ярослава Мудрого, Давид Игоревич. «В се же лето... Всеволод же посла по Давида и приведе его к себе и вдасть ему Дорогобуж»²⁰. За участие в ослеплении Василька, князя теребовльского, в 1102 году на Витичевском съезде князей он был лишен своего Владимировольнского удела. Князя заявили Давиду: «Не хотим тебе дать стола Владимирского, ибо бросил ты нож в

нас, чего не бывало еще в Русской земле. И мы тебя не схватим и никакого зла тебе не сделаем, но вот что даем тебе — отправляйся и садись в Божском остроге, а Дубен и Чарторийск дает тебе Святополк...»²¹. Но через некоторое время он лишился и этих городов и получил один только Дорогобуж. В Ровенском краеведческом музее хранится уникальная дорогобужская находка — массивная свинцовая печать с надписью по-старославянски «ДАВДЪ». При этом князе на высоком левом берегу Горыни встает значительный по размерам город, центр Погорины. С трех сторон его защищали глубокие овраги и болотистая пойма реки. Вокруг дегинца сооружаются мощные земляные валы, защищавшие резиденцию князя. Общая площадь Дорогобужа, вполне вероятно, достигала двадцати гектаров — величина весьма значительная для древнерусского города, имевшего к тому же несколько предместий. Одно из них предположительно было там, где сегодня находится небольшое село Подоляны. Возможно, это была низинная, «дольная» часть города, где обитали преимущественно ремесленники. Обнаруженные археологами древняя плинфа, глазурованные плитки, осколки мозаики свидетельствуют о существовании здесь в старину богато украшенных каменных построек. Уникальны также найденные здесь серебряные женские украшения XI—XII веков, которые можно увидеть в Ровенском краеведческом музее. Это массивные плетеные кольца-ожерелья, браслеты, обручи, подтверждающие тонкий художественный вкус и высокое исполнительское мастерство вольнских ювелиров. Послемонгольский период в истории Дорогобужа беден значительными событиями настолько, что в некоторых документах 1514 года, как ни странно, он именуется «новоосаженным» городом²².

Через овраг, на противоположном дегинцу холме, издали заметны скромные очертания каменной Успенской церкви, обнесенной квадратом невысокой кирпичной ограда. Известно, что уже в XI веке на этом месте существовал православный Успенский монастырь, с 1644 по 1834 год бывший во владении базилианов. В литературе приводятся две даты постройки церкви: 1577 и 1582 годы, причем присутствие в кладке большого количества плинфы свидетельствует о возможности сохранения при перестройке гораздо более древних фрагментов. Затем униаты старую церковь полностью перестроили в 1786 году с явно заметным стремлением придать

*Дорогобуж.
Успенская церковь.
1570—1580-е гг.*

*Тучин. Преображенская
церковь. 1730*

ей «латинские» черты. Архитектурный облик постройки отмечен предельным лаконизмом как в построении объемных масс, так и во внешнем декоре. Обращают на себя внимание высокий фронтон с запада и мощные контрфорсы с востока. Сильно изменила целостный облик церкви поздняя трехъярусная деревянная пристройка со стороны главного входа. Этот чужеродный фрагмент — часть деревянной церкви, стоявшей не так давно в Дорогобуже.

Севернее Дорогобужа, на правом, более высоком берегу Горыни, находится Тучин — в прошлом местечко, а сейчас просто обширное село. Впервые оказавшись в Тучине, поражаешься его ландшафту, уюту и обилию вековой зелени в старом парке. Огромные дубы, тополя, ели, акации и красавицы лиственницы привольно раскинули свои ветви над небольшими домами, над дорогами с истертым булыжником, над узкими тротуарами. Велико-

лепный пейзаж открывается взору с бровки парка, на полтора десятка метров возвышающейся над окрестными лугами в пойме Горыни, где среди сочного, волнующегося на ветру разнотравья рассыпались зеленые островки верболоза, осоки и камыша.

Первые упоминания о Тучине относятся к 1545 году, когда он входил в состав Великого княжества Литовского, являясь родовым гнездом литовских князей Семашков. При Николае Семашко в 1614 году здесь строится католический костел, несколько раз отстраивавшийся после пожаров. И сегодня издали заметна увенчанная острым шатром колокольня, пристроенная к каменному параллелепипеду старого костела. Значительного расцвета достигло местечко при Михаиле Валевском, к которому оно отошло в 1755 году. Со всей округи съезжалась сюда шляхтская публика, привлекаемая пышными балами, необычайными развлечениями и красавицей Теодозией, дочерью воеводы.

Дабы еще выше поднять славу Тучина, в 1790 году Валевский начинает строить новый роскошный дворец, который должен был затмить великолепием и размерами все известное в крае. Одновременно был разбит обширный парк, который и дошел отчасти до наших дней. От самого дворца не осталось и следа. На его месте сейчас здание школы-интерната, такого же П-образного плана, как и бывшая дворцовая постройка.

Но подлинной жемчужиной Тучина, да и, пожалуй, волынского народного зодчества в целом является Преображенская церковь, построенная в 1730 году. Чтобы добраться до нее, нужно спуститься к дороге у западной окраины парка, перейти через небольшой мост и, оставив по левую руку упомянутый уже костел, пройти немного вправо по поднимающейся вверх узенькой улочке.

В основе плана церкви лежит обычное трехчастное членение на срубы, образующие «корабль» с осью восток — запад. В отличие от большинства других волыньских деревянных церквей Преображенская обладает гораздо более развитой внешней объемной пластикой. Каждый сруб как бы самостоятельно развивается по вертикали, венчаясь собственной восьмигранной главкой, своим очертанием напоминающей больше шлемовидную, чем луковичную. Ясно выражена вертикальная ритмика четырех ярусов: масштабные соотношения двух нижних как бы повторяются в иных размерах

на двух верхних. Легкие, но вполне ощутимые отклонения от изначальных геометрических форм четвериков и восьмериков, заметное схождение стен кверху, неровности в обшивке срубов придают постройке необыкновенную естественность и скульптурность, позволяя отнести ее к разряду замечательнейших произведений строительного искусства, в какой-то мере сближающейся по архитектурной образности с деревянным культовым зодчеством Подолии и левобережной Украины XVII—XVIII веков. Это сближение проявляется прежде всего в высотном раскрытии внутреннего пространства каждого из трех срубов при постепенном уменьшении размеров чередующихся по вертикали архитектурно-конструктивных форм. При этом призматические четверики и восьмерики соединены залами пирамидальной формы, последовательная смена которых создает активную ритмику вертикальных членений как во внешнем облике, так и во внутреннем пространстве каждого сруба, усиливает ощущение простора и устремленности вверх. Вместе с тем, в пропорциональных соотношениях вертикали и горизонтали в первичных элементах (четверик, восьмерик), составляющих объемную композицию, преобладают горизонтальные измерения, что более свойственно деревянным церквям Волини.

3. Ровно и его окрестности

Хороший край, славная сторона, тихая,
ровная, грустная, правда, немного.

В. Г. Короленко

Как утверждают историки, первое упоминание о Ровно относится к 1283 году. Об этом свидетельствует запись в «Рочнике капитульном краковском» о битве между войсками польского князя Лешка Черного с литовцами: «Князь Лешко, вступив в бой с литовцами в Ровно, победил их, многих из них убил»²³. После этой победы, согласно преданию, он велел бросить трупы врагов в реку Устье, левый приток Горыни, протекавшую поблизости. Вследствие огромного количества тел, сваленных в одном месте, река вышла из берегов и образовала озеро с островом посередине, на котором позже появился княжеский замок²⁴.

Как явствует из купчей грамоты, в 1464 году Ровно, в то время все еще небольшая весь, было продано «за 300 коп широких грошей чешское личбы» князю Семену Несвицкому. После своей смерти князь завещал Ровно жене Марии, которая начала строить здесь большой замок. Достоверно известно, что к концу XV — началу XVI века замок этот был «вжо справен и место осажено»²⁵. Располагались замковые постройки на удобном для обороны острове, омываемом водами пруда в пойме реки Устье, на месте, где ныне Комсомольский парк.

Существует несколько версий происхождения названия города. По наиболее распространенной — город назван так в силу расположения на ровной низинной местности (в исторических документах город упоминается также как Ровенск, Ровное), что было нетипичным для

средневекового градостроения и поэтому, видимо, закрепилось в названии. Согласно другой версии, название города обязано тому обстоятельству, что ровно до сих мест простирались владения князей Острожских; а в несколько иной трактовке — город стал сотым по счету во владениях этих князей, которые и приобрили его, в общем-то, для ровного счета. Третья версия основывается на наличии у поселения мощных оборонных рвов, заполненных водой. Последнее допущение представляется весьма и весьма правдоподобным, поскольку в прошлые столетия существовало даже городское предместье под названием Заровья.

В XVI веке при князьях Острожских Ровно, занимая выгодное местоположение для торговли, превратилось в значительное местечко. Очевидно, именно в это время создается огромный пруд вокруг замковой части города. В середине XVI века Беата Костелецкая (Острожская) строит здесь костел, заново перестраивает замок. С прекращением рода Острожских местечко, переходя из рук в руки, постепенно приходит в упадок. Тому содействовали также частые опустошительные набеги татар (1617, 1619, 1640, 1650 гг.), после которых оставались одни пепелища. Но местечко отличалось живучестью.

В 1706 году сюда вошли шведы, разграбили дома укрывшихся в ближних лесах жителей и сожгли несколько строений. В 1723 году Ровно переходит к польскому магнату Юрию Любомирскому, сандомирскому воеводе. Богатый новый владелец местечка сразу же занялся обновлением и перестройкой замка, стоявшего в запустении с 1694 года. Завершил перестройку сын воеводы — Станислав Любомирский, вступивший во владение городом в 1738 году и избравший его своим «родовым замком». В результате основательной реконструкции замок утратил крепостные стены со стрельницами, земляные бастионы и превратился в роскошный дворец в духе позднего барокко с характерной мансардной крышей, гербами Любомирских на стенах, скульптурами рыцарей у входа, вазонами над карнизом...

«В своем доме любил аристократ
Капризные изгибы и уступы,
Убранный медальонами фасад,
С гирляндами колонн ненужных купы,
На крыше ваз или амуров ряд,
На воротах причудливые группы...»²⁶.

Эти поэтические строки А. К. Толстого, характеризующие архитектурные пристрастия аристократии XVIII века, как нельзя лучше подходят и для характеристики ровенской усадьбы Любомирского.

Дворец располагался на острове. Его главное здание занимало южную оконечность острова, а напротив главного фасада помещались два отдельно стоящих флигеля. На остров вели два подъемных моста — северный, у начала Замковой улицы, сохранившей до сегодняшнего дня свое название, и южный, связывавший дворец с небольшим садом, хозяйственными постройками, пороховой.

При Любомирском ровенский двор стал центром беспечной и разгульной жизни польского шляхетства. Окружение богатого князя стремилось предупредить малейшие его капризы. Поклонник охоты, он как-то пожаловался на отсутствие вблизи рощи, где бы водились зайцы. И когда князь был в отъезде, угодливые приятели согнали со всей округи тысячу подвод с молодыми деревьями и высадили довольно обширный лесок с правильными просеками, запустив в него множество разных зверей. Для охраны замка-дворца был сформирован отряд янычар, расквартированный в предместье Басов Кут. «Приходилось только удивляться, — писал Т. Стецкий, — разительному контрасту убогой бедности горожан и блеска двора Любомирских»²⁷. В конце концов непомерные амбиции и сумасбродство дряхлеющего Станислава Любомирского вынудили польского короля подписать грамоту на передачу владений его сыновьям.

Новый владелец города, Юзеф Любомирский, отличался более рассудительным и сдержанным нравом. Он продолжил перестройку замка, окончательно превратив его в великолепный дворец. Из Италии был приглашен художник Вилляни, украсивший фресками стены и софиты. Другой художник — Лукашевич — выполнил портреты здешних князей. Заново был очищен и углублен пруд, а в дворцовом саду, заложенном Бургиньоном, появились каменные статуи, карусели, площадки для игр и развлечений. В 1815—1817 годы дворец снова перестраивается, на этот раз приобретая ампириные черты, в частности шестиколонный портик в лоджии главного фасада и настенные украшения. Вблизи заново устраивается парк, заложенный Д. Миклером.

В 1836 году дворец приходит в запустение, брошенный своим владельцем, более сотни лет являя собой громад-

Ровно.
Дворец Любомирских.
Литография из альбома
Н. Орды. 1870-е гг.

ные развалины, сохранившиеся ныне лишь невидимыми фундаментами под ровным травяным газоном современного парка. Уже покинутый владельцами и полуразрушенный, он послужил прообразом «жалких останков гордого панского величия» в некоем местечке Княжье-Вено, ярко обрисованных В. Г. Короленко в одном из своих автобиографических рассказов («В дурном обществе»). «Я помню, с каким страхом я смотрел всегда на это величавое дряхлое здание. О нем ходили предания и рассказы один другого страшнее. Говорили, что остров насыпан искусственно, руками пленных турок. «На костях человеческих стоит старое замчище», — передавали старожилы, и мое детское испуганное воображение рисовало под землей тысячи турецких скелетов, поддерживающих костлявыми руками остров с его высокими пирамидальными тополями и старым замком. От этого, понятно, замок казался еще страшнее, и даже

в ясные дни, когда, бывало, ободренные светом и громкими голосами птиц, мы подходили к нему поближе, он нередко наводил на нас припадки панического ужаса, — так страшно глядели черные впадины давно выбитых окон; в пустых залах ходил таинственный шорох: камешки и штукатурка, отрываясь, падали вниз, будя гулкое эхо, и мы бежали без оглядки, а за нами долго еще стояли стук, и топот, и гоготанье»²⁸.

Недалеке от того места, где находился замок-дворец, расположилось здание бывшей гимназии (ныне Ровенский краеведческий музей), отмечая южную границу современного Комсомольского парка. Перед ним — небольшое овальное парковое озерцо, оставшееся здесь от обширных некогда ровенских прудов. «Теперь, когда я вспоминаю первые два-три года своего учения в ровенской гимназии и спрашиваю себя, что там было в то время наиболее светлого и здорового, то ответ у меня один: толпа товарищей, интересная война с начальством и — пруды, пруды...»²⁹ — писал позже в «Истории моего современника» В. Г. Короленко. И сегодня Ровно не утратило этих своих ландшафтных достопримечательностей. Они лишь сместились пространственно — по левую сторону Устья. Берега прудов оделись в бетонные одежды, а вместе с малыми архитектурными формами, мостками и зелеными насаждениями пруды, а точнее теперь уже искусственные озера, образовали гидропарк, очень популярный среди ровенчан.

В ровенской гимназии Володя Короленко, родившийся в Житомире, учился с 1866 года, после того как его отец получил назначение сюда на должность судьи.

Семья Короленко была смешанной национальности (отец — украинец, мать — полька). Учась в гимназии, будущий писатель многое почерпнул из общения с учителем словесности В. В. Авдиевым, стремившимся раскрыть перед учениками яркие образы новой русской литературы, приобщить их к слову Тургенева, Некрасова, Добролюбова, Белинского. «Я нашел тогда свою родину, и этой родиной стала прежде всего русская литература»³⁰ — таков был итог, как писал сам литератор гонимия. В 1871 году, окончив гимназический курс с серебряной медалью, полный сил и юношеских мечтаний, В. Г. Короленко навсегда покидает Ровно и уезжает в Петербург.

Здание гимназии (ул. Калинина, 19) было построено в 1839 году на пожертвования Ф. Любомирского, желавшего видеть в своих владениях солидное учебное заведение. Скромное, сдержанное в архитектурных средствах двухэтажное строение, прямоугольное в плане, с двумя заметно выступающими ризалитами со стороны двора являет собой характерный пример провинциального классицизма первой половины XIX века. Внушительный шестиколонный портик тосканского ордера в средней трети фасада, низкий, почти незаметный цоколь, мерный ритм окон вызывают ощущение академической строгости и совершенства архитектурного образа постройки. С трудом пробиваясь сквозь плотно обступившую его растительность, здание до сих пор играет роль важной художественной доминанты в окружающем городском силуэте, легко «переигрывая» ближнее окружение новейшей архитектуры.

Одновременно с постройкой нового учебного здания Ф. Любомирский распорядился перестроить для учитель так называемую оранжерею — двухэтажное каменное здание. Ее западный торец был завершен полукруглой колоннадой ионического ордера, хорошо дополнявшей строгий портик самой гимназии. После войны колоннада была разобрана, а ионические полуколонны сохранились лишь на южном фасаде.

В 1756 году на средства прихожан на Омелянской улице (ныне ул. Шевченко, 113) построена деревянная Успенская церковь, хорошо сохранившаяся вместе с отдельно стоящей деревянной колокольной. Здесь, по народному преданию, молился со своими гайдаками Иван Гонта перед битвой с польской шляхтой, а в бабинецкой «цепь устоев моральных» — небольшая цепочка, к которой в XVIII столетии нечестивых прихожан приковывали публично для искупления своих грехов перед общиной и в назидание остальным.

Церковь — из трех равновысоких срубов, одноглавая, с восьмигранной средней частью и пятигранной апсидой. Средний сруб — редкая на Волыни особенность — вытянут поперек продольной оси церкви, что хорошо заметно по неравным граням светового восьмерика во втором ярусе. Венчает средний сруб невысокий фонарик со шлемовидным покрытием, очевидно, более позднего происхождения. Эта небольшая часть объемной композиции

*Ровно. Успенская
церковь. 1756*

храма — заключительный аккорд его образного строя, торжественно-величественного по пропорциям и очень камерного по масштабу. Первоначально церковь была крыта гонтом, замененным в 1883 году кровельным железом.

К юго-западу от церкви расположилась небольшая двухъярусная колокольня — четверик на четверике. Переход ко второму ярусу отмечен крутым и высоким заломом, в свою очередь переходящим в открытую со всех сторон невысокую аркаду, вмещающую колокола. Необычна глава колокольни. Четырехскатный шатер сочленен здесь с едва различимым, зашитым жестью восьмериком, который в свою очередь увенчан покатым восьмигранным шатром. В верхней точке — крест на довольно крупном «яблоке».

Из ровенских достопамятностей XIX столетия следует, пожалуй, упомянуть еще две постройки — соборную

*Ровно. Воскресенский
собор. 1895*

Воскресенскую церковь (ныне Ровенский музей атеизма, ул. Ленинская, 39) и приходский костел (ул. Ленинская, 137). Не относясь к перворазрядным памятникам архитектурного искусства, они тем не менее в силу своего расположения на главной городской улице активно участвуют в формировании облика городского центра, играя роль важных градостроительных акцентов.

Необходимость строительства нового каменного собора в Ровно возникла после пожара в 1881 году, уничтожившего старую деревянную церковь, просуществовавшую около ста лет. Проект нового каменного храма был выполнен архитектором Дейнекой³¹. Новый Воскресенский храм, оконченный в 1895 году, предстает типичным примером неорусского направления в архитектуре конца XIX столетия. В плане собор имеет крестообразное построение с явно доминирующими по ширине и высоте поперечным и продольным средними нефами. Сред-

няя, самая высокая глава посажена на массивный двенадцатигранный барабан. Четыре угловые главы, значительно более низкие, покоятся на восьмигранных барабанах, помещенных в междурукавье срединных цилиндрических сводов. С запада над главным входом надстроена колокольня в виде мощной арки также с небольшой луковичной главкой. Архитектура храма декларирует стремление зодчего воссоздать формы русско-византийской архитектуры, однако дробность и измельченность кирпичного декора как бы затемяют основной композиционный замысел, придают храму суховатую самодовлеющую вычурность. Храм строился, что любопытно, чуть позже известного храма Воскресения в Петербурге (1887) и также по благословению Александра III, утверждавшего в империи «самодержавие, православие, народность». Этим объясняется композиционная общность построек, хотя в ровенском храме все же слегка улавливается робкая попытка использовать местную архитектурную традицию, отразившуюся в характерных абрисах глав.

Католический приходский костел был построен на четыре года позже Воскресенского собора по проекту польского архитектора К. Войцеховского в духе вольного переосмысления исторических стилей, прежде всего готики. Со временем здание, к сожалению, в ходе нескольких перестроек лишилось изначального облика и предстает ныне без зонтичных шпилей восточного фасада с полностью измененным внешним и внутренним декором.

На двух улицах исторического Ровно — Коммунистической (бывш. Директорская) и Красноармейской (бывш. Гоголевская) — сохранилось несколько особняков в стиле модери, возведенных в начале XX века. Особым своеобразием и свежестью отмечен двухэтажный дом на ул. Красноармейской, 17 (ныне Музей комсомольской славы). Строительство по соседству нового кукольного театра с крупными современными членениями лишило этот особняк привычного окружения, невыгодно обнажив южную его сторону. Но и в этой несвойственной среде лицевой уличный фасад сохранил прелесть декоративной обработки. Архитектор избрал флоральный вариант модерна, «наложив» на фасад изящно вьющиеся стебли и гирлянды из цветов, штучные розетки. И даже металлические кронштейны, конструктивно поддерживающие карниз, кажутся органичным продолжением фасадной

*Ровно. Особняк
по ул. Красноармейской,
17. Начало XX в. Фрагмент*

декорации. Продолжением, но не завершением. К сожалению, и этой оригинальной постройке не удалось избежать нежелательных изменений первоначального облика. Самое существенное — исчезновение нестандартно решенной аттиковой части, удачно венчавшей главный фасад и чем-то напоминавшей массивную каменную лиру. Из-за этого появляется теперь легкое ощущение композиционной неоконченности, незавершенности архитектурного образа. Будем оптимистами: утрата эта вполне восполнима.

Улицы и скверы Ровно хранят память героических событий времен гражданской войны. В парке имени Т. Шевченко под кроной могучих каштанов и строгих елей — небольшой памятник. Здесь покоятся останки воина-интернационалиста Олеко Дундича, хорвата по национальности, геройски погибшего в 1920 году под Ровно в бою с белополяками. На гранитном постамен-

Ровно. Памятник
на могиле О. Дундича.
Скульпт. Л. Л. Безюк,
арх. В. М. Герасименко

те — эпитафия близкого соратника: «Красный Дундич! Кто его может забыть? Кто может сравниться с этим буквально сказочным героем в лихости, в отваге, в доброте, в товарищеской сердечности! Это был лев с сердцем милого ребенка. К. Е. Ворошилов». А в другой части города, по улице Парижской коммуны, — братская могила воинов легендарной Первой Конной армии. На лицевой стороне строгого обелиска, у его вершины, помещены краснозвездная буденовка и, чуть ниже, тугой изгиб боевой сабли, слегка выдвинутой из ножен. Два неразрывных символа: красной конницы и воинской доблести, а вместе — знак вечной памяти и славы безымянных борцов за Советскую власть.

Тяжелой, разрушительной волной прокатилась по улицам Ровно Великая Отечественная война. Кажется, нет такого места в городе, которое не было бы связано с событиями и именами тех героических лет, навечно за-

печатлевшихся в названиях улиц и площадей, в мемориальных досках и памятниках.

Здесь, в Ровно, совершил свои бессмертные подвиги отважный разведчик, Герой Советского Союза Н. И. Кузнецов, действовавший в тылу врага под видом немецкого офицера Пауля Зиберта. На ул. Партизан-разведчиков, 55 принимает посетителей мемориальный Музей-квартира Н. И. Кузнецова. В сентябре 1943 года в самом центре оккупированного фашистами города (сегодня угол ул. Калинина и Коммунистической) Кузнецов уничтожил заместителя гауляйтера Украины немецкого генерала Геля, затем смертельно ранил генерала Даргеля. На стене дома по ул. Лермонтова, 3 — мемориальная доска, свидетельствующая, что здесь партизаны-разведчики во главе с Кузнецовым пленили и вывезли из города командующего восточными армиями особого назначения «Остгруппен» генерала фон Ильгена.

С именем Кузнецова связаны не только смелые акты воameзвездия. Проникая в военные штабы и правительственные учреждения, он по крупице собирал ценнейшую разведывательную информацию большой стратегической важности. Так, ему удалось добыть и передать в Центр сведения о подготовке фашистским командованием наступления под Курском, что помогло срыву операции «Цитадель». Он одним из первых раскрыл тайну местонахождения полевой ставки Гитлера под кодовым названием «Вервольф». Знакомство с немецкими офицерами разведслужбы позволило Кузнецову заблаговременно предупредить советское руководство о готовящемся в Тергране заговоре против руководителей СССР, США, Великобритании.

На небольшой, но очень уютной и торжественной площади, названной именем прославленного разведчика, в 1970 году установлен памятник Н. И. Кузнецову (скульпторы И. П. Шаповал, В. П. Винайкин, архитектор В. Г. Гнездилов).

Из множества дорог, расходящихся из областного центра, при выборе продолжения нашего маршрута можно отдать предпочтение северо-западному лучу. Выбор этот не случаен и имеет исторический подтекст. Через восемь километров мы попадаем в село Городок, где несколько лет и наемные работники рубили надежное деревянное замчище в Ровно.

Ровно. Памятник
Н. И. Кузнецову. 1970.
Скульпт. И. П. Шаповал,
В. П. Винайкин,
арх. В. Г. Гнездилов

Как и Ровно, Городок лежит на реке Устье, разлившейся здесь широкой гладью пруда с берегами, поросшими высоким камышом и осокой. Будто гигантской подковой его воды охватывают небольшой, но довольно высокий остров, бывший когда-то в старину городищем. Первое письменное упоминание о Городке встречается от 1463 года. Село это часто переходило из рук в руки, пока в 1516 году княжна Гольшанская не подарила его Киево-Печерской лавре. Почти два столетия печерские монахи располагали этим удобным и красивым местом, основали на острове из небольшого двора православный монастырь, филиал лавры, а заодно устроили здесь резиденцию епископов и митрополитов. После Андрусовского договора 1667 года Ян Собеский отдает Городок епископу Ю. Шумлянскому, а в 1730 году он переходит к униатскому митрополиту Афанасию Шептицкому. Располагая большими средствами, Шептицкий возво-

Городок.
Николаевская церковь.
1740

дит здесь в 1740 году каменную Николаевскую церковь, которая, будучи пристроенной к бывшей митрополичьей резиденции, стала домовою. Богатый священнослужитель, являясь убежденным идеологом униатства, естественно, желал видеть храм близким по духу западноевропейским. Вместе с тем, дабы потрафить вкусам паствы, он предписывает неизвестному архитектору не порывать целиком и с традициями местного зодчества. Так получается редкий стилистический симбиоз — крестовая в плане однокупольная церковь, типичная по объемной композиции для украинского зодчества, однако с явной барочной детализацией, выразившейся в абрисах фронтонов, профилировке карнизов и пилястр, оформлении оконных наличников.

Ближе к мосту, соединяющему остров с берегом, чуть правее от подъездной дороги, сохранилась надвратная деревянная колокольня (1772). Это обычная для такого

типа построек композиция — четверик на четверике, причем второй ярус трактован в виде каркасной галереи с четырьмя арками с каждой стороны. Четырехскатная шатровая крыша надстроена восьмигранной барочной главой с миниатюрными люкарнами и декоративной главкой. Подобное завершение придает этому небольшому сооружению необычную легкость и даже изысканность. Жаль, недостает ей ухода — совсем прохудилась кровля, деформировались деревянные конструкции.

После третьего раздела Польши и ликвидации униатского монастыря императрица Екатерина II подарила Городок графу Эстергази, выходцу из Венгрии. Новый хозяин предпринял перестройку монастыря. Бывший митрополичий корпус преобразился в небольшой дворец с четырехколонным портиком ионического ордера, смотрящим на водную гладь пруда. А вездусущий Д. Миклер заложил вокруг парк в английском вкусе. Усадебные постройки образовали своего рода внутренний двор с газонами и куртиной³². Польский писатель Юзеф Крашевский, много путешествовавший по краю, отмечал в своих воспоминаниях хранящуюся в графской усадьбе богатейшую коллекцию редких книг, монет, а также замечательных картин кисти Леонардо да Винчи, Рафаэля, Рубенса³³.

Но не только остатками старины влечет к себе Городок. Совсем рядом, за селом, — удивительный по красоте памятник природы — Вишневая гора. Густо поросла она карликовой степной вишней, от чего и пошло ее название. Плотнo сросшиеся, а местами и вовсе непроходимые чащи вишни, терна, барбариса превращаются майскими погожими днями в цветущие бело-розовые «облака», которые словно «осколки» своих небесных собратьев волнами рассыпаются по крутым склонам. Так же цвела и плодоносила Вишневая гора и в годы Великой Отечественной, укрывая в своих зарослях и крутых тайниках с оружием, листовками, газетами. А в самом Городке был подпольный «маяк», обеспечивающий связь Н. И. Кузнецова с отрядом Д. Н. Медведева.

Из Городка возвращаемся на автостраду Ровно — Луцк. Несколько километров к западу мимо ухоженных полей и садов — и вот по левую руку от шоссе открывается панорама села Заря, центральной усадьбы орденосного колхоза «Заря коммунизма», возглавляемого дважды Героем Социалистического Труда В. А. Плотинским. Широко известен архитектурный ансамбль се-

ла, впитавший современные достижения творческой мысли зодчих. Выделяется Дворец культуры, с которым соединено несколько учреждений: сельский Совет, правление колхоза и школа искусств с тремя отделениями — музыки, хореографии и изобразительного искусства (архитекторы Г. И. Болотов, Г. В. Зенькович, Т. В. Костюк, В. П. Скуратовский, В. Г. Тихомиров, художник А. Т. Домнич). Сельскому архитектурному комплексу чуть более десятка лет — возраст совсем юный в сравнении с древней Клеванью, находящейся чуть западнее, над небольшой речушкой Стублой.

Когда-то местечко, а ныне поселок городского типа Клевань, как утверждают историки, существовала, вероятно уже в XII веке, под названием Колывань. В письменных источниках она впервые встречается под 1458 годом как собственность князя М. Чарторийского.

Самой природой подсказанное место — высокие правобережные холмы Стублы — было очень удобно для «осаждения» укрепленного поселения. На одном из приловие XV века и возник укрепленный замок, дошедший до нашего времени после нескольких перестроек. В конце XV века князь Федор Чарторийский, луцкий староста, обновил замок, окружив его глубоким рвом, наполнявшимся водами Стублы, и мощными каменными стенами³⁴. Тогда же по углам образовавшейся треугольной площадки были возведены две каменные башни, пятиугольные в плане. Обе башни относительно неплохо сохранились, особенно восточная. Их кирпичные стены в отдельных местах достигали поразительной толщины — 3,8 м. Третья, несохранившаяся башня была деревянной. Окончательно замок был достроен в 1561 году.

Из описи Клеванского замка от 1609 года явствует, что главный оборонительную функцию нес западный каменный бастион с устроенным изнутри «отставом» (уступом) для стрельбы. Восточная башня была меньшей по высоте и предназначалась для хранения пороха и ружей. Эта же опись подтверждает наличие третьей оборонной башни, «бастиона деревянного, высокого»³⁵. Две каменные рону со всех сторон. Через глубокий ров, отделяющий с востока замок от материка, был переброшен четырехпролетный арочный мост на мощных опорах. Любопытнее всего просматривались в начале XX века.

*Клевань. Общий вид
замка в начале XVII в.
Рисунок-реконструкция*

В 1632 году замок был отдан иезуитам, которые устроили здесь свою коллегию. После изгнания иезуитов в 1773 году он долго пустовал, пока князь Константин Чарторийский, вознамерившийся учредить в Клевани учебное заведение, не предпринял в 1817 году существенную перестройку замка. Восточная стена была разрушена, а на ее месте появилось два флигеля, где и разместилось вскоре уездное училище. В 1834 году сюда из Луцка была переведена гимназия, но уже через два года она переходит в Ровно. Замок снова опустел, разрушаясь и ветшая без должного присмотра.

На улице Мицкевича, почти вплотную приблизившись к крутому откосу прибрежного плато, находится другой архитектурный памятник старой Клевани — раннебарочный Благовещенский костел. Основатель костела Юрий Чарторийский, получив образование у виленских иезуитов, первым из этого княжеского рода перешел в

*Клевань.
Благовещенский костел.
1610. Западный фасад*

лоно католической церкви. Перемена веры потребовала и материального засвидетельствования, чем и стала постройка Благовещенского костела, сначала деревянного, в 1590 году, а затем на этом же месте — каменного. Окончен он был в 1610 году, однако освящен лишь в 1637 году.

Незамысловатые очертания базиликального объема костела господствуют над низинной речной поймой, притягивая к себе взор активными абрисами остроконечных башен. Сориентированный на запад главный фасад расчленен соответственно трем нефам. Средняя часть, увенчанная высоким треугольным фронтоном, фланкируется с обеих сторон высокими четырехскатными шатрами с небольшими заломами. С фронтоном башни объединяются невысокими стенками криволинейного профиля — слабый, едва уловимый признак барочного начала. Шесть пучков вертикальных пилястр на главном

фасаде существенно скрадывают его приземистость, придавая ему стройность и даже определенную степень торжественности. Но стоит обойти костел с юга и осмотреть его с алтарной стороны, как это ощущение сменяется суровой массивностью объемов. Особенно поражает единственная полуцилиндрическая апсида на всю высоту и ширину среднего нефа с гладко оштукатуренной поверхностью и маленьким, совсем неприметным распятием посередине.

Немного южнее и западнее от костела расположена двухъярусная каменная колокольня с небольшим декоративным фонариком на вершине венчающего ее четырехскатного шатра. В первом ярусе был устроен невысокий проезд с коробовым сводом и огромным замковым камнем с лицевой стороны. Сейчас проезд заложен кирпичом.

В самом центре Клевани, вблизи древнего городища, сохранился еще один памятник культового зодчества — униатская Рождественская церковь 1777 года (ул. Госпитальная). В целом объемное ее построение традиционно для народной архитектуры: крестовый план; одноглавое завершение над средокрестием, раскрытое вверх центрическое внутреннее пространство. Необычность ее — в попытке автора соединить народную традицию с классицистическими принципами. Особенно ярко это отразилось на главном, восточном фасаде, где на лицевую стену «наложен» декоративный портик из четырех спаренных пилястр. Над треугольным фронтоном портика, контрастно к его строгой геометрии помещена круглая полуциркулярная дуга аттикового навершия, в тимпане которого устроено круглое окно. Образовавшийся таким образом как бы двойной фронтоном едва-едва намекает на угасшее, оставшееся в прошлом барокко.

Рядом — скромная, непримечательная колокольня в два яруса: четверик на четверике, кирпичная реализация распространенного деревянного прототипа (1844).

Следующий населенный пункт в нашем маршруте — Тайкуры — находится к юго-востоку от Ровно. Тайнственный оттенок в названии этого села действительно не лишен оснований. «Тайны гуры» — именовалась когда-то по-польски эта сильно пересеченная местность с глубокими оврагами и возвышенностями. Густо поросшие лесами, они могли представлять прекрасную возможность для безопасного укрытия. Известны Тайкуры с 1570 года. Еще в 1583 году принадлежали они И. Шпа-

Клевань.
Рождественская церковь.
1777

новскому, но после бракосочетания Теодоры Шпановской с Юрием Вишневецким отошли к этому влиятельному княжескому роду. После приобретения местечком магдебургского права в 1614 году его население заметно увеличилось, оживилась ремесленная жизнь. В начале XVIII века Тайкуры переходят к Пепловским.

Дорога в Тайкуры начинается у восточной окраины Ровно, а затем длинным спуском пересекает село Колоденку. Снова подъем, затем несколько километров по возвышенному плато, и вот открывается живописная панорама небольшого села с ярко выраженной ландшафтной доминантой — высоким мысовидным холмом, на вершине которого виднеются руины, а точнее говоря, лишь единичные фрагменты замка Вишневецких. Построенный в конце XVI — начале XVII века, замок занял удобную для обороны западную оконечность небольшого плато. Отделенный с востока глубоким рвом,

*Тайкуры.
Костел Св. Лаврентия.
1710. Интерьер*

он имел в плане форму, близкую к квадрату, с неприступными каменными стенами. Непростыми были подступы к нему, в чем еще и сейчас можно легко убедиться. Сначала нужно преодолеть кручи естественной возвышенности. Кажется, вот они — стены. Но здесь на пути оказывается насыпанный полукольцом земляной вал, за которым еще до сих пор сохранился трехметровой глубины ров, поросший дикой малиной, шиповником, бузиной. Далее еще около пятнадцати метров крутого, видимо, искусственно сформированного откоса, и лишь теперь мы оказываемся у подножия некогда могучих каменных стен, ревностно оберегавших безопасность своих владельцев. Заселен замок был до 1825 года. После крупного пожара он опустел, а в 1876 году новый его хозяин Александр Иллинский продал обветшавшее строение местным евреям на разборку.

У подножия северного склона замковой горы, рядом

*Тайкуры.
Покровская церковь.
1730*

с небольшим прудом, сохранился прохуdivшийся остов костела Св. Лаврентия, построенного Пепловским в 1710 году. Однонефный храм с вытянутой граненой апсидой и двумя боковыми капеллами в половину высоты нефа обнесен со всех сторон полуразрушенной, но все еще прочной каменной стеной, в западном углу которой надстроена звонница в виде высокого фронтона с тремя вертикальными щелями для колоколов. Когда-то костел имел венчающую башенку-пинакль над коньком скатной крыши. Несмотря на ветхое состояние, в интерьере костела хорошо видны основные элементы архитектурного оформления: пилястры, горизонтальные пояски, раскрепованный карниз со сложным набором профилей. Завершает композицию главной части внутренне-го пространства цилиндрический свод с глубокими распалубками в местах примыкания к окнам, подпружными арками и пучками ложных нервюр. Остальные

*Великий Житин.
Михайловская церковь.
1767*

*Забороль.
Иоанно-Предтеченская
церковь. 1762*

помещения покрыты обычными крестовыми сводами. Напротив костела, в другой стороне села, на пологом северном склоне укрылась за кроной деревьев каменная Покровская церковь, построенная в 1730 году. Она относится к нечасто встречающемуся на Волыни типу пятикамерного храма крестового плана с восьмигранной апсидой и такими же боковыми объемами. Западный притвор представляет собой четверик, над которым во втором ярусе помещена колокольня с крупными арочными проемами. Увенчана колокольня четырехскатным шатром с пологими скатами, все остальные части, в том числе и повышенная центральная, — низкими барочными главами с небольшими декоративными маковками. Памятник очень близок по построению объемных масс знаменитой Успенской церкви в Низкиничаях (Волынская обл.), возведенной в XVII веке, хотя в деталях решен скромнее и проще.

Завершая знакомство с ближайшими окрестностями Ровно, последний маршрут можно проложить в северо-восточном направлении.

Первый пункт — небольшое село Кустина — находится примерно в километре от шоссе Ровно — Костополь. У сельской окраины, на естественном холме, окруженном низинами, издали видна каменная Николаевская церковь, перестроенная в 1859 году из бернардинского кляшторного костела. Во времена Речи Посполитой весь холм был занят монастырем бернардинцев, в каменной ограде которого помимо костела находился трехэтажный корпус монашеских келий. Попасть сюда можно было только по мосту через глубокий ров. Основан кляштор в 1732 году и был известен в округе благодаря некоему монаху Флавию, слагавшему стихи и даже в будничной речи говорившему в рифму.

По своему архитектурному облику нынешняя Николаевская церковь впитала в себя черты как католического, так и православного зодчества. Высокая колокольня с шатром у главного входа, «византийские» обрамления окон и килевидные сандрики над ними — результат переделок в неорусском духе, а вот декоративная главка над основным объемом, узкие боковые ризалиты в западной части храма, завершавшиеся первоначально башенками, неявно приоткрывают иной исходный замысел, тяготеющий к композиционным принципам католических храмов.

Недалеко от Кустина, по другую сторону дороги, в селе Забороль, сквозь плотные кроны высоких деревьев проглядывает силуэт одноглавой Иоанно-Предтеченской церкви, построенной в 1762 году. Рядом — деревянная колокольня типа «четверик на четверике».

Внешне обычный для Волыни, этот деревянный храм одновременно также и уникален. Это редкий пример культовой волынской архитектуры, где два сруба — башинец и неф — одинаковой ширины и высоты, что позволяет отнести постройку к образцам, доносящим до нас в скрытой форме более древние традиции местного деревянного зодчества. Лишь более крутая двускатная крыша над средним срубом немного его выделяет. А вот узкая пятигранная апсида с невысокими служебными пристройками в боковых карманах типична для середины XVIII века. Венчает церковь большой, довольно высокой восьмерик с барочной главой, над которой надстроена декоративная маковка, тоже восьмигранная.

Особую художественную роль играет крупный карниз, ставший возможным именно благодаря равной высоте срубов. Он как бы разграничивает объем церкви на две гармонично сочлененные части — верхнюю и нижнюю.

Чтобы еще раз оценить нескудеющую фантазию местных мастеров деревянного зодчества, можно сопоставить архитектуру Иоанно-Предтеченской церкви с хорошо сохранившимся деревянным храмом в Великом Житине, построенным всего на пять лет позже, — Михайловской церковью. Этот храм также с тремя разновысокими срубами. Однако здесь решение несколько иное: средний сруб шире, вместо одной главы — три, восьмерик над средним срубом гораздо ниже, абрис глав круче, напряженнее. И снова в русле волынской традиции мы встречаемся с типичным в целом, а вместе с тем индивидуальным и самобытным произведением. Сходных построек немало, но такая как здесь — единственная.

Знакомство с окрестностями Ровно будет неполным, если не посетить село Александрию, раскинувшееся вдоль правого берега Горыни. Так сложилось, что здесь лишь один архитектурный памятник — каменная Преображенская церковь (1842), выдержанная в классицистических чертах и примечательная круглой в плане средней частью. В Александрии сохранился старый парк с многолетними могучими деревьями. Самые старые из них, наверное, еще помнят паркоустроителя Д. Миклера, но начальный планировочный замысел проследить сейчас очень сложно. Проложены новые тропки, спрятались под травяным газоном и новой порослью прежние аллеи.

4. К седому Острогу

Здесь все еще хранит следы времен
былых;
Везде минувшего остатки вековые!

А. Н. Майков

Путешественник, впервые приезжающий в древний украинский город Острог, от самого названия которого веет стариной, не будет обманут в своих ожиданиях. На территории Острога и в его ближайших окрестностях насчитывается много ярких памятников национальной истории и культуры, непреодолимая значимость которых обусловила создание здесь в 1981 году Государственного историко-культурного заповедника. В летописных источниках Острог впервые встречается под 1100 годом в Ипатьевской летописи, хотя постоянным поселением, несомненно, стал гораздо раньше³⁶.

Безусловно, первостепенной архитектурной достопримечательностью Острога является княжеский замок — настоящая жемчужина древнерусского оборонного зодчества (ул. Академическая, 5). Именно отсюда, где выявлены остатки древнего городища, начал свое развитие Острог. Его первые деревянные укрепления, построенные еще в домонгольскую пору, были напрочь уничтожены монгольскими отрядами в 1241 году. Однако уже в первой половине следующего столетия первый исторически известный князь из династии Острожских — Даниил (ум. ок. 1386) — восстанавливает на Судовой (замковой) горе разрушенные строения. Впоследствии они не раз достраивались и перестраивались, но, невзирая на это, сохранили суровый дух былых веков.

Род князей Острожских, владевших городом почти непрерывно с XIV по XVII столетие и бывших в числе

самых богатых и влиятельных украинских феодалов, заслуживает хотя бы краткой характеристики. Даниил (Данила) известен по историческим документам своими щедрыми пожертвованиями местным церквям и монастырям, в том числе «Святому Николе Острожскому, в парканеж» — одной из самых древних культовых построек города, утраченной еще в прошлом столетии. Он же «быстроу учинил битву» с польским королем Казимиром и его войском, поразив насмерть самого королевского гетмана Войцеха Целея. Его старший сын Федор (ум. ок. 1441) расширил острожские владения, не раз выступал с оружием против польских отрядов, но более всего прославился храбростью и отвагой в сражениях на стороне Яна Гуса против Тевтонского ордена, лично участвовал со своими воинами в знаменитом сражении под Грюнвальдом в 1410 году. Василий Федорович Острожский, по прозвищу Красный (ум. до 1461), будучи в дружественных отношениях с великим князем литовским Казимиром IV Ягеллончиком, сумел заполучить в свою собственность новые города и селения. Именно ему обычно приписывают активную строительную деятельность в Остроге, Дубно и других волыньских городах, где он возводит мощные оборонительные сооружения, монастыри, церкви, в том числе, по утверждению некоторых историков, Богоявленскую в своем острожском замке (первая половина XV в.). Крупными победами над татарами прославил свое имя внук Василия Красного, литовский гетман Константин Иванович Острожский (ум. 1533). При нем часть пленных татар была поселена в северной части Острога, образовав так называемое Татарское предместье с одноименной улицей и въездной башней. «Он был ростом мал, но душою велик, для всех доступен, щедр к сподвижникам, милосерден к пленникам и опытнее всех в ремесле военном»³⁷, — так писал о нем впоследствии один из польских хроникеров. Но, пожалуй, самым знаменитым из этой княжеской династии следует назвать младшего сына К. И. Острожского — Константина-Василия (1526—1608). В 1550 году он стал владимирским старостой и маршалком Волынской земли, в 1559 году — киевским воеводой, а после Люблинской унии еще и коронным сенатором. В исторической литературе этот крупнейший волыньский магнат характеризуется как властолюбивый, богатый землевладелец, удачливый и смелый полководец. В немалой мере его авторитет основывался на покровительстве православной

*Острог. Вид города
с руинами княжеского
замка. Литография
из альбома Н. Орды.
1870-е гг.*

церкви в ее борьбе против католицизма, на деятельной поддержке развития украинской культуры, в частности книгопечатания. Его богатства были столь велики, что в народе даже была когда-то в ходу присказка: «богатый, как Острожский». Пресекая этот могущественный княжеский род на самом младшем сыне К.-В. К. Острожского — Януше, который умер в 1620 году, не оставив потомства.

Замок расположен на относительно небольшой (примерно 0,7 га) овальной формы площадке наверху холма мысового типа. Сама природа позаботилась об удобствах для обороны: южная и восточная стороны образованы крутыми склонами более чем двадцатиметровой высоты, а ее северные и западные границы отделены от города глубокими рвами, устроенными, вероятно, с использованием существовавшего здесь оврага.

В ансамбль замка входят сегодня четыре основные по-

*Острог.
«Вежа мурованная».
XIV—XVII вв.*

стройки. Это жилая оборонительная башня — так называемая «Вежа мурованная», Богоявленская церковь, башня Новая и надвратная колокольня поздней постройки (1905).

Древнейшее сооружение острожского замка «Вежа мурованная» (так буквально называется эта каменная башня в акте 1603 г. о разделе владений князя К.-В. К. Острожского между его сыновьями³⁸), первые камни в основание которой положил еще Даниил Острожский, расположена у юго-восточной оконечности замкового холма. Е. М. Годованюк, всесторонне изучавшая историю создания этого архитектурного комплекса³⁹, относит «вежу» к жилым оборонительным башням — наиболее раннему и редкому типу замков, создававшихся по образу средневековых башен — донжонов. Назначение острожской «вежи» было разнообразно и помимо сугубо оборонных целей обеспечивало владельцам усло-

вия для постоянного проживания. В самом нижнем ярусе башни хранились различные припасы. Здесь же был устроен глубокий колодец. Изначальным ядром четырехчастного плана башни является южный объем с полукруглой стеной и почти квадратной в плане северной пристройкой. Позже, в конце XV — начале XVI века, появилась юго-восточная часть. Одновременно с пространственным развитием «вежи» вширь и ввысь укреплялись, росли в объеме мощные контрфорсы, веером стекающие по крутым склонам и почти достигающие подножия холма. Самая верхняя часть «вежи» — результат позднейших переделок XIX — начала XX века. Еще в конце XVIII столетия был разобран верхний деревянный ярус, венчавшийся высоким шпилем с большими часами с «цимбалом» (боем). Наиболее обширные ремонтно-восстановительные работы в замке велись в 1913—1915 годах архитектором В. Г. Леонтовичем под руководством академика архитектуры П. П. Покрышки-

Острог.

«Вежа мурованная».

XIV—XVII вв.

Вид со двора

Острог.

Богоявленская церковь.

XV—XVI вв.,

конец XIX в.

на. Тогда же помещения «вежи» были приспособлены под исторический музей с библиотекой.

Сегодня в девяти залах этого уникального архитектурного памятника разместились богатая экспозиция Острожского краеведческого музея. Здесь хранятся археологические находки, собранные со всей округи, старые предметы ушедшего в прошлое крестьянского хозяйства и быта, представлены материалы о связях с городом видных общественных деятелей, ученых, писателей, художников. Под обнаженными каменными сводами зала нижнего яруса, служившего когда-то сокровищницей Острожских (стены толщиной более 3-х м), экспонируется макет-реконструкция Острога, воссоздающий застройку города в начале XVII века (выполнен в 1981 г. латвийскими художниками У. Калныньшем и И. Томсоном). Самостоятельные экспозиции повествуют о героических событиях гражданской и Великой Отечествен-

ной войн, о послевоенной жизни города. И, конечно же, везде немые «экспонаты» без поясняющих табличек — древние стены и своды залов, крутые лестницы, подслеповатые окна-бойницы.

Всего лишь в нескольких десятках метров от «Вежи мурованной» высится куполами величественный объем Богоявленской церкви. Документальные свидетельства о времени ее строительства не обнаружены. По косвенным данным многие исследователи относят начало возведения каменного храма (деревянная церковь на этом месте существовала издавна) к первой половине XV века, связывая его с именем князя Василия Красного, заботившегося об укреплении и благоустройстве своего родового замка. Той же заботой об усилении оборонительной мощи было продиктовано впоследствии (1521) включение церкви в общую систему замковых укреплений. С этой целью северная стена, располагавшаяся над глубоким искусственным рвом, была утолщена до 2,8 метра и связана с линией крепостных стен. В нижней ее части появились бойницы для огнестрельного оружия, а по верху — довольно широкий уступ с защитными мерлонами, служивший удобным местом для дозора и обстрела прилегающей местности.

Типичный образец крестовокупольной конструктивной системы, широко представленной в архитектуре домонгольской Руси, Богоявленская церковь может быть охарактеризована как сооружение, в котором выявилась сознательная попытка князей Острожских возродить древнерусские строительные традиции, поскольку в XV и тем более в XVI веке на Волини такие церкви фактически исчезли из культового строительства. Если не считать Троицкой церкви в Межириче и менее однозначный, сильно видоизмененный впоследствии памятник в Дермани (Троицкая церковь монастыря-крепости), строившихся этими же князьями, то становится очевидным вывод об отсутствии поддержки этих усилий среди храмостроителей. Вероятнее всего, причиной тому были объективные изменения в строительной технике, исторически закономерное взаимовлияние европейских архитектурных культур, осязаемое ослабление позиций православия в Юго-Западной Руси.

После перехода местных князей в католичество Богоявленский храм был предан анафеме и более двухсот лет находился в запустении, медленно разрушался и к середине XIX века превратился в развалины. Лишь в

1886 году началась его реконструкция по проекту архитектора В. Токарева. Восстановление, в ходе которого от древнего памятника была сохранена лишь северная стена с бойницами, было завершено в 1891 году. «Копия» в натуральную величину сохранила основные пропорции трехнефного, четырехстолпного, пятиглавого храма, восходящего к традициям древнерусского зодчества. Однако пропорции и детализировка его фрагментов, особенно купольного навершия, были заметно нарушены. Вытянулись вверх граненые барабаны глав, исчезли готические элементы декора наружных стен, в облике церкви явно проступили приемы архитектурной детализировки в модном «византийском» стиле. Была заметно удлинена апсидная часть, у западного входа появилась небольшая пристройка. В интерьере церкви — также в «византийской» трактовке — был устроен массивный резной иконостас работы петербургских мастеров. Внутренние поверхности стен и сводов были покрыты масляными росписями (ныне, к сожалению, забелены).

В 80-е годы текущего столетия все пять куполов церкви засверкали позолотой. Обновляется внутренняя и внешняя отделка с целью перемещения сюда с «Вежи мурованной» музейного собрания произведений изобразительного искусства. Среди них украинская и польская живопись разных жанров, коллекция волынских икон начиная с XVI века. Привлекают внимание портреты князей Острожских, Дм. Сангушка, Беаты Костелецкой, но особенно глубокое впечатление производит «Портрет неизвестного», написанный украинским мастером в начале XVII века. Специальный раздел посвящен западноевропейскому искусству, в котором представлены работы итальянских, французских, английских и других мастеров. Несколько работ принадлежит резцу польского скульптора Т.-О. Сосновского, выходцу из Новомалина, в творчестве которого легко угадывается строгий академизм середины XIX века. В собрании довольно широко представлено декоративно-прикладное искусство: резная церковная утварь, киоты, царские врата с традиционными мотивами виноградной лозы, розетки, подсвечники, фрагменты могильных плит, порталов, картушей и т. п. Особый интерес представляет коллекция фарфора и фаянса XVIII — начала XX века, в которой есть несколько произведений, выполненных мастерами корейской мануфактуры. Широко представлено советское искусство (работы Т. Яблонской, Н. Глущенко и других).

Острог. Новая башня.
XVI в.

В юго-западном углу замкового подворья расположен третий памятник архитектурного ансамбля — Новая башня, именуемая иногда Круглой. По возрасту она немало моложе и «вежи», и храма. В литературе ее обычно датируют концом XVI века, но, как не без оснований утверждает Е. М. Годованюк, это, скорее, дата надстройки верхнего ренессансного яруса⁴⁰. Известно, что еще князь Василий Красный начал обводить Острог каменной стеной и, видимо, уже тогда, то есть в середине XV века, были заложены и нижние части Новой башни.

Впечатление об острожском замке будет далеко не полным, если ограничиться осмотром его строений только изнутри, с территории детинца. Пожалуй, самые эффектные видовые точки, гораздо ярче раскрывающие образ средневекового ансамбля, находятся у южного подножия холма. Выйдя из входных ворот и спустившись одной из ложбин к улице Ивана Федорова, можно дол-

*Острог. Стела на месте
академии и типографии
Ивана Федорова. 1978*

го любоваться отсюда эффектными фрагментами из далекого прошлого — грозными и в то же время удивительно пластичными обводами Новой башни, коронованной изящным овальным аттиком на машикулях, мощью вырастающих из земли контрфорсов. Особенно поражает их тектоническое напряжение в «Веже мурованной». А стоит перебраться на другую сторону Вилии, на Новое место, и пройтись по берегу немного к югу, открывается панорама еще более притягательной силы. Как бы отталкиваясь от своих каменных «сестер», возносит ввысь золоченые купола Богоявленский храм, собирая и организуя в единое целое силуэт окружающего ландшафта. Жаль, никто пока не позаботился об очищении этой волшебной перспективы от досадных помех: новые постройки почти вплотную подступили к замковой горе и нет им совершенно никакого дела до своих многовековых прародичей. Не содействуют пространственному

раскрытию ансамбля и не в меру разросшиеся насаждения.

Сразу у замка, отделенный от него глубоким рвом, а с другой стороны ограниченный неглубокой выемкой улицы Академической, вытянулся небольшой продолговатый сквер. Здесь, ближе к въезду в замок, в тени тесно поросших кленов и берез видна небольшая стела в виде развернутой книги, установленная в 1978 году, к 400-летию юбилею со времени основания Острожской академии и типографии. На левой странице каменной «книги» — типографский знак Ивана Федорова, известный bibliофилам всего мира. Где-то здесь находились скромные, не выдержавшие испытания временем строения, под крышей которых увидели свет знаменитые федоровские издания.

Острожский период жизни Ивана Федорова оказался не очень продолжительным, но, по единодушному мнению исследователей, наиболее плодотворным. На Волынь Иван Федоров переезжает из Львова в 1575 году и через год становится «типографом и служебником его милости Константина князя Острожского»⁴¹. Волынский магнат, воевода киевский создал в своем родовом гнезде так называемую Острожскую академию, а «также словенскую и грецкую у Острогу заложил друкарню»⁴². В деятельности академии принимали участие Герасим и Мелетий Смотрицкие, Демьян Наливайко (брат народного героя Северина Наливайко), Тимофей Аннич, Василий Суражский, белорус Андрей Рымша, поляк Ян Лятос, греки Никифор Контакюзин и Кирилл Лукарис. В образовавшийся при академии антиуниатский кружок входил и Иван Федоров. Здесь, в Остроге, за четыре года — с 1578-го по 1581-й — первопечатник выпустил в свет пять изданий, в том числе уникальнейшее по своему культурному значению — Острожскую Библию. И не случайно Острог впоследствии часто называли не иначе как Волыньские Афины.

Острожская типография была у И. Федорова четвертой по счету после Москвы, Заблудова и Львова. Нелегко далась ему организация типографского дела, не всегда находил он необходимую поддержку и понимание важности своего труда. В Заблудове граф Ходкевич, вероятно, решивший оставить печатанье книг, предложил своему типографу заняться земледелием, на что тот не без боли заметил: «...неудобно мне было проводить время своей жизни за ралом, заниматься сеянием семян жит-

них: духовные семена должен я разсеять по вселенной, не рало у меня в руках — искусство»⁴³. Нельзя не отметить и то разительное обстоятельство, что к созданию острожской типографии великий мастер приступил, когда ему исполнилось — ни много ни мало — шестьдесят пять лет. Оснащение типографии в Остроге было завершено в конце 1577 или в начале 1578 года.

Вскоре, 18 июня 1578 года, увидело свет первое острожское издание Ивана Федорова — знаменитая «Азбука», сохранившаяся всего в трех экземплярах: один (полный) хранится ныне в библиотеке тюрингского города Готы (ГДР), другой — в Копенгагенской королевской библиотеке, третий (фрагментарный) — в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина. На титульном листе, впервые, кстати, на Украине введенном именно в этом издании, напечатано: «Всесильною десницею вышняго бога, умыслением и промыслием благочестиваго князя Коньстантина Коньстантиновича княжати Острожскаго, воеводы Киевскаго, маршалка земли Волыньское, старосты Володимерскаго повелешу ему устроити дом на дело книг печатных. К тому же еще дом и детям к научению в своем отчизном и славном граде Остроге, ежесть лежащий в земли Волыньстей. И избравши мужей в божественном писании искусных, в греческом языке и в латинском паче же и в русском и пристави их детищному училищу. И сея ради вины напечатана сия книжка по греческия «Альфа вита», а по русския «Аз буки» перваго ради научения детьскаго многогрешным Иоанном Федоровичем»⁴⁴.

Творческой вершиной книгопечатной деятельности Ивана Федорова суждено было стать Острожской Библии — самому знаменитому и наиболее крупному его труду, который небезосновательно оценивается современными учеными как издательский подвиг, имевший к тому же огромное историко-культурное значение для развития славянской письменности.

Вышедшее 12 августа 1581 года, издание имело довольно большой по тем временам тираж, составлявший не менее тысячи экземпляров. Сотни этих книг, как писали их современники, «разсеяшася во все грады»⁴⁵. Сегодня известно местонахождение свыше 275 книг Библии. Одна из них представлена в Остроге — в Музее книги и книгопечатания. Как явствует из ее предисловия, текстовой оригинал для подготовки к публикации искали «в всех странах роду нашего, языка словенскаго»⁴⁶. Для

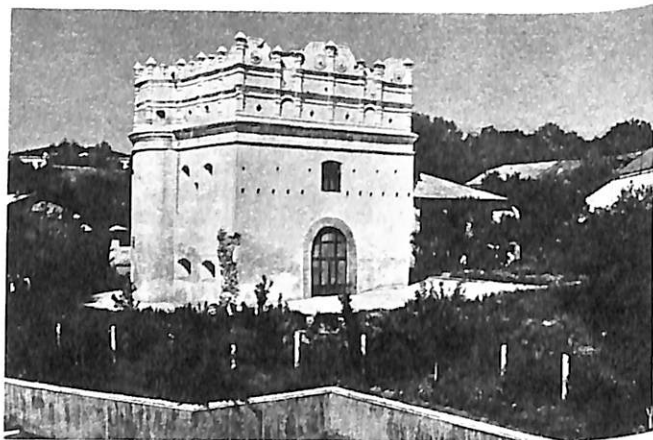
сравнения доставленных отовсюду источников и составления сводного текста был создан своего рода редакционный «совет» в составе ведущих представителей Острожской академии и самого первопечатника во главе с ректором академии Герасимом Смотрицким. В результате, утверждает русский автор XVIII века, были свернены «пяти язык Библии — еврейского, халдейского, еллинского, латыньского и сирьского и тех всех словенская Библия исправнее и чиста ест от блудов и измен иноверцев»⁴⁷. Огромная подготовительная работа увенчалась выходом в свет поистине монументального издания — на 1256 страницах, где поместилось около 3 240 000 печатных знаков.

По художественному оформлению Острожскую Библию заслуженно относят к высокопробным творениям типографского искусства, близким по духу венецианской книжной графике эпохи Возрождения. В то же время в изысканных и вместе с тем строгих, лишенных вычурности линиях заставок, концовок, инициалов нетрудно обнаружить мотивы украинской народной орнаментики.

Умер Иван Федоров во Львове, куда возвратился незадолго перед кончиной. Похоронили первопечатника в Онуфриевском монастыре. На надгробной плите была выбита лаконичная эпитафия: «Иоан Федорович друкар Москвитин который своим тщанием друкование занедбалое обновил. Преставился во Львове року 1583, декабря 5 друкар книг пред тым невиданных»⁴⁸.

Замечательные памятники книгопечатанного искусства, среди которых много оригинальных рукописей и стародруков XVI—XVIII веков, собраны сегодня в экспозиции Острожского музея истории книги и книгопечатания, открытого в 1985 году в реконструированном памятнике архитектуры — Луцкой башне.

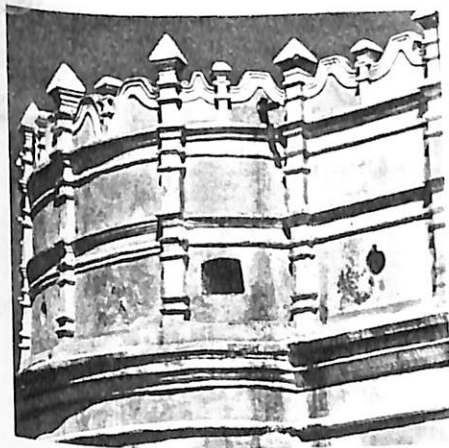
Среди архитектурных достопримечательностей Острога Луцкая брама (надвратная башня) занимает особое место. На протяжении многих лет служила она ключевым оборонительным звеном в западной части городских укреплений со стороны Луцка, выполняя одновременно функции городских ворот и боевой башни. Последнее обстоятельство обусловило своеобразие ее объемного построения. Внутренняя стена со стороны города была смещена с линией оборонительных стен, тогда как весь остальной объем выступал наружу, обеспечивая оптимальные условия для флангового обстрела во время не-

*Острог. Луцкая
надвратная башня.
XV—XVI вв.*

приятельской осады. Нижний ее ярус, по всей видимости, был возведен одновременно с закладкой Новой башни, а венчающий сооружение великолепный ренессансный аттик появился гораздо позже, в конце XVI века.

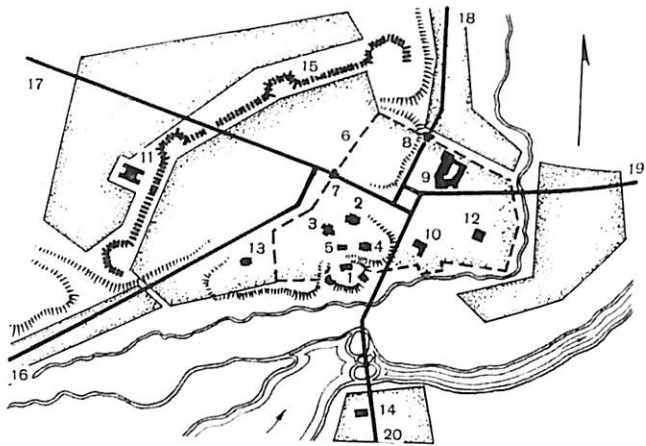
Поднявшись от Луцкой башни еще выше по ул. Папанина к верхней площадке Красной горы и повернув затем вправо по крутому спуску ул. Чкалова, мы оказываемся перед Татарской надвратной башней — вторым важным звеном городских укреплений. Свое название башня получила из-за непосредственного соседства с Татарским предместьем, по воле князя Константина Ивановича заселенным в начале XVI века пленными татарами. Служила она главным въездом со стороны Кбрца и Звягеля (ныне Новоград-Вольнский). Схожесть функций и синхронность возведения обусловили близость архитектурных характеристик Луцкой и Татарской башен. Последняя отличается лишь более коротким «пе-

*Острог. Луцкая
надвратная башня.
XV—XVI вв. Фрагмент
аттика*

решкой», соединяющим овалный в плане наружный объем башни с внутренней стеной и соответственно меньшим количеством бойниц для бокового огня. И хотя Татарская башня сохранилась гораздо хуже памятника-близнеца с полным внешним овалом, оба эти памятника-близнеца с полным правом могут быть отнесены к наиболее заметным и самобытным оборонным сооружениям Украины XV—XVI веков.

История не сохранила имен зодчих, возводивших острожские башни — Новую, Луцкую, Татарскую. Но одно несомненно: эти зодчие воочию были знакомы с древнеримским строительным искусством. Ничем иным нельзя, к примеру, объяснить очевидную композиционно-пропорциональную близость острожских построек с величественным сооружением гробницы Цецилии Метеллы в Риме (конец I в. до н. э.), послужившей, вполне вероятно, художественным прообразом острожских твердынь.

Острог. Схема плана города XVIII в.:

- 1) замок («Вежа мурованная», Богоявленская церковь, Новая башня); 2) Николаевская церковь; 3) костел; 4) Успенская церковь; 5) место академии и типографии; 6) каменные стены XV—XVI вв.; 7) Луцкая башня; 8) Татарская

- башня; 9) иезуитский коллегиум; 10) монастырь кармелитов; 11) монастырь капуцинов; 12) синагога; 13) Пятницкая церковь; 14) Воскресенская церковь; 15) земляной вал; 16) дорога на Межирич; 17) дорога на Дубно; 18) дорога на Ровно; 19) дорога на Звягель; 20) дорога на Заславль.

Наверняка знал строитель этих башен и практические наставления Л.-Б. Альберти в его «Десяти книгах о зодчестве»: «В стене через каждые 50 локтей следует добавлять в виде контрфорсов башни с выступающими полукругом фасадами, более высокие, чем стена, дабы тот, кто осмелится подойти ближе, обнажил снарядам свою незащищенную сторону и был уничтожен»⁴⁹. Известно также, что князь К.-В. К. Острожский поддерживал связи с римским папой Григорием XIII и поэтому вполне мог пригласить в Острог итальянского архитектора либо направить на обучение одаренного представителя местного строительного цеха.

Из архивных источников конца XVI—начала XVII века исследователям удалось все же установить имя одного из строителей средневекового Острога⁵⁰. Им был Петр Сперендио, выходец из швейцарского города Брено, итальянец по национальности. Можно предположить,

что именно ему принадлежат изящные аттиковые украшения острожских башен, строившихся, а вернее, надстраивавшихся в этот период. Однако был ли он единственным зодчим в городе в это время и в чем конкретно выражалась его строительная деятельность, остается пока еще загадкой.

Хозяйственно-экономический подъем Острога в конце XVI — начале XVII века сопровождался значительным территориальным ростом города. Для обороны вновь образовавшихся предместий в этот период сооружается вторая линия городских укреплений в виде мощного земляного вала с пятью бастионами. Она начиналась у южных склонов предместья Бельмаж и уходила к северной оконечности города, где заканчивалась пятиугольным земляным бастионом, вплотную примыкавшим к глубокому оврагу. Со временем валы были почти повсеместно скрыты, засыпаны рвы, и лишь отдельные их фрагменты, местами еще довольно внушительные, можно сегодня увидеть. Один из них, наиболее примечательный, находится рядом с бывшим монастырем капуцинов.

В 1608 году скончался владелец Острога князь К.-В. К. Острожский. Его наследники, изменив православию, широко разворачивают строительство католических костелов и монастырей. В Остроге самой крупной постройкой явился основанный Анной-Алоизой Ходкевич, внучкой К.-В. К. Острожского, иезуитский коллегиум. В 1624 году она записала в Луцкие акты книги: «...фундую на вечные времена в родовой моей маестности, в г. Остроге, коллегиум Societatis Jesu и при нем костел, который имеет быть во имя святых: Игнатия Лойолы и Франциска-Ксаверия, отцев иезуитского ордена»⁵¹. В том же году был заложен в фундаменте первый камень. Проект, составленный итальянским архитектором Бенедиктом Молли, специально приглашенным из Рима, отличался необычным размахом и потребовал огромных материальных затрат. Этот архитектурный ансамбль был задуман как замкнутый, трапезничный в плане комплекс с довольно обширным внутренним двором. Его южная сторона, подходившая почти вплотную к городскому рынку, акцентировалась массивным объемом костела, главный фасад которого, увенчанный трехъярусным фронтоном и двумя боковыми башенками, выходил к рыночной площади — торговому центру старого города. Отцы ордена хорошо осознавали роль местоположения своих богоугодных заведений, и наверняка, как это

Перспективный вид
Острога. Рисунок конца
XVIII в.

Острог. Успенский
костел. XVI — конец
XIX в.

часто случалось в городах и местечках края, среди владельцев торговых рядов на рынке были и иезуиты, не одними проповедями стяжавшие богатство. Остальные части коллегиума, примыкавшие к костелу, были двухэтажными, и лишь в северо-восточном углу возвышалась башня с астрономической обсерваторией. В 1648 и 1649 годы казаки Б. Хмельницкого овладели городом и «дымом до неба» пустили все еще недостроенные здания коллегиума. И лишь в начале XVIII века этот крупный архитектурный комплекс был завершен. После изгнания иезуитского ордена из Польши в 1773 году в каменных громадах поочередно размещались монахи-базилиане, епископат, консистория, духовная семинария. В 1809 и 1820 годах сильные пожары серьезно повредили постройки, и впоследствии они больше не восстанавливались, а к концу XIX века стены были разобраны на новые нужды. Внушительный архитектурный масштаб

таб иезуитского коллегиума и активная композиционная роль, которую он играл в формировании облика центральной части Острога, хорошо прочитываются на «перспективном виде» города, выполненном неизвестным художником в конце XVIII века⁵².

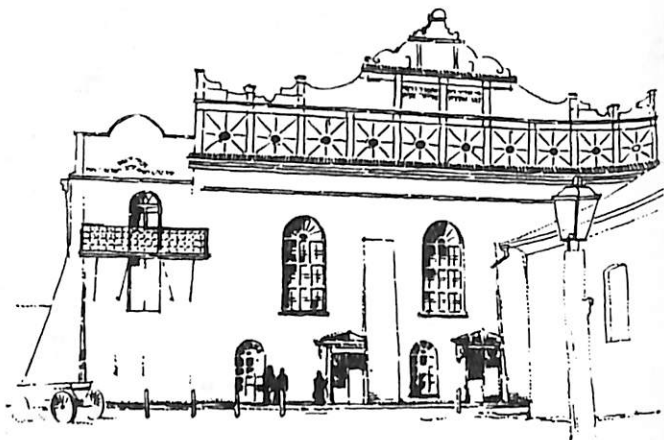
Гораздо скромнее был второй католический монастырь — кармелитов, также не дошедший до наших дней. Располагался он в южной части «старого города», недалеко от заславских городских ворот. Выделялись своими барочными формами главный храм и гранитные въездные ворота, скорее напоминающие триумфальную арку, чем утилитарное сооружение. Стилистически кармелитский монастырь был близок своему иезуитскому соседу. После пожара 1809 года он больше не восстанавливался и вскоре был разобран.

Третий монастырский комплекс в Остроге — кляштор капуцинов — возник в середине XVIII века, когда владетель города Януш Сангушко «даровал» ордену земельный участок у внешней западной стороны земляного вала, утратившего к тому времени фортификационное значение. Строительство монастырского костела было осуществлено по проекту итальянского архитектора Павла-Антонио Фонтаны (1696—1765), служившего одно время поручиком литовской артиллерии, а затем придворным архитектором у князей Сангушко. Новая острожская обитель по замыслу строителей не должна была уступать коллегиуму местных иезуитов: предусматривалась закладка корпуса на сто двадцать келий и величественного костела с восемью алтарями и шестью боковыми каплицами. В 1832 году монастырь был ликвидирован и превращен в тюрьму, а в 1876 году перестроен под женскую школу. При этом бывший монастырский костел приспособили под церковь, лишив его всей барочной атрибутики.

Важную роль в формировании архитектурного лица центра сегодняшнего Острога играет строгий абрис Успенского костела, разместившегося в каких-нибудь ста метрах к северу от замка. Еще в XV веке, по преданию, на этом месте существовала церковь Богоматери, которую князь Федор Острожский в 1442 году отдал доминиканскому ордену для устройства латинского костела. Через десять лет татары разрушили костел, и доминиканцы его оставили. Лишь в 1582 году при князе К.-В. К. Острожском храм был заново восстановлен и передан ксендзам⁵³. Следующая известная перестройка состоялась в

1617 году, когда костел перешел к бернардинам. После конфискации российским правительством бернардинских владений он вновь был преобразован в приходский костел. В 80-е годы XIX века костел перестраивается в очередной раз, приобретая явно выраженный неоготический облик. Средокрестие храма и боковые нефы были увенчаны высокими остроконечными шпилями, доминировавшими над городским ландшафтом. После очередного пожара в 1889 году костел несколько лет стоял в запустении, и лишь в 1896 году было получено разрешение на его восстановление, однако при том условии, что общая высота католического храма не будет превосходить недавно возобновленную по соседству древнюю Богоявленскую церковь. Восстановление костела было завершено почти за год, на этот раз в сдержанной классицистической манере со строгим четырехколонным портиком у главного входа. Отметка верха глухого фонарика над куполом оказалась на 8 метров ниже высоты центральной главы Богоявленского храма. Автором проекта перестройки был архитектор В. Пиотровский, выпускник Петербургского института гражданских инженеров, строивший здесь же, в Остроге, военные казармы. В таком виде костел и дошел до наших дней. Изменилось лишь внешнее благоустройство: сначала исчезла массивная отдельно стоящая звонница, затем была разобрана невысокая каменная ограда.

Как пример незавидной судьбы в современной жизни архитектурного памятника можно назвать острожскую синагогу, находящуюся недалеко от центра на ул. Л. Украинки, 21, используемую в последнее время несколькими организациями под складские помещения. Сейчас даже трудно с первого взгляда узнать в этом сооружении одну из старейших архитектурных достопримечательностей города. Утрачен великолепный ренессансный аттик западного фасада, еще существовавший в начале текущего столетия. Бросаются в глаза неблаговидные навесы и пристройки, бурые пятна оголенного кирпича в местах сколовшейся штукатурки, чужеродная крыша из волнистых асбестоцементных листов. Во внешнем облике сохранились только высокие полуциркулярные окна да крутые контрфорсы, по замыслу строителей обещавшие конструкциям храма надежность и устойчивость. Когда-то цельное внутреннее пространство расчленено на три яруса неказистыми деревянными перекрытиями, сквозь которые пробиваются на всю вы-

Острог.
Синагога. XVI в.
Прорись с фотографии
конца XIX в.

соту здания четыре каменных столба восьмигранного сечения с порушенными, но еще хорошо различимыми в деталях капителями. Аналогичные капители отчасти сохранились на расположенных на одной оси с колоннами внутренних пилястрах. А ведь еще в XVI веке эта очень крупная в то время постройка являлась главной архитектурной доминантой еврейских кварталов, размещавшихся в низинной восточной части старого города в пределах крепостных стен. Датируется постройка обычно XVI веком, хотя в некоторых публикациях указывается и более ранняя дата — начало XV века⁵⁴. При синагоге долго существовала школа раввинов. В начале XVII века у северной стены было пристроено женское отделение школы, нарушившее строгую симметрию главного фасада.

Знакомясь с архитектурными достопамятностями Острога, нельзя обойти вниманием наследие относительно

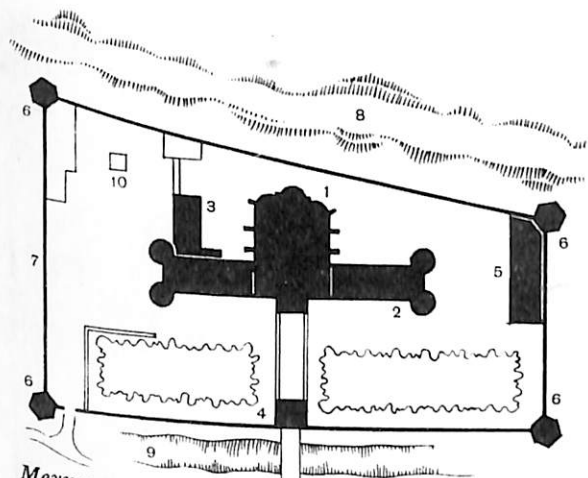
недавнего времени — XIX — начала XX века, оставившего несколько общественных построек и значительное число жилых особняков. Это прежде всего трехэтажное здание бывшей мужской гимназии (арх. П. Шлейфер, 1876) по ул. Войкова, 6, построенное, кстати, из камня разобранного иезуитского коллегіума. А по ул. Ленина, 16 разместились двухэтажный корпус бывшей женской гимназии, построенный в 1912 году и дополненный монастырский комплекс капуцинов. Характерное архитектурное убранство жилых домов местной знати и купечества представлено в постройке по ул. Ленина, 45 (бывш. дом Шейнерберга, ныне — отделение Госбанка). Более скромные, но не менее типичные для своего времени жилые особняки еще существуют на ул. Ленина, Ревкомовской, Дзержинского, Шаумяна и др. Лишенные ярко выраженных архитектурных качеств, они тем не менее вместе с ландшафтом создают тот исторический фон, который, безусловно, необходим для восприятия главных архитектурных «жемчужин» города.

С чувством сожаления и досады можно лишь констатировать, что несколько фрагментов этого фона стерто с «лица» города уже в последние десятилетия. А появившиеся на их месте «немые» параллелепипеды современных строений — явно инородные в архитектурной среде исторического города — нисколько не отразили даже намека на попытку учесть характер и архитектурное своеобразие окружающей среды.

Если Острог оставляет у путешественника смешанное чувство трепетного прикосновения к седой древности и перемену с противоречивыми ощущениями современности, то следующий пункт в маршруте нашего путешественника — село Межирич — позволяет в большей мере окунуться в первозданную атмосферу прошлых веков. Из Острога сюда можно добраться автобусом за считанные минуты. Но не пожалейте лишнего часа и попробуйте одолеть это расстояние (около 4 км) пешком. Вы будете щедро вознаграждены возможностью созерцать меняющееся в движении великолепие окружающей природы. Недаром ведь еще и до сих пор эта часть острожского предместья, вытянувшаяся вдоль дороги к Межиричу, именуется не иначе как Бельмаж — название, производное от французского belle image — «красивый вид», «красивая картина». Слева по ходу сквозь ухоженные усадьбы проглядывают зеленые луга в пойме Вилии, а справа от дороги, то подступая вплотную, то

немного удаляясь, волнуются покатые склоны возвышенности, поросшие садами и небольшими перелесками. И все время впереди и чуть левее притягивает взор рукотворный вертикальный ориентир — межиричская Троицкая церковь. Столь же привлекательна и живописна постепенно удаляющаяся панорама Острога с золочеными главками Богоявленского храма. Но вот слева у дороги длинный ряд домиков вдруг обрывается, и впереди взору предстает водное зеркало пруда, питаемого водами Свитеньки, левого притока Вилии. За прудом из-за могучих тополей и раскидистых верб отчетливо рисуются контуры башен и глав Троицкого монастыря-крепости — главной достопримечательности этого небольшого и уютного села. Огибая пруд, дорога идет дальше на Кунин и Вилию, а мы посоветуем путешественнику не торопиться к памятнику архитектуры, хотя к нему уже рукой подать, а подняться на кромку ближайшей возвышенности. Отсюда как на ладони открывается неповторимый ландшафт, обрамляющий со всех сторон монастырский ансамбль.

Точная дата основания Межирича неизвестна, однако его очень удобное для обороны местоположение у слияния рек Вилии и Свитеньки вполне позволяет допустить, что уже в домонгольскую эпоху здесь было поселение, скорее всего, оборонительного характера. Видимо, недалеко от истины и сведения о том, что в те далекие времена на месте Межирича рос густой-прегустой лес, среди которого на невысоком острове находился скромный православный монастырь с немногими чернецами⁵⁵. В 1386 году великий литовский князь Витовт своей грамотой подтверждает право Федора Острожского на Межирич, который держал здесь укрепленный замок, по всей видимости деревянный, с примыкающим к нему пригородком. В XV веке князь Василий Острожский, по прозвищу Красный, возвел каменные стены замка, а его сын Иван построил здесь деревянную Троицкую церковь. После гибели храма от пожара, в середине XV века начинается сооружение каменной церкви, дошедшей до наших дней. Частые набеги неприятеля и очень удобное местоположение Межирича для охраны подступов к Острогу побудили, видимо, князей Острожских укрепить это «место» высокими земляными валами, общей длиной свыше километров, в плане приближающимися к трапеции. В документах конца XVI века, свидетельствующих об укрытии межиричскими мещанами повстан-

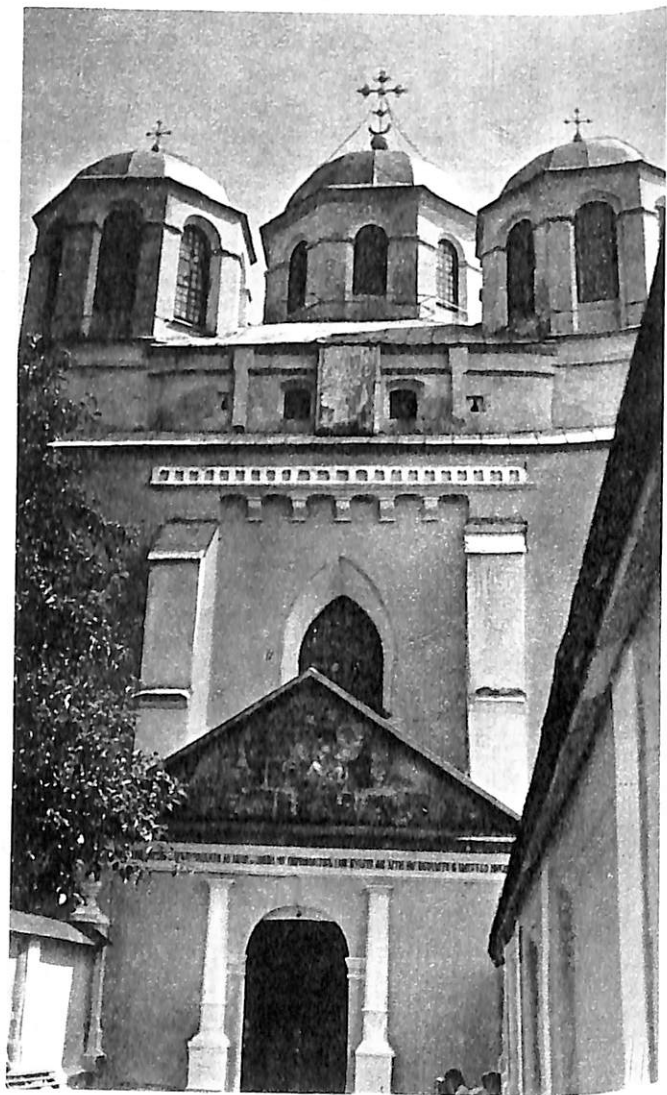

Межирич. План
Троицкого
(Францисканского)
монастыря:

- 1) Троицкая церковь; 2) кельи;
- 3) кухня; 4) колокольня; 5) хозяйственный корпус; 6) крепостные башни; 7) стена; 8) земляной вал;
- 9) ров; 10) колодец

ческого отряда Григория Лободы, Межирич упоминается уже не иначе как город (miasto)⁵⁶.

В 1605 году хлопотами Януша Острожского Межирич официально получает магдебургское право с позволением построить ратушу, лавки и баню, а также устраивать два раза в год ярмарки и воскресные торги. Освободительная борьба украинского народа 1648—1654 годов не обошла местечко стороной. Межирич стал одним из многочисленных центров активных действий сторонников Б. Хмельницкого. А местной шляхте и обосновавшимся в монастыре францисканским монахам, разумеется, сильно досталось: монастырь и замок были сожжены. Опись 1708 года уже зафиксировала начало разрушения земляных валов, а от «панской резиденции» остались лишь «два камня, один кухонный, другой печной, а третий обвалился...»⁵⁷. Впоследствии Межирич переходит из рук в руки разных владельцев, все более приходя в

Межирич. Троицкая
церковь. XV—XVI вв.
←

Межирич. Троицкая
церковь. XV—XVI вв.
Фрагмент интерьера

упадок. В 1866 году францисканский монастырь упразднен, а его костел снова становится православной церковью.

Знакомство с монастырем-крепостью лучше всего начать с главной его постройки — Троицкой церкви. Архитектурный образ этого храма очень близок Богоявленскому собору в Остроге. Тот же приближенный к квадрату трехапсидный, четырехстолпный план с почти равными по ширине нефами, та же схема построения объемных масс, увенчанных пятиглавием с более высокой центральной главой. Главы обеих церквей устроены на восьмигранных барабанах с высокими световыми проемами и такими же восьмигранными шлемовидными покрытиями. Впрочем, нельзя не учитывать, что в ходе восстановления Богоявленского храма, к началу которого практически вся его верхняя часть была уничтожена, межиричский храм во многом «подсказывал»

реставраторам выбор стилистических решений. Есть, однако, и существенные отличия: Троицкая церковь, безусловно игравшая подчиненную роль по отношению к острожскому храму, заметно приземистей, массивней по пропорциональному строю. Ступенчатые контрфорсы, имеющиеся в обеих постройках, в межиричской церкви прочитываются более активно, расчленяя плоскости гладких стен с высокими стрельчатыми окнами.

Нельзя не восхищаться великолепием внутреннего убранства храма, всегда наполненного неярким светом, обволакивающим четыре опорных столба, поддерживающих своды и купола. Атмосфера торжественности усиливается четырьмя киотами, пышным резным иконостасом. Его золоченые детали, отмечающие высокое мастерство безымянных резчиков по дереву, и лики святых причудливо сливаются в единый и могучий художественный образ. Здесь находится несколько ценных произведений иконописи, одно из которых — икона Богоматери — датируется XVI веком. К редким образцам ювелирного искусства можно отнести филигранно проработанные оклады икон с элементами традиционной народной орнаментики.

С именем последнего представителя рода Острожских, краковского каштеляна Януша, принявшего католическую веру, связан следующий этап в развитии межиричского архитектурного ансамбля. В самом начале XVII века здесь начинаются работы по коренной перестройке замка в францисканский монастырь. В это время с южной и северной сторон Троицкой церкви устраиваются два равновеликих двухэтажных корпуса монашеских келий. По их четырем внешним углам устраиваются круглые трехъярусные башни с конусообразными навершиями, в чем легко угадываются западноевропейские прообразы. Для обороны во всех трех ярусах башен устроены амбразуры стрельниц с отверстиями, имеющими форму перевёрнутой замочной скважины. Видно, не полагались полностью монахи на мощь высоких стен, готовились к осаде и в монашеских кельях. На гладкой плоскости стен сочными пятнами читаются небольшие оконные проемы с изящным обрамлением, свидетельствующим о том, что создавший их мастер был хорошо знаком с итальянским Возрождением, особенно с флорентийской архитектурой. Можно допустить, что автором межиричских строений был военный инженер и архитектор Павел Гроздицкий, строивший во Льво-

Межирич.
Северный корпус келий.
1606—1610

ве королевский арсенал. В отдельных деталях порталов, оконных наличников и сандриков действительно много сходства, а в некоторых элементах и буквального совпадения.

Сравнительно неплохо сохранилась отделка интерьеров монашеских келий, особенно ее северного крыла, под первым этаже недавно в ходе реставрационных работ. На ные звездчатые своды с сеткой нервюр, сходящихся к бусам. В замке сводов — сочные резные розетки. Здесь, в залах первого этажа, находились общественные помещения — трапезные, библиотека. На втором этаже келий, имевшие непосредственную связь с угловыми обоями второго этажа к стенам Троицкой церкви были устроены

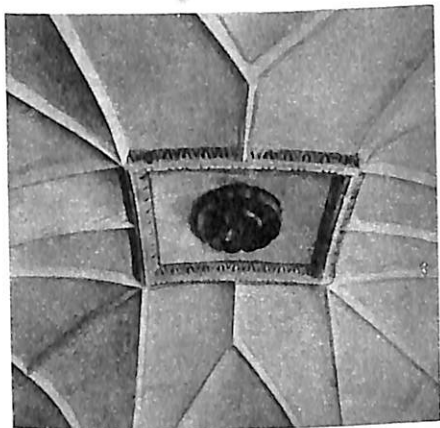

Межирич.
Южный корпус келий.
1606—1610. Портал

проходы на хоры — дополнительное удобство для «нищенствующей» братии Франциска Ассизского.

Как Троицкая церковь, так и кельи не избежали некоторых трансформаций первоначального облика. В самом Троицком храме — это прежде всего серьезная переделка в XVII веке, выразившаяся в устройстве дополнительных стенок между угловыми барабанами со стрельницей и люнетными окнами, что привело к значительному уменьшению высоты среднего барабана из-за повышения кровли. Существуют предположения, что, как и в Богоявленской церкви, своды центрального креста первоначально были отмечены на фасадах закомарами⁵⁸. В XIX веке видоизменился облик келий, которые в процессе перестройки крыши утратили аттик над главным карнизом⁵⁹.

В юго-восточном углу монастырского подворья, у самых крепостных стен, расположен одноэтажный хозяй-

Межирич.
Северный корпус келий.
1606—1610. Свод
в трапезной

ственный корпус, ныне полуразрушенный. Когда-то здесь жила прислуга, а его подвалы использовались монахами под склады продуктов (по описи 1809 года он назван «амбаром»). Венчал постройки довольно высокий, частично сохранившийся аттик в виде глухой аркатуры. Еще в начале XIX столетия подобное здание существовало и в северо-восточном углу монастыря, но позже было разобрано. Сейчас о нем напоминают лишь следы окон и примыкания к оборонной стене.

Невдалеке от апсид храма можно осмотреть старый монастырский колодец, необычно большой в диаметре. Знакомясь с монастырем, нельзя не обратить внимания на его стены и башни — удивительно гармоничные в пропорциях и прекрасно дополняющие друг друга. Будто гипорциях и прекрасно дополняющие друг друга. Будто гиртской каменной рамой обнимают они монастырский двор и внутренние строения, образуя выразительную архитектурную «картину». Жаль только, что невозможно

*Межирич.
Северо-западная башня.
1606—1610*

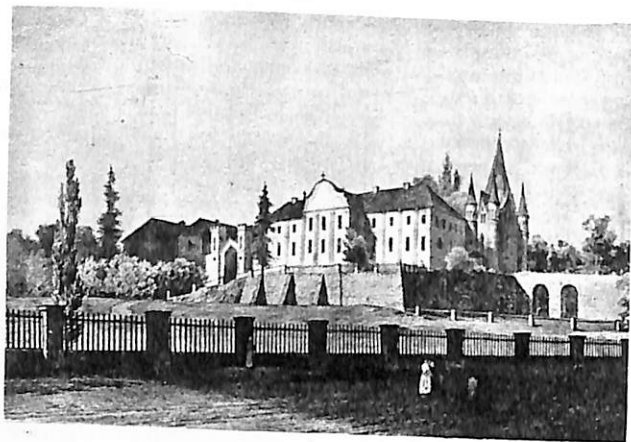
сразу окинуть ее одним взглядом. Несколько выделяется из общего строя надвратная колокольня, устроенная по оси главного входа в Троицкую церковь из-за нехарактерного для стилистики ансамбля барочного покрытия. Возведено оно, по всей вероятности, по верху надвратной башни позже, в первой половине XVIII века, тогда как основной объем башни появился одновременно с остальными монастырскими строениями в 1606—1610 годы.

Все четыре угловые башни двухъярусные, шестиугольные в плане. Высоте первого яруса соответствует высота примыкающих стен, увенчанных фигурными мерлонами в виде полукружий, чередующихся с М-образными, скругленными сверху зубцами. И стены, и башни украшены снаружи выразительным фризом — плетенкой, выполненной в технике сграффито. А венчает башни изящный ренессансный аттик с небольшими круглыми проемами.

Выйдя из монастыря через главные ворота и свернув влево, у южной стены, можно увидеть недавно отреставрированную печь — необычное сооружение на четырех опорах с высокой профилированной трубой. В былые времена здесь неподалеку, ближе к юго-восточному земляному бастиону, были резиденция (замок) и «двор» Острожских, исчезнувшие без следа. А печь эта предназначалась, по одним сведениям, для обогрева стражи в холода, по другим — здесь кипела смола для отражения неприятеля, подступавшего к земляным валам со стороны Заславской браны. Сама браня, полуразрушенная, в каких-нибудь пятидесяти метрах. О том, что она современница монастырских строений, свидетельствуют сохранившиеся фрагменты внешнего портала из тесаного песчаника и стрельницы, обработанные по аналогии с монастырскими. Вторые городские ворота (Дубенские) размещались примерно в середине северного земляного вала.

В обе стороны от Заславской браны расходятся высокие земляные валы, местами еще не утратившие крутизны скатов и, в общем-то, удовлетворительно выдержавшие испытание временем. В сотне метров к югу от Заславской браны верхняя кромка вала вдруг расширяется, образуя довольно просторную площадку главного бастиона. Отсюда открывается низинная речная пойма, что обеспечивало безусловное преимущество оборонявшимся. Внизу, чуть подалее сельских усадеб, лавируя меж песчаных берегов, несет свои воды спокойная Вилия. А с противоположной стороны, уже в отдалении, из-за верхушек деревьев, невольно притягивая взор, выступают купола, башни и шатры монастырских построек. В центре этого сказочного силуэта — пятиглавый Троицкий храм. Обогнув южный угол вала и миновав еще два бастиона поменьше, оказываемся у широкого раскопа, служащего сегодня главным въездом в старую часть Межирича.

В двенадцати километрах к югу от Межирича, на левом берегу Вилии, лежит одноименное с ней небольшое село, известное тем, что здесь в 1904 году родился выдающийся советский писатель, мужественный трибун революции Николай Островский. В самом центре села, в небольшом одноэтажном домике, где проживала семья Островских, разместился литературно-мемориальный музей писателя со скромной, но очень дорогой сердцу каждого экспозицией. В мемориальной комнате — подлинны вещи Николая Островского и его близких.

Новомалин.
Общий вид замка-дворца.
Литография из альбома
Н. Орды. 1870-е гг.

Новомалин.
Руины замка-дворца
с часовней. XIV—XIX вв.

стеклом выставочных витрин — пожелтевшие фотографии и документы. В отдельной комнате можно увидеть десятки экземпляров книг Н. Островского, изданных на разных языках в нашей стране и за рубежом. Перед музеем взметнулся ввысь обелиск, увековечивающий в металле героический образ писателя.

Возвратившись из Вилии в Межирич, маршрут путешествия можно продолжить в западном направлении, к Новомалину, отстоящему от Межирича в восьми километрах. Село, удобно расположившееся над большим прудом в пойме реки Свитеньки, известно с XIV века: в 1392 году Владислав Ягайло «даровал» эту местность Свидригайду. Уже тогда здесь был небольшой замок, значительно расширенный и перестроенный в начале XV века. Позже он перешел к Малинским, которые в XVII веке предприняли перестройку замка, дополнив его барочным дворцом. В конце XVIII века новомалин-

ское имение становится собственностью Сосновских. При них замковый ансамбль приобрел черты светской архитектуры и считался одной из самых красивых магнатских резиденций на Волыни. В 1866 году губернская газета писала: «Теперь замок обращен во дворец... окружен с трех сторон водами пруда, с четвертой — примыкает к матерiku и отделяется от него рвом, через который и теперь идет каменный мост, бывший некогда подъемным»⁶⁰. Таким он и был запечатлен на литографии Н. Орды.

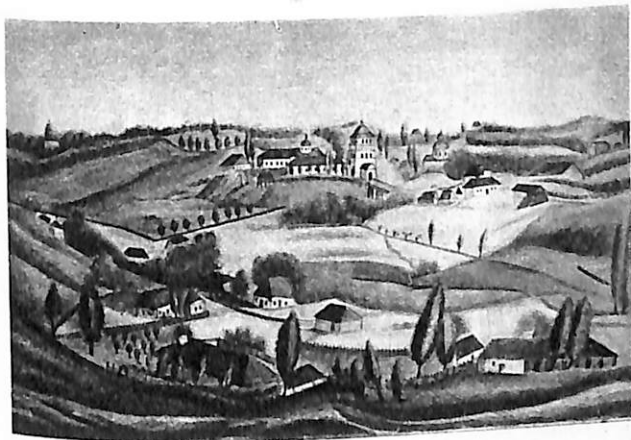
Сегодня новомалинский замок представляет собой живописное нагромождение руин, за которыми только после внимательного осмотра можно выявить определенную планировочную систему. Все постройки, в том числе и более поздние, располагались вокруг небольшого детинца на невысоком холме. По периметру холма на большом удалении друг от друга были устроены пяти-

гранные в плане угловые башни, связанные пряслами крепостных стен. Впоследствии в развитии этой кольцевой системы у внешних стен были выполнены достройки: дворец, флигель, часовня, хозяйственный корпус — все с использованием старых оснований стен. Из пяти башен частично сохранились три: южная, западная и северная. Фрагменты последней видны в основании часовни, которая заметно выделяется и самобытностью облика, и степенью своей сохранности, хотя иначе как руинами ее тоже не назовешь. Часовня была возведена в XVII веке еще при Малинских на стенах оборонительной башни, чем и объясняется необычность ее пятиугольного плана. А романтически окрашенную псевдоготическую детализировку и пять высоких башенок по углам с остроконечными шпилями она получила уже в начале XIX века. Автором этой оригинальной перестройки, по всей вероятности, был сам владелец усадьбы — скульптор Томаш-Оскар Сосновский (1810—1888). Его скульптурные работы украсили интерьер часовни. Одна из них — рельеф «Мадонна с младенцем» — представлена сегодня в экспозиции Острожского краеведческого музея.

До 1825 года будущий скульптор обучался в Кременецком лицее, а художественное образование получил в академиях Варшавы, Берлина, Рима у таких знаменитых мастеров резца, как Б. Торвальдсен, К.-Д. Раух, П. Тернерани. С 1846 года он профессор Римской академии св. Луки. Скульптор подолгу проживал в европейских столицах, однако не забывал навещать в свое новомалинское имение, выполняя заказы местной знати. Множество его работ было выполнено также для украшения вольных костелов и монастырей. Некоторые из сохранившихся работ наряду с вышеупомянутым рельефом можно увидеть сегодня в музеях Острога и Ровно. В целом же творчество Т.-О. Сосновского отмечено характерной для представителя академизма печатью холодной рассудочности, заимствованиями сюжетов из классической мифологии и христианской религии, отличается высокой техникой и исполнительским мастерством.

Сразу возле замковых развалин, чуть ниже по рельефу, когда-то был распланирован небольшой парк, террасами спускавшийся к речке. Сейчас здесь лишь небольшое затухающее озерцо и несколько огромных стареющих деревьев.

Из Новомалина через село Буща можно добраться до Мизоча. Как небольшая весь Мизоч упоминается в до-

Дермань. Общий вид села с монастырем-крепостью. Акварель А. Ежова. 1845 (ЦГИАЛ)

кументах еще под 1322 годом. Однако вплоть до XVIII века он оставался неприметным селением. В 1759 году Мизоч хлопотами владельцев Карвицких получает от польского короля статус местечка. На берегу обширного пруда по проекту все того же Миклера Карвицкие устраивают парк в английской манере и, следуя примеру Ходкевичей в Млинове, начинают строительство грандиозного задуманного усадебного комплекса. Было построено шесть флигелей, в том числе так называемая оранжерея, дошедшая до наших дней. Однако главный корпус так и остался невыстроенным.

Из памятников архитектурной старины в Мизоче выделяется католический костел Яна Непомуцена, начатый строительством в 1795 году. На главном фасаде костела на две трети его высоты устроен шестиколонный портик тосканского ордера с колоннами на пьедесталах. Центральная ось портика и всего объема здания подчерк-

нута заметным уширением между двумя средними колоннами. На боковых фасадах среднего нефа и алтарной апсиды четко выделяются большие полуциркульные окна. Позднейшая западная пристройка лишила костел пропорциональной уравновешенности объемов, придала его облику избыточную тяжеловесность.

Рядом с костелом расположен бывший жилой дом ксендза (ныне Дом пионеров) — относительно небольшое строение с мезонином, фланкированным крыльями с тройными классицистическими окнами. Двухэтажная часть дома оформлена со стороны главного входа четырехколонным «накладным» портиком с полуколоннами.

Как и во многих других волынских поселениях, в Мизоче есть старый прекрасный пруд, со всех сторон окаймленный разлогими плакучими ивами и непритязательными тополями. Особенно привлекательная панорама водной глади пруда открывается с перемычки — здесь его берега образуют живописную уходящую вдаль перспективу.

После Мизоча наш путь ведет в древнюю Дермань — знаменитый очаг украинской культуры XVI—XVII веков. Местность, где раскинулось село, без преувеличения можно назвать ландшафтным самородком — настолько живописен и неповторим здешний пейзаж. По праву Дермань называли когда-то «королевой волынских сел». В одном месте, впрочем, первозданное природное совершенство словно бы соединилось в единое целое с творением рук человека: речь идет о дерманском Троицком монастыре, занявшем небольшую пятачок земли не самого высокого, но стратегически удобного холма.

В исторической справке о дерманском монастыре, составленной в середине XIX века, говорится: «Холм, на котором расположен монастырь, обведен был со всех сторон стеною в 3¹/₂ сажени вышиною из дикого известкового камня на месте добытого, построенной с отверстиями по местам для действующего огнестрельных орудий, которая большей частью и ныне существует, в некоторых же местах отчасти, а инде и совсем разобрана. Кроме того, холм окружен был рвом, в который из существовавшего вблизи пруда (называемого «мних») могла подыматься вода в преграждение доступа к оному, и в сем виде составлял он первоначально небольшую крепостцу, в которую вход устроен с северо-восточной стороны, через мост, бывший первоначально подъемным, и камен-

ную четырехугольную башню, служившею воротами и колокольнею, имея на четвертом ярусе колокола. Площади упомянутым образом огражденного холма, составляющая монастырский погост, от северо-востока к юго-западу простирается на 60 сажень, а ширина ее навкрест 40 сажень»⁶¹.

Точное время основания монастыря неизвестно, однако в большинстве исторических источников его связывают с именем Василия Красного, который, укрепляя свои поселения от татарских набегов, возвел также и небольшую дерманскую крепость. В монастырском помяннике, писанном в первой половине XVII века, напротив его имени была сделана приписка: «...который церковь и звоницу муровал и сам на закладанию был, и всего монастыря Дерманского фундатор...»⁶². Роль монастыря резко возросла в начале XVII века, когда К.-В. К. Острожский в 1602 году «монастырь свой глаголемый Дерманский в 1602 году «монастырь свой глаголемый Дерманский со всеми довольства отлучив, киновию (общежительным со монастырем — П. Р.) той устроив, инокам передает на совокупление в нем богобоязненных мужей и иноков искусство в житии и разуме, им же и типарное ее дело присоных в житии и разуме, им же и типарное ее дело присоных вокупив яко да сугубо и трегубо пользующе церковное благочестие будут»⁶³. Принадлежность монастыря к ряду общежительных означала выполнение всей монаршей шестуюющей братией одного общего послушания, запрет на всякую личную собственность, при этом все необходимое для жизни монахов предоставлялось монастырем. Столь строгих монастырей было не так уж много. По всей России к началу XX века их было всего четыре.

Чуть больше года, с начала 1575 по осень 1576 года, в Дерманском монастыре жил Иван Федоров, получивший здесь от князя Острожского должность «справцы» (управителя) и, очевидно, намеревавшийся вначале именно здесь открыть свою типографию. Однако Острог все-таки оказался более соответствующим местом для этих целей, и вскоре первопечатник покидает Дермань. Все же «типарное дело» было открыто здесь позже, в 1602 году, когда И. Федорова уже не было в живых. Типография просуществовала недолго, всего лишь до 1605 года, выпустив в свет несколько богословских книг. В 1604 году в Дерманский монастырь были сосланы монахи Чудова монастыря, пособничавшие Гришке Отрепьяну в его «худых поступках и шалостях». С 1627 года настоятелем монастыря стал известный украинский писатель-полемист и ученый-филолог Мелетий Смотриц-

*Дермань.
Монастырь-крепость.
Троицкая церковь.
Начало XVII—XIX в.*

кий (сын Герасима Смотрицкого), который умер в 1633 году и был похоронен здесь же. По его знаменитой «Славянской грамматике» велось преподавание не только в России, но и в других славянских странах, а М. В. Ломоносов с уважением называл эту книгу «вратами учености».

В дошедший до нашего времени архитектурный комплекс монастыря-крепости входит несколько древних построек: Троицкая церковь, надвратная башня-колокольня, корпус монашеских келий. Местами еще сохранились фрагменты каменной оборонной стены, упроченной с южной и юго-западной сторон высокими контрфорсами.

Расположенная в самом центре монастырской территории, довольно скромная по размерам одноглавая Троицкая церковь — редкий, если не единственный, по типологическим признакам каменный храм — была сооружена на месте старой каменной церкви, которую еще в пер-

*Дермань. Надвратная
башня-колокольня.
XV—XIX вв. Фрагмент
аркатуры*

вой половине XV века «муровал» основатель монастыря Василий Красный. Предполагаемое время нового строительства — начало XVII века, когда, возможно, еще был жив К.-В. К. Острожский. Церковь получила, в общем-то, обычный трехчастный план с одной апсидой и притвором, однако почти правильный квадрат средней части храма был разделен с запада на восток двумя внутренними столбами. Между ними и восточными углами апсиды были переброшены подпружные арки с парусами, поддерживающими восьмигранный световой барабан. Подобное, явно нелогичное сочетание разновременных и разнохарактерных архитектурных приемов (два внутренних столба, подпружные арки, трехчастный план) может найти объяснение в сознательном стремлении строителя хотя бы частично сохранить пространственно-конструктивную систему храма-предшественника (по всей вероятности, крестовокупольного) и в то же время

5. Над Иквой

Теки по изумрудной луговине,
О Иква! Доказала ты не раз,
Что много силы есть в твоей пучине.

Ю. Словацкий

22 июня 1941 года. В тревожной предрассветной мгле с летного поля 46-го авиаполка стремительно поднялось в небо звено истребителей «И-16» под командованием старшего лейтенанта Ивана Ивановича Иванова, перекрывая фашистским бомбардировщикам дорогу в глубь советской территории. В слабых отблесках летней зари завязалась смертельная схватка. Когда вышли боеприпасы, командир принимает отважное решение: пристраивается к хвосту «Хейнкеля-111» и, смело пойдя на сближение, через какое-то мгновение отсекает винтом своего истребка хвост вражеского самолета. Вместе со смертоносным грузом тот рухнул на землю. Недостаточная высота не позволила смельчаку выбраться с парашютом. Так, в самом начале Великой Отечественной войны, германские асы впервые испытали на себе воздушный таран. И сегодня у северного въезда в старинный украинский город Дубно об этом героическом подвиге напоминает ныне живущим стрелой взметнувшийся в небо монумент (скульпт. С. М. Мороз, арх. В. И. Комаровский). У его подножия бетонная плита с барельефом героя и лаконичное посвящение: «Ст. лейтенант Иванов Иван Иванович в первый час Великой Отечественной войны (1941—45 гг.) в воздушном бою над Дубно совершил таран фашистского самолета, за что посмертно удостоен звания Героя Советского Союза».

Дубно — один из самых древних городов Западной Украины. Исторические летописи упоминают о нем

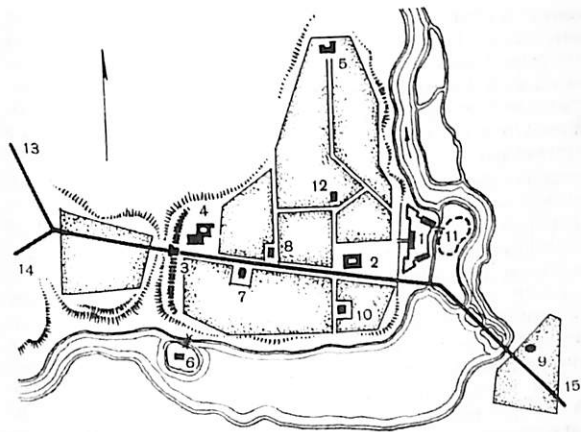
под названием Дубен еще под 1100 годом в связи с решениями витичевского съезда русских князей. Выгодное расположение на перекрестке торговых путей и удобная для обороны местность сделали город в ту далекую пору заметным в округе поселением. По размерам он приближался к волынскому Дорогобужу и занимал тот относительно небольшой пятючок земли, возле которого столетиями позже появились каменные стены мощного замка. Однако после татаро-монгольского погрома в 1240 году Дубен приходит в упадок, и почти на полтора столетия его название исчезает из летописных сводов. Литовский князь Ягайло грамотой от 4 ноября 1386 года подтверждает принадлежность поселения местному князю Федору Острожскому, а в 1498 году К. И. Острожский получил от литовского князя Александра привилегию, согласно которой Дубно был возведен в ранг города, а еще через девять лет Сигизмунд I Старый дает городу магдебургское право. После Люблинской унии Дубно, как и другие волынские города, входит в состав Речи Посполитой.

Внешние приметы и слава богатого волынского города показались Н. В. Гоголю столь характерными, что он для описания отважных походов запорожских казаков в конце XVI — начале XVII столетия избрал основным местом действия своего знаменитого произведения «Тарас Бульба» именно Дубно. В самом деле, для литературного живописания более подходящую ситуацию сыскать было трудно. «Войско решилось идти прямо на город Дубно, где, носились слухи, было много казны и богатых обывателей... Высокий земляной вал окружал город; где вал был ниже, там высывалась каменная стена или дом, служивший батареей, или, наконец, дубовый частокол»⁶⁷. Мало что сегодня осталось от тех городских укреплений, изменила русло Иква, съезжались осушенные болота. Но все кажется, что где-то здесь оставил свой след многоопытный батько Тарас, где-то среди этих луговник громил ляхов верный отчизне Остап и здесь же повин головой от отцовской пули малодушный изменник Андрий. Не обошли Дубно стороной отряды освободительного войска Богдана Хмельницкого. Все-таки «отыскан след Тарасов». Летом 1648 года восставшее население города приветствовала отряд Максима Кривоноса, изгнавший отсюда ненавистную польскую шляхту.

Помнит дубновская земля и далекие события Северной войны. В 1706 году Волынь становится театром

активных военных приготовлений шведов, и Карл XII летом оккупирует Дубно. Русское командование полагало возможным его дальнейшее продвижение к Киеву. Петр I, дабы упредить маневр противника, послал на Волынь отряд солдат под командованием Меншикова для выяснения реальности угрозы. В Дубно шведы не оказали существенного сопротивления, и Меншиков с облегчением докладывал царю: «...король швейский, будучи в Дубно, услышал о приходе московских войск так скоро затревожась побежал, что все тяжести бросил: и двадцать осмь пушек медных... в Дубне в землю зарыл, о которых накрепко под смертною казною запретил скзывать. Однако ж, московская партия отправлена от Полонного оны пушки нашла...»⁶⁸. В ходе войны Петр I, желая привлечь на свою сторону волынских магнатов, охранял их интересы и права. Известен, например, «оборонный лист», данный летом того же года его именем дубновской княжне Констанции Любомирской, гарантировавший неприкосновенность ее владений со стороны царских драгунов⁶⁹. В 1707 году Петр I прибыл в Дубно, немало подивившись мощи и крепости бастионов местного замка.

В 1753 году князь Януш Сангушко подарил Дубно, а с ним местечко Птичу и еще семьдесят селений князю Станиславу Любомирскому с обязанностью последнего держать в дубенском замке двести семьдесят пеших людей для военных нужд и обороны крепости. На последнюю треть XVIII — начало XIX века приходится заметный подъем в общественной жизни города. Главной причиной этому послужил перевод сюда из Львова в 1772 году так называемых контрактов, то есть большой четырехнедельной ярмарки (после первого раздела Польши Львов отошел к Австрии). В отдельные годы на ярмарку съезжались до тридцати тысяч человек — местных и зарубежных торговцев из Вены, Лейпцига, Варшавы, Стамбула и Москвы, — тогда как собственное население насчитывало около шести тысяч душ⁷⁰. На несколько десятилетий город стал самым крупным центром торгово-экономической жизни всего края, активно застраиваясь и расширяя свои территориальные границы. В Дубно оживилась культурная жизнь. При дворце Любомирских действовал театр, руководимый Войцехом Богуславским. В 1803 году к Михаилу Любомирскому с предложением открыть здесь гимназию с ботаническим садом обратился Т. Чацкий. Однако си-

Дубно. Схема плана города XVIII в.:

1) замок; 2) ратуша; 3) Луцкая надвратная башня; 4) монастырь бернардинов; 5) монастырь кармелиток; 6) базилианский монастырь со Спасо-Преображенской цер-

ковью; 7) Иллинская церковь; 8) соборная Николаевская церковь; 9) Георгиевская церковь на Сурмичах; 10) синагога; 11) территория древнерусского городища; 12) приходский костел; 13) дорога на Луцк; 14) дорога на Кременец; 15) дорога на Острог

баритствующий владелец не пожелал уступить для этих целей необходимые помещения и свой загородный сад Палестину⁷¹. Лицей же был открыт вскоре в соседнем Кременце и стал впоследствии весьма известным.

Архитектурно-градостроительное наследие старого Дубно сосредоточено в основном на территории исторической части города, которая в целом совпадает с его современным центром на левом высоком берегу Иквы, имеющим площадь около 110 га. Своеобразна эволюция исторической топографии города. Старое городище домонгольской эпохи (древнерусский Дубен) располагалось на крайней восточной оконечности большого, обращенного к северу, рогообразного полуострова. Весь полуостров был ограничен с юга и востока многочисленными протоками Иквы, а с севера и северо-запада — непроходимыми болотами, образующими надежные природные преграды в случае нападения неприятеля. Показанный на кар-

тах конца XVIII — начала XIX века канал, отделявший территорию старого городища от замка и основной части полуострова⁷², вероятно, первоначально был также одним из естественных рукавов реки, что говорит о возможном островном положении городища. В силу этих ландшафтных особенностей и было predeterminedено пространственное развитие города, главная ось которого формировалась с востока на запад, вдоль дороги, связывавшей два въезда в город: со стороны Луцка и со стороны Острога. Въезд со стороны Острога был устроен через несколько запруд и насыпей, пересекавших воды Иквы недалеко от замка.

Сильный толчок развитию Дубно был дан в конце XV — начале XVI века после перевода его в разряд городов и получения магдебургского права (1507). Укрепленные ремесленных цехов и потребности торгово-экономической жизни, рост населения вызвали быструю застройку территории к востоку от замка. Здесь формируется рыночная площадь с ратушей. Вокруг постепенно складывается нерегулярная уличная сеть с жилыми кварталами и отдельными вкраплениями культовых, торговых и хозяйственных строений. Для обороны с единственного свободного доступа к городу по суше на западном перешейке (со стороны Луцка) устраиваются высокий земляной вал с Луцкой надвратной башней и глубокий ров впереди. Настолько глубокий, что, по преданию, он мог наполняться водами Иквы. Таким образом природные защитные рубежи были дополнены искусственными оборонительными укреплениями, что со временем создало Дубно славу одного из наиболее неприступных городов Волыни. А это в свою очередь стимулировало дальнейший рост города.

В начале XVII столетия в городе на стратегически важных местах возводятся новые монастырские комплексы — бернардинцев возле Луцкой браны и кармелиток на северной оконечности полуострова, — подчеркивающие две пространственно-композиционные оси города. Основную «запад—восток» и второстепенную «север—юг». Одновременно капитальной перестройке подвергается замок. Еще определенной становится его градостроительная роль как главнейшей твердыни в системе городских укреплений, последнего и надежного пристанища на случай нападения больших сил неприятеля. У западного въезда в город начинает складываться предместье Забрамье, или Луцкое, у юго-восточного — Сурми-

чи. После того как в Дубно были переведены львовские контракты, город получает еще один мощный толчок в развитии, заметно обновляясь, особенно в своей «светской» части. По фронту рыночной площади деревянные лавки уступают место каменным двухэтажным домам, перестраивается ратуша, укрупняется застройка главных городских улиц. Снова реконструируется замок, приобретаая на этот раз более парадный дворцовый характер.

Век XIX оставил мало следов в планировке исторического ядра Дубно. Железнодорожная станция, открытая в 1873 году на линии Здолбунов—Радзивилов (ныне Красноармейск) на довольно значительном расстоянии от центра города, стала своего рода «противовесом» в территориальном развитии капиталистического Дубно. Город начинает быстро расти на правом берегу Иквы, занимая низинные участки речной поймы. Частично изменилась уличная сеть старого города и в связи с прокладкой шоссеной дороги из Ровно к южным границам империи. Город получает третий важный въезд — с севера (возле монастыря кармелиток). В таком виде его планировка и сохранилась по сей день, будучи лишь местами «наполненной» новыми, современными постройками. В этом смысле Дубно повезло несколько больше, чем, скажем, Кобрцу, Ровно, Острогу.

Знакомство с многочисленными памятниками дубенской старины, разумеется, следует начать со старого княжеского замка (ул. 60-летия образования СССР, бывшая Панская). История его возведения многоэтапна, как и развитие самого города.

Первое деревоземляное замковое укрепление на месте древнерусского городища было возведено еще в XIV веке при Федоре Острожском. Это был относительно небольшой замок, мало изменивший топографию местности, скопее, приспособленный к ней, с земляными валами и дубовым частоколом по периметру, деревянными дозорными башнями и тесно посаженными внутри жилыми и хозяйственными постройками, тоже деревянными. Однако частые пожары, невысокая прочность деревянных стен, стесненность участка и, главное, более низкое положение замка по отношению к прилегающему участку города побудили владельцев начать строительство нового замка выше по рельефу. Когда было начато строительство замка на новом участке — об этом исторические источники, к сожалению, умалчивают. Однако по косвенным

данным (необходимость больших затрат) можно предположить, что это было под силу лишь очень богатому владельцу, каковым мог быть К. И. Острожский. Новый замок был заложен, скорее всего, в конце XV — начале XVI столетия, тогда же, когда возводилась система общегородских укреплений.

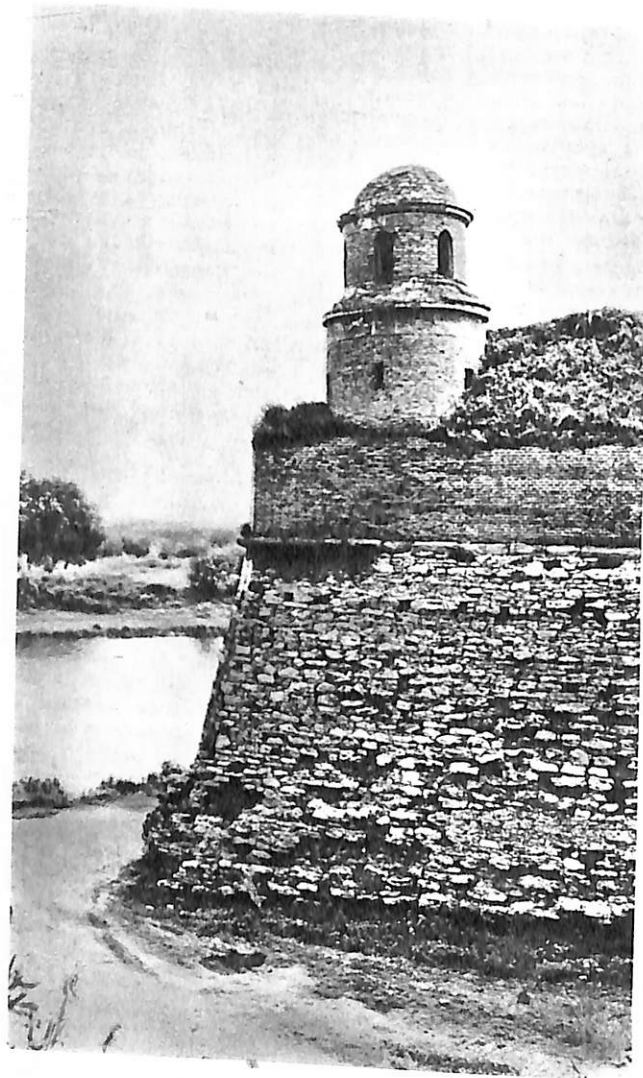
Решительной перестройке, в ходе которой многие замковые укрепления были разобраны и заменены новыми либо капитально укреплены, замок был подвергнут последним князем из династии Острожских — Янушем — в самом начале XVII века. Можно допустить, что по первоначальному замыслу строителя⁷³ замок должен был получить четкий треугольный план с тремя угловыми бастиянами, включив в себя частично старые каменные строения (например, въездную башню) и даже территорию старого городища. Однако то ли недостаток времени и средств, то ли хорошая защищенность третьего, восточного, направления водами Иквы и подступающими болотами, то ли сложные гидрологические условия для возведения в этом месте третьего бастияна помешали его появлению и возникновению цельной, геометрически законченной планировочной композиции замка. В результате сложился, как нередко случалось, необычный архитектурный комплекс с двумя бастиянами (северным и южным) по типу горнверка — рогеобразного в плане укрепления. Куртина, соединившая фланки бастиянов, вытянулась на 160 метров и была ориентирована на запад, в сторону исторического центра города. В средней ее части размещен главный въезд на территорию замка, устроенный сквозь так называемый привратный корпус.

С севера и с юга к обоим бастиянам примыкают короткие полукуртины, переходящие в две самостоятельные замковые постройки. С востока к замку XVII века примыкала территория старого городища с остатками прежнего замка Острожских. Между ними был проложен глубокий ров, в силу своего низинного расположения легко наполнявшийся водами Иквы. Второй, гораздо более широкий и значимый для обороны ров был устроен с противоположной, западной стороны замка. Его восточный откос был создан, собственно, фасадами бастиянов и соединяющей их куртиной, а высокая отвесная стена со стороны города была сложена из «дикого» камня. По преданию, он также мог наполняться водами Иквы, но давно уже сух.

Очередной перестройке замковые сооружения подверглись в последней трети XVIII века, когда в Дубно начались знаменитые контракты, потребовавшие от резиденции Любомирских внешнего лоска и представительности. В результате оборонительный объект приобрел черты дворцового комплекса, слившись в единое целое с архитектурой бастиянов. Автором главного дворцового корпуса стал архитектор Генрик Иттар, выходец из Мальты, учившийся в Риме, а с 1780 года работавший в Польше, где приобрел большую популярность в магнатской среде. Для возведения дворца Иттар использовал фундаменты и подвальную часть старого замкового флигеля в северо-восточном участке территории, надстроив их еще одним этажом. С внешней стороны палац стал таким образом трехэтажным, выходя окнами к широким долям низменной, болотистой поймы Иквы. Еще и сегодня докольная часть дворца сохранила могучие цилиндрические своды. С внутренней стороны дворец имел два этажа, и к тому же его парадная лестница была переброшена через небольшой ров.

Если спуститься от города к нынешнему гидропарку, устроенному не так давно между старым и новым руслами реки, взору предстает надолго запоминающийся образ немого аскетичного и одновременно почти сказочного дворца с высокой черепичной крышей, дополненного справа замшелыми, поросшими поверху кустарником фасадами северного бастияна. А над самым острием бастияна, слегка скругленным, приятным диссонансом приютилась миниатюрная дозорная башенка, чем-то напоминающая маленькую ротонду для светских бе-сед, откуда можно любоваться окрестными долями и ощущать под каменным сводом легкое дуновение ветра. В старину, конечно, у этой башенки (еще одна такая сохранилась на южном бастияне) назначение было более прозаическим: отсюда дозорные нередко сообщали о приближении неприятеля. И тотчас замок превращался в растревоженный улей.

С историей создания замкового дворца связано имя еще одного известного архитектора, уже знакомого нам — Доменика Мерлини. Видимо, реализация проекта Иттара не совсем устроила владельцев. И Мерлини снова реконструирует дворец, на этот раз главным образом его планировку, ядром которой стал двухсветный, круглый в плане колонный зал, перекрытый куполом, великолеп-но украшенный. Здесь Любомирские стали устраивать

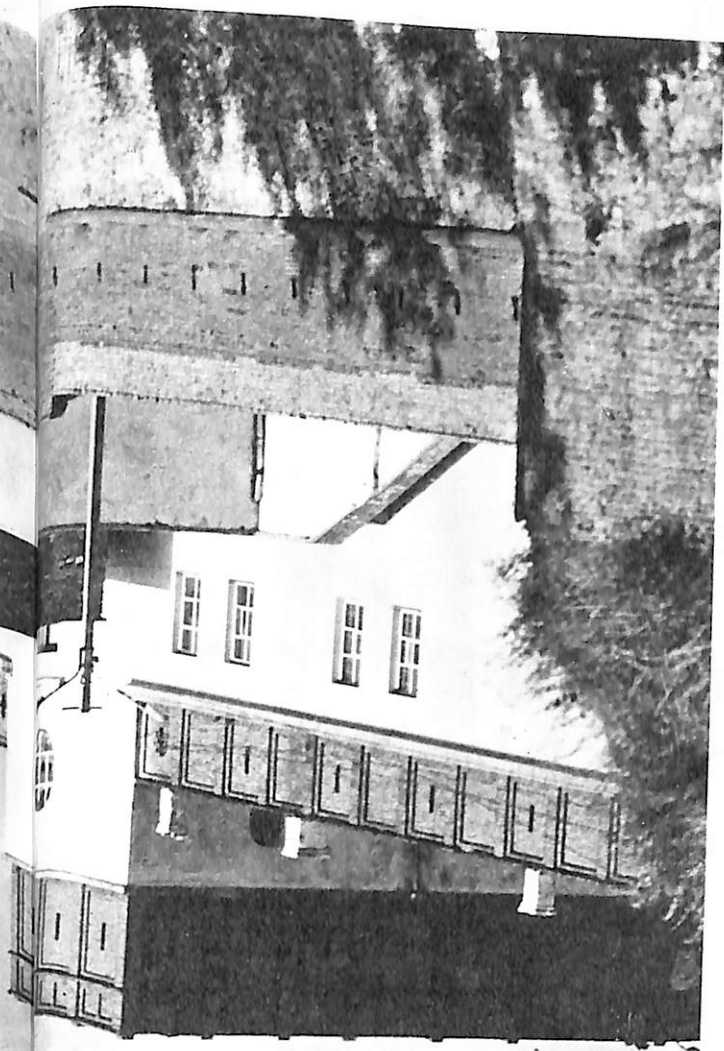
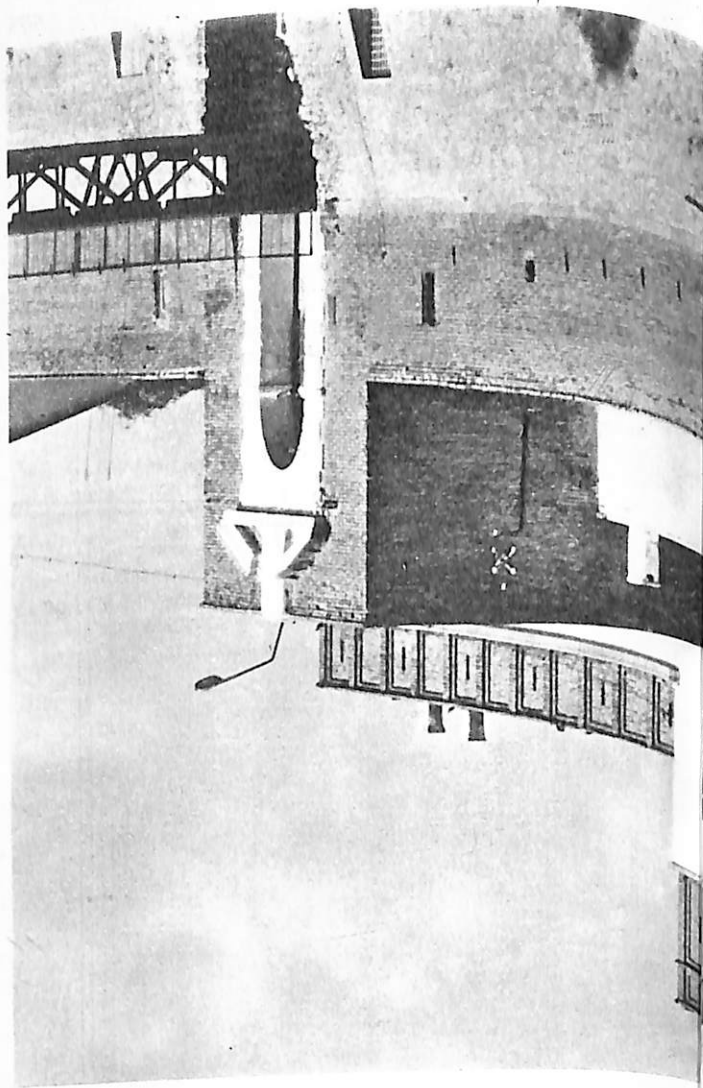

*Дубно. Замок.
XV—XVIII вв.
Северная дозорная
башня*

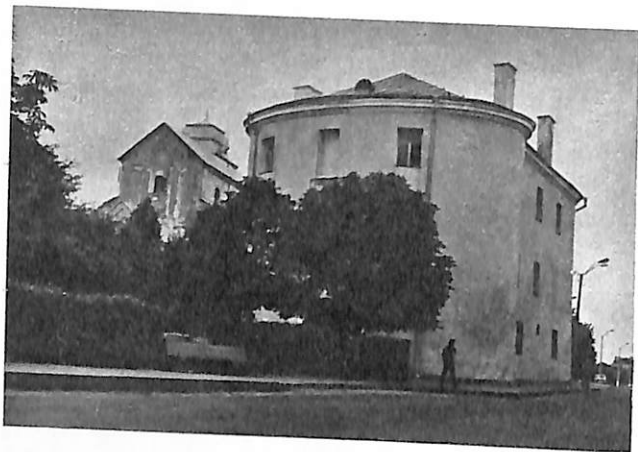
*Дубно. Замок.
XV—XVIII вв.
Вид с севера*

←

пиршества, балы, приемы для многочисленных гостей, прибывавших на контракты. В конце XIX столетия зал был переоборудован в домовую церковь, а военные действия 1914 года привели его к сильному разрушению. В ходе последующих ремонтно-восстановительных работ в здании были устроены плоские перекрытия, и колонный зал как таковой перестал существовать. Лишь маленькая ниша в западной стене большого помещения на первом этаже напоминает о его былом убранстве. Впрочем, из прежних украшений дворцовых интерьеров чудом сохранились лепные гербы Острожских и Любомирских в аванвестибюле на первом этаже и очень изящно выполненный барельефный фриз в большом связанном помещении, когда-то непосредственно связанном с колонным залом и служившим, видимо, для многих голубых застолий. По верху всех его четырех стен соединились в легком, беззаботном хороводе юные вак-

Дубно. Замок.
Привратный корпус
с въездной башней.
XV—XVI вв.

Дубно. Луцкая
надвратная башня.
XV—XVI вв.

←
ханки, поддерживающие гирлянды виноградной лозы и обвивающие ими гермы с изображением своего божества — Вахха. Когда созерцаешь эту беспечную круговерть, невольно приходят на память словно для этого места сложенные строфы Н. М. Языкова:

«Подобно лону гневных вод
Пир волновался громогласный
И любознательный народ
Смотрел с улыбкой сладострастной
Как Бахус потчевал прекрасной
Свой разгулявшийся приход»⁷⁴.

Главный въезд на территорию замка обрамляет величественный ренессансный портал привратного корпуса, сложенный из крупных блоков светлого песчаника. По существу, это единственный фрагмент старого замка Острожских, более или менее сохранивший свой перво-

начальный облик. Остальные его части, в том числе и сама надвратная башня, неоднократно перестраивались, последний раз — в 30-е годы текущего столетия (арх. Новак). При подготовке к этим реставрационным работам в нижнем ярусе корпуса были обнаружены фрагменты стен из камня, предположительно отнесенные исследователями к XV веку⁷⁵.

В юго-восточной части замка находится еще одна значительная постройка — дворцовый флигель. Нынешний вид он получил, когда его второй этаж был надстроен на более древних стенах одновременно с перестройкой дворца в 80-е годы XVIII столетия.

Прямо по фронту перед замком, чуть южнее от оси его главного входа, находится довольно обширная городская площадь. Ее пространственная чрезмерность для данного городского окружения находит объяснение в том, что изначально в ее западной части, там, где сейчас разбит небольшой сквер, располагалась довольно значительное здание городской ратуши с внутренним двором и многочисленными пристройками торговых лавок. Утерю этой постройки не могло компенсировать классицистическое сооружение (ныне Дворец пионеров), возведенное в конце XIX века почти на этом же месте. Несмотря на некоторые современные здания, площадь очень интересна своей рядовой периметральной застройкой, доносящей до нас явственно уловимый дух дубенской старины. Несколько расположенных здесь каменных домов датируются XVIII веком.

В западной части Дубно, где когда-то был единственный «сухой» доступ к городу, князь К. И. Острожский в конце XV — начале XVI века возводит мощную надвратную башню со сквозным проездом, получившую название — Луцкой брамы (ул. Октябрьская, 68). Это сооружение было главным опорным пунктом на западном оборонительном рубеже города, в него входили также высокий земляной вал и глубокий ров, через который к бреме вел подъемный мост. По своему объему на одну Луцкая брама очень близка уже знакомым нам однотипным острожским памятникам — как одноименной Луцкой, так и Татарской. Однако в отличие от разнородственной ее облик пострадал не столько от разрушительного времени, сколько от грубо проведенной перестройки в 1785 году, когда были заложены арки проезда, растесаны бойницы, а на трех ярусах устроены обычные помещения. Из-за этих бесцеремонных транс-

формаций мощное оборонительное сооружение превратилось в маловыразительную постройку, отличающуюся от прочих только разве что невероятно толстыми (до 2-х м) стенами и необычной формой плана с овальным уширением западной части. Примерно тогда же началась раскопка земляного вала, вплотную примыкавшего к башне с обеих сторон (здесь существенное отличие от острожских укреплений). Дорога, ведущая в город, была устроена вдоль южной стены башни. В уже перестроенной башне проводились тайные заседания дубенской масонской ложи.

По соседству с Луцкой брамой расположена еще одна архитектурная достопримечательность Дубно — комплекс построек бывшего бернардинского монастыря, состоящий сегодня из двух дошедших до нашего времени зданий: еще не потерявшего сурового величия монастырского костела и сложного в плане корпуса монашеских келий. Своему появлению монастырь обязан князю Янушу Острожскому, который, приняв католичество, насаждал латинскую веру в крае и не жалел средств на строительство новых монастырей и костелов. Место для монастыря, начатого строительством в 1620 году, было выбрано не без учета нужд обороны города. Монастырские стены могли взять на себя в случае нападения защиту северного участка перешейка. А высокая монастырская колокольня, еще и сегодня хорошо заметная с больших расстояний от города, служила прекрасным местом для несения дозорной вахты.

Сам костел — это довольно обычная для той поры шестистолпная раннебарочная базилика с тремя разно-высокими нефами: более низкими боковыми и высоким центральным с окнами, расположенными выше покрытый боковых нефов. С запада устроен просторный нартекс, с востока — сильно вытянутый в плане объем пятигранной апсиды, равной по высоте боковым нефам. В месте примыкания апсиды к основному объему костела с северной стороны вплотную пристроена высокая, квадратная в плане башня-колокольня. Благодаря венчанию выразительной барочной главой с активными турами обводами и небольшими люкарнами она сильно оживляет суховатые массы костела, являясь бесспорным художественным акцентом. В 1854 году царское правительство конфисковало костел для обращения его в православный собор из-за отказа князя Любомирского построить новую церковь вместо обветшавшей Ни-

*Дубно.
Бернардинский костел.
Первая половина XVII в.
Фрагмент
западного фасада*

колаевской (не сохранилась). В следующем году собор, переименованный в Николаевский, был освящен. Когда же весной 1875 года начались работы по перестройке монастыря, серьезной переделке было подвергнуто покрытие самого храма и колокольни. На крыше были появились пять ложных деревянных глав, завершение помещена над притвором, а барочное завершение колокольни заменено четырехскатным пирамидальным шатром⁷⁶. Первоначальный облик отчасти был возвращен костелу в 1930-е годы, однако уже без той утонченной барочной детализировки, которая, украшая храм, делала его образ более живописным и мягким.

Двухэтажные монашеские кельи, расположенные к востоку от костела и до перестройки 1875 года соединявшиеся с ним, сохранились намного хуже, утратив почти полностью свою внешнюю и внутреннюю структуру. Кое-где, правда, еще можно увидеть древние кресто-

Дубно.
Спасо-Преображенская
церковь.
Первая половина XVII в.

вые своды (не случайно все-таки этот тип свода часто называют монастырским).

В конце ул. И. Франко, берущей начало вблизи бернардинского монастыря и круто спускающейся к долине Иквы, на невысоком холмике в тени ясеней и кленов открывается на первый взгляд ничем особенным не выделяющаяся культовая постройка — Спасо-Преображенская церковь. Сегодня к ней можно подойти по сути, и даже трудно представить, что еще в прошлом веке она вместе с монастырем возвышалась на острове, окруженном со всех сторон водами обширного Сурмичского пруда. Князя Острожские, основавшие здесь в XV веке православный монастырь, не баловали особенно его деревья и не отличались благолепием. После принятия унии в 1631 году монастырь становится базилианским и, получив дополнительные привилегии, а с ними и но-

вые доходы, в 1643 году⁷⁷ строит вместо деревянной новую каменную церковь. В инвентаре 1731 года отмечено также наличие к югу от храма каменных келий, «в них окна в олово оправлены»⁷⁸. В 1833 году церковь была обращена в приходскую, а в 1839 году значительно перестроена в стиле все еще популярного классицизма. При этом стена западного фасада была увенчана треугольным фронтоном, под которым располагалась неглубокая ниша с полуциркульным верхом. Поле ниши разделено на две части декоративным антаблементом, визуально поддерживаемым двумя пилястрами по обе стороны главного входа. Сверху притвора была надстроена невысокая, квадратная в плане колокольня. Однако, несмотря на эти перестройки, Спасо-Преображенская церковь сохранила первоначальную структуру бесстолпного храма. Сохранена и отличительная особенность храма — большая, плавно круглящаяся апсида, внутри которой под углом 45 градусов к продольной оси храма устроены две симметричные полуциркульные в плане ниши-экседры, выступающие за внешнюю очерченность стены массивными пилонами прямоугольных очертаний. Островное положение храма на самой высокой точке холма с почти вплотную подходящими к нему контркосами вызвало необходимость устройства трех контрфорсов, которые вместе с объемами ниш — пилонов — создают на фоне гладких стен своеобразную игру света и тени. А совсем рядом течет по спрямленному, унылому руслу «укрощенная» мелиораторами Иква, не извинаясь больше бесконечной голубой лентой среди тесных берегов, не разливаясь зеркальной гладью пруда. Как видно, не всегда и не во всем мелиорация (от латинского — «улучшение») сообразуется со своим исконным смыслом и назначением.

Вернувшись к бернардинскому монастырю и пройдя по ул. Октябрьской (бывш. Широкая) в сторону центра метров двести, мы оказываемся у стен Ильинской церкви. Построена она в 1907 году на месте очень древней деревянной, к тому времени обветшавшей. Архитектурная стилистика нового храма целиком укладывается в канонические рамки неорусского стиля, официально прививавшегося во всех епархиях российской империи. Вместе с тем нельзя не признать за Ильинской церковью важной градостроительной роли вертикальной доминанты в силуэте города, обусловленной ее местоположением на одной из самых древних улиц города. Эти

Дубно.
Ильинская церковь.
1907

же градостроительные условия, по всей вероятности, определили и необычную для православных храмов ориентацию ее алтарной части на юг, чем была обеспечена возможность устройства главного входа непосредственно с улицы.

Вблизи северного въезда в Дубно на едва-едва заметном подъеме рельефа расположились П-образные в плане постройки бывшего монастыря нищенствующего ордена кармелиток (ул. Шевченко). К началу строительства здесь не было въезда в город, однако сильно выдававшаяся среди болот северная оконечность городской территории требовала укрепления на случай возможного нападения. Таким укреплением, видимо, и должен был стать кармелитский монастырь. Создавался комплекс на протяжении длительного времени. Сначала на средства Анастасии Чарнецкой был выстроен костел (1630), а корпус келий был пристроен к костелу

Дубно.
Монастырь кармелиток.
Корпус келий. 1686

позже, в 1686 году, на пожертвования местной княжны Теофилии Любомирской. Последовавшие в XIX и XX веках перестройки сильно изменили облик монастырско-костела, почти полностью лишив его внешней образности. Исчезли великолепный барочный фронтон и почти вся архитектурная детализировка на южном фасаде. Были заложены некоторые окна, заменено покрытие. И только план четырехстолпной постройки с тремя короткими нефами и прямоугольной апсидой отчетливо характеризует ее первоначальное назначение. В большей сохранности дошли до наших дней двухэтажные монашеские кельи, примыкающие с востока к боковому фасаду костела и образующие с его южным фасадом как бы единый парадный фронт. По этому фронту на всю высоту здание закрыто очень удачно спрорпорционированной аркадой. Ось главного входа в кельи подчеркнута двукратным увеличением пролета средин-

Дубно.
Георгиевская церковь
на Сурмичах.
Начало XVIII в.

ной арки, а сам вход убран в изящную лепнину барочного портала. Прямо напротив келий — кирпичные кельи, сориентированные на пространство ул. Шевченко.

Если от монастыря кармелиток проложить к югу через весь город воображаемую ось, то у противоположной оконечности старого города эта ось выйдет к еще одной очень старой постройке — синагоге, расположенной по ул. ДОСААФ (бывш. Фулярская). Это массивное, центрическое в плане здание с кубическими формами основного объема обычно датируется исследователями XVI веком. Несомненно, однако, что ее нынешний вид — результат гораздо более поздних перестроек, обновлений и ремонтов, в том числе имевших место после сильных разрушений во время первой мировой войны, когда она осталась совсем без покрытия.

К старому городу со стороны Острога примыкает участок, бывший когда-то предместьем Сурмичи. Необыч-

ное свое название оно якобы получило от селившихся здесь цыган, любивших поиграть на сурмах⁷⁹. Здесь, на ул. Садовой, находится один из лучших памятников волынского деревянного зодчества — Георгиевская церковь, датируемая по одним источникам 1700-м по другим — 1709 годом. По своей объемно-пространственной композиции это обычный для Волыни трехсрубный храм с более вместительным, квадратным в плане средним срубом. Над четвериком среднего сруба устроен высокий восьмерик, который поддерживает среднюю главу, увенчанную восьмигранным световым фонариком, завершающим ритмику вертикальных членений. Бабинец и алтарный сруб в свою очередь увенчаны декоративными восьмигранными куполами, однако посажены они непосредственно на верхи срубов. По общему построению объемов Георгиевская церковь не единственная из сохранившихся подобного типа (близка ей, например, Михайловская в Великом Житине). Но именно в ней этот внешне простой тип деревянного храма доведен до отточенного в целом и деталях совершенства, когда действительно нельзя ничего ни добавить, ни убавить без риска нарушить гармонию. Явно слабее в эстетическом отношении стоящая неподалеку деревянная двухъярусная колокольня, что и понятно: строилась она гораздо позже (1869), в других социальных условиях, другими мастерами, с иными профессиональными взглядами.

Небезынтересно для осмотра и внутреннее пространство Георгиевской церкви, оформление интерьера которой вобрало типические черты, присущие деревянным волынским церквам, и в то же время неповторимое в конкретных художественных проявлениях. Передняя, западная часть церкви — бабинец — соединена с главным нефом высоким арочным проемом, по бокам которого устроены резные полуколонки. Неяркое, почти сумрачное освещение в бабинце осязаемо усиливается в среднем срубе благодаря дополнительному световому потоку, льющемуся сквозь барабан центральной главы. Верхний свет и характер конструктивного решения покрытия восьмерика в виде перспективно убывающего по вертикали шатра активно содействуют высотному раскрытию нефа, создают иллюзию повышения, в общем-то, скромного по размерам помещения и тем самым рождают у зрителя настроение покойной торжественности, праздничности. Во внутреннем декоративном уб-

ранстве бесспорно ведущим аккордом «звучит» богатой резьбы четырехъярусный позднебарочный иконостас, добротнo сработанный в давние времена народными мастерами, — вполне самостоятельное, целостное художественное произведение. По канонической традиции средоточием выразительных средств, композиционным ядром тектонической структуры всего иконостаса являются великолепные царские врата, выполненные в технике сквозной резьбы по дереву с использованием мотива сильно стилизованной виноградной лозы. В верхней части врат два резных полуфигурных образа из сцены Благовещения (архангел Гавриил и дева Мария), в средней и нижней представлены лики четырех евангелистов: Матфея, Марка, Луки, Иоанна. А увенчаны врата двумя симметрично расположенными фигурками лебедей, удачно гармонирующими и по масштабу, и по рисунку с остальными частями. Этот мотив, редко встречающийся в оформлении царских врат, восходит, по всей видимости, к художественным традициям бытового, мирского фольклора. Среди произведений иконописи привлекает внимание довольно крупная икона Христа Вседержителя в серебряном окладе, датируемая XVIII веком.

Знакомясь с архитектурным наследием Дубно, нельзя, разумеется, не обратить внимания, что в городе сохранились не только отдельные памятники — церкви, костелы, кляшторы и т. п. В старом городе местами еще можно увидеть и целые городские фрагменты его исторической застройки, не столь уникальные сами по себе, но в совокупности являющие несомненную градостроительную ценность. Еще не исчез обвод старой рыночной площади с разноликими фасадами выходящих к ней домов. Неодиначные вкрапления жилых построек XVIII — XIX веков можно встретить по ул. ДОСААФ, Октябрьской, Энгельса, Шевченко и др. И хотя дыхание современности в городе ощущается очень настойчиво и властно, исторический Дубно, к счастью, еще продолжает оставаться самобытной материальной частицей нашего далекого прошлого.

Из множества дорог, разбегающихся от Дубно в разные стороны, для продолжения нашего путешествия выберем ту, которая ведет в Млинов через небольшие села Хорупань, Сморгду, Береги. Проезжая по ней, можно особенно явственно ощутить призрачность картографии, превращающей села и города в маленькие кружоч-

*Сморгда.
Рождественская церковь.
1787*

ки. Только-только миновали вытянувшуюся змеей Хорупань, как через метров сто у правой обочины уже видна табличка: «Сморгда». Осталась позади Сморгда, а через несколько минут въезжаем в Береги.

В Сморгде издали заметны главы каменной Рождественской церкви, возведенной в 1787 году. Строилась она, скорее всего, как костел, о чем явственно говорит ее объемное построение с выраженной продольной осью, треугольным фронтоном (очевидно, уже сильно искаженным) и двумя фланкирующими его небольшими башенками. Три деревянные главки на коньке двускатной крыши — позднейшие надстройки, имевшие целью придать храму «православный» вид. Славилась когда-то Сморгда и своим дворцом, построенным на месте древнего замка по проекту известного архитектора, выходеца из Италии Г. Маркони. Сегодня лишь старожилы могут указать его примерное местоположение.

Млинов. Пруд

Вот и Млинов — небольшой, аккуратно застроенный и заботливо ухоженный районный центр, поселок городского типа. Он очень древен. На северной околице поселка обнаружены следы древнерусского города Муравьицы, который упоминался в летописи под 1149 годом. Однако так уж сложилась судьба Млинова, что не смог он подняться до ранга города и долго оставался небольшой весью, которая с 1566 года принадлежала Ходкевичам. В 1775 году здесь насчитывался всего сорок один «дым» (так, по признаку семейного очага, велся в старину статистический учет заселения и хозяйственного освоения местности). И все же именно здесь, на красивых прибрежных холмах спокойной Иквы, владельцы Млинова облюбовали место для строительства крупного дворцового ансамбля, начало которому было положено в 1780 году. Для разработки проекта был приглашен придворный архитектор Станислава-Августа Е. Шре-

*Млинов.
Усадьба Ходкевичей.
Жилой флигель. 1780.
Арх. Е. Шрегер*

гер (1727–1783) — заметный представитель тогда еще только-только нарождавшегося и входившего в моду классицизма.

Участок для разбивки дворцового ансамбля был выбран очень удачно — на небольшом возвышении левого берега Иквы, как раз напротив правобережного центра села, для связи с которым была устроена дамба, удерживающая к тому же воды огромного пруда. Для обогащения природного рельефа перпендикулярно реке был дополнительно устроен канал, огибавший своим концом участок с запада и образовавший второй пруд. Для подъема воды в нем ближе к реке также был насыпан небольшой перешеек.

Главное двухэтажное здание дворца с величественным шестиколонным портиком ориентировалось на воды Иквы и было хорошо заметно с противоположного берега, где располагались рыночная площадь, костел,

*Млинов.
Усадьба Ходкевичей.
Баня. Конец XVIII в.*

церковь, крестьянские хаты. Эта главная постройка сильно пострадала еще в первую мировую войну и в конце концов была разобрана, а на ее фундаментах в 60-е годы нашего столетия возведено новое здание зооветеринарного техникума, по своей архитектуре не имеющее ничего общего с предшественником. Всего же из полутора десятка различных строений, входивших первоначально в усадебный ансамбль, сохранились в удовлетворительном состоянии лишь три: недавно отреставрированный двухэтажный жилой флигель, летняя столовая с кухней и, наконец, баня на берегу внутреннего пруда.

Здание жилого флигеля, несмотря на его скромные размеры, производит довольно сильное впечатление изысканностью пропорций и чистотой архитектурных форм — свидетельство незаурядного мастерства архитектора. По исходному замыслу, очевидно, этот жилой

*Млинов.
Покровская церковь.
1836—1840*

флигель должен был «держать» второстепенную композиционную ось, шедшую под прямым углом к главной оси ансамбля, на которой располагался сам дворец. Поэтому оба фасада флигеля четко акцентированы: с юга — выступающим ризалитом, с севера — четырехколонным портиком ионического ордера. Эти различия в композиции фасадов подчеркиваются частым расположением на северном фасаде пилястр того же ионического ордера, тогда как на южной стороне здания они отсутствуют. Подобное противопоставление, несомненно, задумано архитектором с целью пространственным соподчинения этой отдельной постройки остальным элементам усадебного ансамбля. Удачно дополняют основные членения архитектурные детали: треугольные сандрики над окнами первого этажа, наличники, четкие горизонтальные тяги венчающего карниза с зубчиками (сухариками), рустика, выделяющая внешние углы ри-

залита. Можно обратить внимание и на еще одну декоративную, а точнее, геральдическую деталь — лепной фамильный герб на фронте ризалита. В целом же по своим архитектурным достоинствам флигель млиновской усадьбы, бесспорно, может быть отнесен к лучшим образцам раннего классицизма на Украине.

Южнее флигеля, ближе к подъездной дороге, расположена небольшая каменная постройка летней столовой с кухней. Особенно изящна ее зальная часть в виде невысокой полуротонды, примыкающей к вспомогательным помещениям. Как снаружи, так и внутри ее сохранилась декоративная лепнина тонкой, со вкусом исполненной работы.

Напротив флигеля, у самой кромки внутреннего пруда, приютилась баня, рядом с которой в летнее время устраивалась купальня с помостом. Это небольшое строение, уже давно не ремонтируемое, примечательно своим необычным парапетом с рядом отверстий наподобие бойниц и зубчатым завершением, вероятно, достроенным уже в конце XIX века. Вся постройка очень эффектно прочитывается с противоположного берега, удивительно живописно сочетаясь со спокойной водной гладью пруда, с бутонами кувшинок и зарослями камыша, стекающими потоком кронами прибрежного ивняка.

Не будет преувеличением сказать, что в немалой степени буйной растительности и рукотворному ландшафту обязан усадебный ансамбль своим уютом и притягательностью. Красота природы и архитектурное совершенство оказались в данном случае двумя слагаемыми удивительного памятника усадебно-паркового искусства. Это сильно ощущаешь даже сегодня, когда многие его фрагменты безвозвратно утрачены.

Кроме усадебных построек по проекту Е. Шрегера в Млинове был возведен костел, до наших дней не сохранившийся (разобран в 60-е гг. текущего столетия).

Впереди зеленого сквера у широкой центральной площади, где когда-то размещалась рыночная площадь, находится Покровская церковь с колокольной (ул. Ватутина). Начало ее строительству было положено в 1836 году, после того как российское правительство потребовало от Ходкевичей либо передать местный костел под церковь, либо построить новый православный храм. К 1840 году ампириная церковь была построена и освящена в честь Александра Невского, в XX веке переосвящена как Покровская. Кирпичный храм этот имеет четко выра-

женную центрическую композицию с крестовым планом с равновеликими ветвями. На западном фасаде главный вход акцентирован четырехколонным портиком с сильно сужающимися кверху стволami колонн, лишенными баз. Центральный, несколько приподнятый объем церкви венчает огромный купол с крупным «яблоком» наверху. Под куполом расположен крестовый свод.

В западном углу церковной территории, примыкая к кирпичной ограде, стоит двухъярусная кирпичная колокольня с барочной грушевидной главой. Любопытно тем, что нижний ярус составляет восьмерик, верхний — четверик, что и определяет ее как четверик на восьмерике. Случай из разряда курьезных, ибо данное решение является «перевертышем» традиционного, логически устоявшегося восьмерика на четверике. Логическое объяснение этой загадки вряд ли возможно. Скорее, это даже не загадка, а следствие, один из симптомов начавшегося в XIX веке отхода от писанных законов вековых архитектурных традиций.

6. „Казацкие могилы“

«Ой чого ти почорніло,
Зелене поле?»
«Почорніло я од крові
За вольную волю.
Круг містечка Берестечка
На чотири милі
Мене слави заporожці
Своїм трупом вкрили...»

Т. Шевченко

После Млинова с его чарующим парковым ансамблем, привольно раскинувшимся над голубыми водами красавицы Иквы, начинается последний отрезок нашего путешествия. Несколько плавных изгибов шоссе, и дорога выравнивается, стремительно уходя в юго-западном направлении. В тридцати шести километрах от Млинова находится Государственный музей-заповедник «Казацкие могилы» — место исторического сражения украинского крестьянско-казацкого войска с польско-шляхетскими отрядами, известное в истории как битва под Берестечком 1651 года. Это конечная цель нашего маршрута.

Пятнадцать минут небыстрой езды, позади остается современное село Бокийма, и впереди открывается панорама Демидовки — поселка, раскинувшегося по обе стороны небольшой речушки с необычным названием Речь. Демидов — так называют это селение первое письменное упоминание о нем от 1570 года — имел укрепленный замок. Еще и теперь местность, где он был расположен, сохранила оплывшие валы, а здешние жители называют ее «замчиско».

С севера к Демидовке вплотную примыкает село с красивым названием — Дубляны. Видимо, некогда славилась в округе местные дубовые рощи. За многие километры перед Демидовкой и от самой Демидовки хорошо просматривается силуэт внушительного пятиглавия дублянской Николаевской церкви, построенной в 1849 году.

Мощные граненые купола луковичного очертания, характерные для неорусского стиля середины XIX века, легко парят над тугими шапками деревьев, как бы связывая в один узел волнистые линии окрестного пейзажа. Архитектурные членения храма выдержаны в традиционном для того времени характере — массивный, почти кубический объем, имеющий крестово-центрический тип завершения, завершающийся пятью крупными главами на вступе, завершающийся пятью крупными главами на вступе, завершающийся пятью крупными главами на вступе, завершающийся пятью крупными главами на вступе. Вместо традиционных восьмигранных барабанах. Вместо традиционных закомар — горизонтальные тяги карниза, увенчанные ложной балюстрадой.

Из Демидовки рукой подать до Берестечка. Однако свернем прежде вправо и посетим Боремель — древнее село, известное еще с середины XIV столетия. Огромной дугой вытянулось оно вдоль левого обрывистого берега Хрениковского водохранилища в пойме реки Стырь. Отсюда с кромки высоких обрывов открываются взору волнистые пахотные дали, кое-где подернутые зелеными островками сосновых боров и дубовых рощ. Как и многие села края, в прошлом Боремель часто оказывался жертвой татарских набегов. В самом центре села, у главной улицы, обращает на себя внимание небольшой холм, на котором установлена плита с трудно различимой надписью: «Курган-могила насыпано в конце XV ст. над телами 300 девушек, что погибли здесь, освобождаясь из татарского плена». Чуть поодаль — еще один небольшой курган, по преданию — мужское захоронение.

Единственная архитектурная достопримечательность Боремели сегодня — это деревянная Георгиевская церковь 1777 года. Удачно расположенная на вершине одного из прибрежных холмов, она уже издали, с правого берега Стыри, привлекает своей строгой простотой, лаконичным и очень выразительным объемом, равносильными тремя срубами. К западному срубу по продольной оси примыкают небольшие сени, какие часто пристраивались к церквям в XIX столетии. Над центральной частью сруба возвышается купол под куполом поныне, несколько расширенным срубом типа церквей-мещен довольно высокий для волынского типа и северных восьмерик барабана с двумя окнами с южной и восточной стороны, который венчает барочная глава, столь характерная для украинского зодчества XVII—XVIII веков. С запада, строго по оси входа, буквально в нескольких метрах расположилась небольшая по высоте, почти миниатюрная двухъярусная колокольня на квадрат-

*Боржомель.
Георгиевская церковь.
1777*

ном основании, первоначальный вид которой существенно трансформирован позднейшей пристройкой.

На центральной площади современного Боржомеля в окружении тополей, лип и каштанов — мемориал павшим в Великой Отечественной войне и тем, кто отдал жизнь уже после Победы в операциях по ликвидации прятавшихся в схронах (тайных укрытиях) банд украинских буржуазных националистов. В центре мемориала — строгая вертикаль каменной стелы с именами бойцов, рядом — отлитая в бронзе коленопреклоненная фигура молодой женщины, возлагающей на каменные плиты цветы — вечный символ жизни и благодарности.

В пятнадцати километрах от Демидовки, совсем немного не доезжая до Берестечка, на берегу небольшой речки Пляшовки, среди лугов и пашен виднеются невысокие холмы. На одном из них из-за верхушек деревьев заметны остроконечные маковки. Это и есть Государственный

*Боржомель.
Воинский мемориал.
Автор В. Савчук*

музей-заповедник «Казацкие могилы», а вся довольно обширная территория вокруг, все еще хранящая тайны давно минувшей битвы, объявлена памятником археологии. По соседству — обычное украинское село Пляшелова, на околице которого в далеком 1651 году произошло одно из крупнейших сражений освободительной войны под началом Богдана Хмельницкого⁸⁰.

Краткая предыстория сражения такова. В конце 1647 — начале 1648 года Богдан Хмельницкий, подняв восстание в Запорожской сечи, разгромил находившихся там польских жолнеров (солдат королевского войска) и выборным гетманом возглавил реестровых казаков⁸¹. После нескольких сокрушительных поражений польский король Ян Казимир вынужден был подписать в 1649 году Зборовский договор. Однако его половинчатые условия мало устраивали широкие народные массы Украины. Не собиравшись их придержать и Речь Посполитая.

Теща себя надеждой вернуть былое господство на украинских землях, шляхта первой нарушила зборовские условия, когда в январе 1651 года постановила на сейме начать войну, разрешив королю увеличить количество наемного войска до пятидесяти одной тысячи, и создать посполитое рушение (народное ополчение). В мае 1651 года в Сокале, на севере нынешней Львовской области, Ян Казимир начал собирать под своими флагами пестрое войско, готовясь к небывалому сражению. По некоторым сведениям, в сокальском лагере насчитывалось около 240 тысяч человек. В это время Б. Хмельницкий с верными ему полками стоял под селом Колодное, близ Вишневецца (ныне Тернопольская область), где ожидал пополнения и скорого подхода своего союзника, крымского хана Ислам-Гирея III, шедшего с 28 тысячами орды. Численность самих казаков и примкнувшего к ним крестьянства составляла, по разным сведениям, 140—200 тысяч человек.

15 мая король во главе своей армии двинулся навстречу казакам под Берестечко. Польские войска переправились через Стырь, и на правом ее берегу в удобном для обороны месте был устроен королевский лагерь. 29 июня казаки вместе с татарами приблизились к нему и сразу атаковали передовые позиции неприятеля. Уже первая скоротечная стычка посеяла страх в рядах «посполитого рушения» и наемного войска. Только одних шляхтичей погибло в тот день 300 человек.

Главные события развернулись 30 июня. Ранним туманным утром войска обеих сторон изготовились к решающей схватке. В напряженном противостоянии прошел почти весь день. Лишь к четвертому часу дня И. Вишневецкий во главе двадцати двух полков атаковал казачий лагерь, но казаки с помощью татар отогнали польскую конницу и сами перешли в контратаку. После этой неудачи король приказал перенести направление атак на татар. После меткого пушечного обстрела ханского шатра хан и с ним вся орда обратились в бегство. Б. Хмельницкий, совсем не ожидавший такого поворота событий, поспешил за ханом, намереваясь вернуть татарское войско к месту сражения. Однако напуганный Ислам-Гирей III пленил гетмана и продолжил быстрое отступление к Крыму уже вместе с пленником, тем самым лишив казачье войско военачальника в самый критический момент. Позже Хмельницкий говорил, что «крымский царь большое дурно учинил: пришел на место, по-

мощи не учинил, а на чем присягал, во все зрадил, и его, гетмана, взяв от казачьего обоза, отвез в дальние места и к войску не отпустил неведомо для чего, и держал у себя с неделю»⁸². Тем временем Ян Казимир обложил со всех сторон казачий лагерь, защищенный с тыла болатистой поймой реки Пляшовки.

Позиционная борьба, сопровождавшаяся смелыми вылазками казаков, продолжалась несколько дней. 9 июля казаки наконец выбрали наказным гетманом И. Богуна, который немедленно созвал Раду для обсуждения выхода из окружения. Было решено с тыла перебраться на правый берег реки, разорвать кольцо окружения и таким образом подготовить свободный проход из обложенного лагеря. Темной ночью из телег, шатров, войлоков перепостроили три узких моста, и к утру началась переправа конницы под началом И. Богуна. Однако основная масса крестьянско-казачьего войска, не знаящая ничего о намерениях своего гетмана, расценила выход конницы за пределы лагеря как попытку к бегству. Началось волнение, все бросилось к мостам, стремясь поскорее перебраться на другой берег. Стоявший там отряд поляков спешно регировался. Путь был открыт. Не сразу оценив ситуацию, шляхетское войско лишь через несколько часов ворвалось в уже полупустой лагерь, жестоко расправляясь с оставшимися и преследуя казаков на нескольких переправах. Один казачий отряд из трехсот воинов оказался на небольшом островке, окруженном со всех сторон болотами. Лишь с большими потерями превосходящие силы врага одолели сопротивление храбрых казаков. Но и поодиночке мужественные казаки среди непроходимых топей продолжали стойко сражаться. Неслыханный подвиг одного из них описал немецкий хроникер И.-Г. Шледер в своем повествовании «Театр Европы»⁸³, удивляясь, как один казак «противодействовал всей польской армии». Вскочив в рыбацкую лодку, вал выплыл на середину небольшого озера и в течение нескольких часов отстреливался от врагов, пока не остыл порох. Не один шляхтич нашел свой конец от острой косы бесстрашного казака, пытаясь подобраться к нему поближе. Прослышав о беспремерном геройстве, к озеру прибыл Ян Казимир. Он пообещал, что подарит казачу жизнь, если тот сложит оружие. Казак гордо возразил, что желает не только жить, но и умереть как храбрый воин. В конце концов одному из немецких наемников удалось приблизиться к лодке и пронзить копьём изра-

ненного героя. В преданиях и пересказах народная память донесла до нас имя этого легендарного казака. Звали его Иван Нечай.

Неудачный для крестьянско-казацкой армии исход сражения под Берестечком все же не позволил польской шляхте поставить на колени украинский народ. Уже через два месяца В. Хмельницкому удалось вновь собрать многочисленную армию, с которой Ян Казимир не отважился вступить в открытый бой.

Путешественник, подвезжая сегодня к музею-заповеднику, не увидит вокруг дремучих лесов, непроходимых болот и топей. Триста с лишним лет — немалый срок для того, чтобы преобразились ландшафты, бесследно растворились следы лагерных укреплений, неизменно изменился облик сел, пролегли новые дороги и тропы. Еще в прошлом веке крестьяне, распахивая осушенные болота, обнаруживали большое число останков погибших казаков, простреленные черепа, разрубленные костяки, проржавевшее оружие. Эти свидетельства героического прошлого бережно сносились на небольшой островок, где предавались земле. Так со временем за островом Журавлиха закрепилось второе название — «Казацкие могилы». Начало создания здесь мемориального комплекса относится к первому десятилетию XX века, когда настоянием общественности было принято решение об увековечении памяти берестечского сражения строительством храма-памятника. В 1967 году здесь открыта экспозиция Государственного музея-заповедника «Казацкие могилы», ставшего одним из самых посещаемых туристских объектов на Ровенщине.

Планировка музейной территории на плато холма сохранила основные характеристики первоначального замысла. У восточной его окраины разместились храм-памятник, перед западным фасадом которого открывается довольно большая лужайка, слегка понижающаяся к северо-западу. Вся эта обширная площадка предназначена для совершения заупокойных служб перед множеством народа, стекавшегося сюда в поминальные дни. Алтарем должен был служить сам храм-памятник с внешним иконостасом и образом Спаса на фронте.

Проект храма-памятника, архитектурной доминанты музейного комплекса, в 1908 году выполнил В. Н. Максимов, помощник А. В. Щусева, в то время еще студент архитектурного отделения Высшего художественного училища при Петербургской Академии художеств. Стро-

*Пляшева. Храм-памятник
на «Казацких могилах».
1910—1914.
Арх. В. Н. Максимов*

ительными работами руководил профессор В. Г. Леонтович, отмечавший впоследствии большой, незаслуженно забытый талант молодого архитектора.

Уникальна объемно-пространственная композиция храма-памятника, восходящая к традициям культового зодчества левобережной Украины XVII—XVIII веков и в то же время предельно самобытная. Основной объем, в котором силы вертикали и горизонтали как бы уравновешивают друг друга, скомпонован из пяти двухъярусных башен, плотно обступивших центральное пространство. И центральный, более высокий объем с восьмигранной башней, и внешние башни увенчаны восьмигранными маковками на криволинейных главах с остроконечными маковками на низких барабанах. С запада северная и южная башни значительно отнесены друг от друга и соединены массивной стеной в виде огромной арочной бранды, увенчанной двухъярусным барочным фронтоном с туго свиты-

*Пляшева. Михайловская
церковь. 1650*

ляющем большинстве памятников волынского деревянного зодчества, не сохранилась, уступив место кровельному железу. Однако по проекту реставрации в недалеком будущем предполагается восстановить кровлю из прежнего материала.

Во внутреннем убранстве Михайловской церкви хорошо сохранился двухъярусный иконостас, обращающий на себя внимание изящными резными царскими вратами, в основу орнаментального рисунка которых неизвестный мастер положил традиционный мотив виноградной лозы, выразительно стилизовав сочные, тугие листья и миниатюрные гроздья. Две иконы первого яруса сохранили липовые оклады с мягкой прорезью внешних атрибутов святых. После переноса на новое место Михайловская церковь была соединена с Пятницкой церковью храма-памятника подземным переходом. Вход в него расположен сразу перед иконостасом.

*Михайловская церковь.
1650. Фрагмент царских
врат*

Еще ниже, к западу от Михайловской церкви, расположен главный вход на территорию музея-заповедника — массивные кирпичные ворота с арочным проездом. С правой стороны к воротам примыкает четырехметровой высоты стена с контрфорсами и узкими щелями между венчающими стену зубцами. Плавные обводы верхней части брамы перекликаются с очертаниями главного фронтона храма-памятника.

В северной части холма расположилось небольшое двухэтажное здание музея, служившее когда-то архирейскими покоями. Здесь размещены скромная, но очень интересная экспозиция, где демонстрируются материальные свидетельства сражения. В основном это подлинные находки, обнаруженные в результате обширных археологических раскопок, ежегодно — начиная с 1970 года — ведущихся на месте казачьих переправ сотрудничеством Ровенского краеведческого музея под руководством

*Пляшева.
Ворота и ограда
«Казацких могил».
1910—1911*

доктора исторических наук, старшего научного сотрудника Института общественных наук АН УССР И. К. Свешникова. Благодаря удивительным консервирующим свойствам торфяников, в которых хорошо сохраняются не только металлические предметы, но и изделия из кожи, дерева, удалось выявить ранее неизвестные образцы вооружения и бытовых вещей, принадлежавших участникам сражения. Большинство из них не имеет аналогов ни в одном музее страны. Среди известная ранее исследователям лишь по старинным рисункам; боевые косы и серпы — наиболее распространенное оружие крестьян; различные ножи, кожаные сумки, деревянные пороховницы и многое другое. К редким памятникам украинского изобразительного искусства может быть отнесена экспонируемая в музее деревянная плакетка с карикатурным изображением неиз-

Казацкие кресты. 1651

вестного шляхтича. Экспонируются образцы оружейного искусства, мушкеты разных типов: короткие бандолеты, аркебузы, карабины. Приклады некоторых из них украшены незатейливым резным орнаментом. Здесь же скульптурные реконструкции портретов казаков, выполненные по черепам, найденным на переправах, антропологом Г. В. Лебединской.

Однако встреча с удивительным памятником украинской истории — «Казацкими могилами» многое утратит, если ограничить ее музейной территорией на Журавлихе, не прочувствовать особой атмосферы и «физиономии» близлежащего ландшафта. Сразу за алтарной частью храма-памятника, в правом углу холма, начинается узкая тропинка. Спустившись по ней к зеленому лугу, перейдя по узкому мостику через извивающуюся змеей Пляшовку, миновав затем околицу села Пляшева и пройдя еще около километра по лугам и перелескам, мы попа-

даем на новый холм, чуть побольше Журавлихи, поросший лесом. С запада протекает Пляшовка, с других сторон плавной дугой окружили его некогда болотистые, а ныне осушенные низины. На верхнем плато холма, в окружении молодых сосен можно заметить глубоко осевшие в землю каменные кресты с едва различимой на одном из них надписью на старославянском: «1651». Где-то здесь вели неравный смертельный бой триста храбрых казаков. А совсем рядом, среди пересохшего, но нераспаханного болота (памятник археологии) — чудом уцелевшее озерцо — «казацкая яма» — с крохотным пятном иссиня-черной воды. То самое озерцо, которое было свидетелем мужественного сопротивления легендарного Ивана Нечая. Невдалеке, как и сотни лет назад, торопливо несет по перекатам свои чистые воды Пляшовка, все еще полноводная и сильная.

Подошел к концу маршрут нашего путешествия по дороге южной Ровенщины. Далеко не все прекрасные места и архитектурные достопримечательности, встретившись нам на пути, автору удалось описать в этой книге. Остается надеяться, что читатель великодушно извинит возможные пробелы в изложении. Да и вряд ли что-либо интересное смогло укрыться от взора путешественника, настоящего ценителя старины. Как не смогли наверняка укрыться от его внимания не единичные факты равнодушного отношения к некоторым памятникам, в том числе упомянутым на страницах книги. Уже когда была завершена работа над рукописью, обрушилась без надзора и ухода деревянная колокольня в Городке, разобран за «неадаптивность» портик бывшего костела в Мизочке, облик Николаевской церкви в Корце искажен новым, случайным по форме покрытием колокольни. По-прежнему вызывают о помощи отдельные архитектурные памятники: не только бесхозные, но и эксплуатируемые нерадивыми арендаторами.

На этой, не совсем торжественной ноте нам и хотелось бы расстаться с читателем, с надеждой полагаясь на его сострадание и, если необходимо, деятельное соучастие в деле охраны и поддержки памятников отечественной культуры. Чтобы все бесценные сокровища, волею времени полученные нами в дар от прошлого, были унаследованы благодарной памятью потомков. Чтобы никогда не заросли дороги к прекрасному.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Майков А. Н. Избр. произв. М., 1977, с. 241.
- ² Цит. по: Крушинский Л. Исторический очерк Волыни. — Труды Волынского губернского статистического комитета. Вып. 1. Житомир, 1867, с. 71.
- ³ См.: Батюшков П. Н. Волынь. Исторические судьбы Юго-Западного края. Спб., 1888, с. 130.
- ⁴ Шевченко Т. Г. Твори в 5-ти т. Т. 4. К., 1985, с. 291—292.
- ⁵ См.: Щербакієський М. Архітектура у різних народів і на Україні. Львів — К., 1910, с. 236.
- ⁶ См.: Батюшков П. Н. Указ. соч., с. 281.
- ⁷ См.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1971, с. 243.
- ⁸ ПСРЛ, Ипатьевская летопись. Т. 2. Спб., 1908, с. 410.
- ⁹ ГПБ ОР, ф. 608, № 113, л. 3.
- ¹⁰ См.: Orda N. Album widoków gubernii Wołyńskiej... I serya. Warszawa, 1878.
- ¹¹ См.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1974, с. 396—397.
- ¹² См.: Друзья Пушкина: Переписка. Воспоминания. Дневники. Т. 2. М., 1986, с. 394.
- ¹³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти т., т. 3. М.—Л., 1950, с. 58.
- ¹⁴ См.: Завада В. Т. О происхождении шатра в деревянных храмах украинского Полесья. — «Архитектурное наследие», М., 1986, № 34, с. 134.
- ¹⁵ В буквальном переводе с украинского — Пруды. Видно, много когда-то было искусственных водоемов вдоль этой тихой, неприметной ныне речушки.
- ¹⁶ См.: Tatkiewicz W. Dominik Merlini. Warszawa, 1955. Авторство Д. Мерлини в отношении межиричского дворца ставит под сомнение М. Квятковский, приписывая эту постройку на основании косвенных свидетельств Ш. Б. Цугу, который на Волыни проектировал также дворец в Кустине (не сохранился) и костел в Невиркове (частью реализован). См.: Kwiatkowski M. Szymon Bogumił Zug, architekt polskiego oświecenia. Warszawa, 1971, s. 288.
- ¹⁷ Карамзин Н. М. Соч. в 2-х т., т. 2. Л., 1984, с. 361.
- ¹⁸ Там же, с. 362.
- ¹⁹ Подробнее см.: Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985.

- 20 ПСРЛ., т. 25. М., 1949, с. 13. Впрочем, как отмечает М. Н. Тихомиров, возник он значительно раньше и упоминался в Правде Ярославичей в связи с наложением Изяславом Ярославичем (ум. 1078) штрафа за убитого «старого» (старшего) конюха, «его же убили дорогобудыи» (см.: Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 324).
- 21 Памятники литературы Древней Руси XII в. М., 1980, с. 267.
- 22 См.: Фогинский О. Дорогобуж Волынский. — Труды общества исследователей Волыни. Т. 1. Житомир, 1902, с. 60.
- 23 Цит. по: Ровно 700 років. 1283—1983. Збірник документів і матеріалів. К., 1983, с. 16.
- 24 См.: «Ист. вестн.», 1917, т. СХУП, март, с. 719.
- 25 Ровно 700 років..., с. 18.
- 26 Толстой А. К. Соч. в 2-х т., т. 1. М., 1981, с. 359.
- 27 Stecki T. Z boru i stepu. Obrazy i pamiatki. Kraków, 1888, s. 33.
- 28 Короленко В. Г. Собр. соч. в 8-ми т., т. 2. М., 1953, с. 6.
- 29 Там же, с. 161.
- 30 Там же, с. 238.
- 31 ЦГИА УССР, ф. 442, с. 111, д. 76, л. 12 об.
- 32 ГАРО, ф. 366, оп. 1, д. 75, л. 1.
- 33 См.: Kraszewski J. I. Wspomnienia Wołynia, Polesia i Litwy. Т. 1. Wilno, 1840, s. 111.
- 34 См.: Стеллецкий В. Замок в Клевани. — «Военно-ист. вестн.». Киев, 1910, с. 27—29.
- 35 Там же, с. 33.
- 36 Некоторые авторы относят основание Острога к IX в. (см.: Воронин А. Записка о владельческих городах и местечках Юго-Западного края. Ч. 1. Киев, 1869, с. 58).
- 37 Цит. по: Теодорович Н. И. Историко-статистическое описание церквей и приходов Волынской епархии. Т. 2. Почаев, 1889, с. 641.
- 38 См.: Ковальский Н. П. Акт 1603 года раздела владений князей Острожских как исторический источник. — В кн.: Вопросы отечественной историографии и источниковедения. Вып. 2. Днепропетровск, 1975, с. 129.
- 39 См.: Годованюк Е. М. Замок в Остроге. Автореферат дисс. канд. архитектуры. Л., 1972, с. 7.
- 40 См.: Там же, с. 20.
- 41 См.: Немировский Е. Л. Иван Федоров. М., 1985, с. 156.
- 42 Там же, с. 162.

- 43 Цит. по: «Киевская старина», 1883, т. 7, дек. с. 695.
- 44 Цит. по: Немировский Е. Л. Указ. соч., с. 180.
- 45 Там же, с. 185.
- 46 Там же, с. 189.
- 47 Цит. по: Федоровские чтения 1981 г. М., 1985, с. 8.
- 48 Цит. по: Видашенко М. Б., Ісаевич Я. Д., Мацюк О. Я. Місцями Івана Федорова на Україні, Львів, 1982, с. 93—94.
- 49 Альберти Л.-Б. Десять книг о зодчестве. Т. 1. М., 1935, с. 121.
- 50 См.: Александрович В. Один із будівничих Острога. — «Жовтень», 1985, № 3, с. 134.
- 51 Цит. по: «Киевская старина», 1883, т. 7, ноябрь, с. 344.
- 52 ГПБ ОР, ф. 342, карт. матер., № 370.
- 53 См.: Tygodnik illustrowany, 1863, № 184, s. 132—133.
- 54 См.: Перлштейн А. Описание города Острога. М., 1847, с. 4. Более вероятно, что до XVI в. на этом месте существовала небольшая деревянная синагога, поскольку еврейское население Острога в ту пору было еще незначительным.
- 55 ЦГИАЛ, ф. 348, оп. 1, д. 6885, л. 54.
- 56 АЮЗР, ч. 3, т. 1. К., 1863, с. 101—105.
- 57 См.: Molehdzinski K. Klasztor pofranciskański w Międzyzeczcu Ostrogskim. Równe, 1935, s. 8.
- 58 См.: Годованюк Е. М. Два храма на Волыни. — «Архитектурное наследство». М., 1979, № 27, с. 86.
- 59 См.: Molehdzinski K. Op. cit., s. 19, 23.
- 60 ВГВ, 1866, № 48, с. 414.
- 61 ЦГИАЛ, ф. 201, оп. 46, д. 3093, л. 16.
- 62 См.: Батюшков П. Н. Указ. соч., с. 92 (илл.).
- 63 Цит. по: ВЕВ, 1873, № 8, с. 289.
- 64 Известно, что Мелетий Смотрицкий, добывавший поста настоятеля Дерманского монастыря, получил его, лишь согласившись принять унию, то есть в ознаменный период монастырь стал униатским (по этому поводу см.: Василенко Н. П. Очерки по истории Западной Руси и Украины. К., 1916, с. 82).
- 65 См.: Годованюк О. М. З досліджень Дерманського архітектурного комплексу. — Українське мистецтво. Вознавто. Вып. 6. К., 1974, с. 190—200.
- 66 RW, 1938, т. 7, с. 216.
- 67 Гоголь Н. В. Собр. соч. в 6-ти т., т. 2. М., 1949, с. 69.
- 68 Цит. по: Гербельский Г. Ю. Петро Перший в За-

- хідній Україні. Львів, 1948, с. 27.
- ⁶⁹ ЦГИАЛ, ф. 835, оп. 1, д. 1490, л. 1.
- ⁷⁰ См.: *Kraszewski J. I.* Op. cit. T. 2, s. 119.
- ⁷¹ ВГВ, 1866, № 44, с. 370.
- ⁷² ГПБ ОР, ф. 608, № 113, л. 16.
- ⁷³ Вполне вероятно, что им был Г.-Л. Боплан, французский фортификатор, живший на Украине около семнадцати лет (1630—1648) и занятый по поручению польского короля укреплением южных рубежей Речи Посполитой от набегов татар и казацких походов. Сам Боплан в своем «Описании Украины» отмечал, что «ее города и крепости построены по моим планам» (см.: Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. 2. К., 1896, с. 297).
- ⁷⁴ *Языков Н. М.* Стихотворения. М., 1978, с. 130.
- ⁷⁵ ВНСК, 1934, Р. II, № 4, с. 301—302.
- ⁷⁶ ВЕВ, 1876, № 14, с. 493.
- ⁷⁷ ВЕВ, 1880, № 31, с. 1390. По другим, на наш взгляд, менее достоверным данным, каменная церковь построена в 1568 г. («Киевская старина», 1900, № 12, с. 198).
- ⁷⁸ Там же, № 32, с. 1450.
- ⁷⁹ ВГВ, 1866, № 44, с. 369. Сурма (украинск.) — то же, что труба.
- ⁸⁰ Глубоко историческое исследование обстоятельств сражения на основе изучения письменных источников и проведения обширных археологических раскопок предпринято лишь в последние годы (см.: *Свашников I.* Берестечко. — «Жовтень», 1985, № 7, с. 91—108).
- ⁸¹ Реестровыми казаками называлась та часть украинского казачества, которая числилась на службе у польского правительства и была внесена в особый список — реестр.
- ⁸² Цит. по: *Свашников I.* Указ. соч., с. 98.
- ⁸³ См.: *Шледер И.-Г.* Театр Эвропи. Фрагмент. — «Жовтень», 1985, № 7, с. 83—91.
- ⁸⁴ См.: *Теодорович Н. И.* Указ. соч., с. 1058.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Безсонов С. В.* Архитектура Западной Украины. М., 1946.
2. Визначні місця України. К., 1958.
3. *Воронин А.* Записка о владельческих городах и местечках Юго-Западного края. К., 1869.
4. *Говденко М. М., Годованюк Е. М.* Мемориальный комплекс «Казацкие могилы». — «Строительство и архитектура», 1969, № 12.
5. *Годованюк Е. М.* Надвратные башни городских укреплений Острога и Дубно. — «Строительство и архитектура», 1969, № 5.
6. *Дем'яничук Г. С.* Над Горинь-рікою. Львів, 1977.
7. *Дециньский Л. С., Савчук П. А.* Дубно. Краєзнавчий нарис. Львів, 1973.
8. Історія міст і сіл УРСР. Ровенська область. К., 1973.
9. «Казацкие могилы» под Берестечком. Почаев, 1911.
10. *Кравцов Л. П.* Свідки народної величі. Львів, 1972.
11. Краткое обозрение истории и исторических достопримечательностей средней части Волыни. Спб., 1890.
12. *Логвин Г. Н.* Замок в Острозі. К., 1959.
13. *Логвин Г. Н.* Михайлівська церква у Гоші. — Українське мистецтвознавство. Вип. 4. К., 1970.
14. *Луценко В. І., Кобись В. Т., Шенгера Г. Й.* Ровно — 700. Львів, 1983.
15. *Молчанов О. П.* Ровно. Історико-архітектурний нарис. К., 1973.
16. Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. Т. 3. К., 1985.
17. Памятники старины в западных губерниях империи. Вып. 3. Спб., 1868.
18. *Переверзев Н. В.* Справочная книга о приходах и монастырях Волынской епархии. Житомир, 1914.
19. *Перлиштейн А.* Описание города Острога. М., 1847.
20. *Равчук Г. Р.* По історичних пам'ятках міста Острога і його околиць. Львів, 1966.
21. *Рафальский Л.* Путешествие по Острожскому уезду Волынской губернии в 1864/65 гг. Почаев, 1873.
22. *Сербін Г. П.* Ровенщина туристська: Путівник. Львів, 1980.
23. *Теодорович Н. И.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Волынской епархии. Т. 2. Почаев, 1889.

24. Фогинский О. А. Экскурсия по Волынской губернии для описания памятников старины. — «Киевская старина», 1900, № 12.
25. Хведась А. О. Острозький державний історико-культурний заповідник. Львів, 1985.
26. Baliński M., Lipiński T. Starożytna Polska. T. 2, Warszawa, 1844.
27. Hoffman J. Przewodnik po Wołyniu. Warszawa, 1938.
28. Kardaszewicz St. Dzieje dawniejsze miasta Ostroga. Warszawa — Kraków, 1913.
29. Loza St. Architekci i bubownicowie w Polsce. Warszawa, 1954.
30. Miasta Wołyńskie. Zuck, 1937.
31. Orłowicz M. Ilustrowany przewodnik po Wołyniu. Zuck, 1929.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

- Алтарь** — в христианских храмах восточная часть внутреннего пространства, отделенная иконостасом.
- Ампир** — стиль позднего классицизма в западноевропейской архитектуре (первая четверть XIX в.), появившийся во Франции при Наполеоне I и характеризующийся строгим величием, монументальностью форм. Русским ампиром называют иногда самобытный вариант классицизма первой трети XIX века.
- Антаблемент** — балочное перекрытие пролета или верхней завершение стены, состоящее из архитрава, фриза и карниза. Верхняя горизонтальная часть ордерной системы над колоннами.
- Апсида** — полукруглый, овальный или многоугольный в плане выступ в восточной (алтарной) части храма.
- Аркада** — ряд арок, опирающихся на столбы или колонны, как правило, одинаковых по размеру и форме.
- Аркатура** — декоративное украшение стены в виде ряда глухих (ложных) арок.
- Аттик** — невысокая стенка (этаж), размещенная над венчающим карнизом.
- Бабинец** (укр.) — в народном зодчестве западный сруб при трехчастном плане культового сооружения.
- Базилика** — прямоугольное, вытянутое в плане здание, состоящее из нескольких нефов (обычно трех или пяти), отделенных друг от друга продольными рядами колонн, при этом средний неф выше боковых.
- Барaban** — вертикальная цилиндрическая или многогранная вставка под куполом храма, прорезанная окнами и служащая для освещения внутреннего пространства.
- Барокко** — в архитектуре стиль конца XVI — середины XVIII века, отличающийся декоративной пышностью, усложненными формами криволинейных очертаний, живописностью.
- Бастион** — в оборонном зодчестве укрепление, возвышающееся обычно в углах крепостной ограды (земляных валов) с целью расширения радиуса обстрела местности впереди и вдоль ограды.
- Вазон** — архитектурное украшение в виде объемной декоративной вазы или ее барельефного изображения.
- Волюта** — скульптурное или орнаментальное украшение в виде завитка, спирали.

Восьмерик — конструктивная часть постройки, имеющая в плане восьмигранную форму.

Гонт — кровельный материал в виде клинчатых дощечек.

Готика — архитектурный стиль, зародившийся в XII веке во Франции и позже распространившийся по всей Западной Европе. Характерен стройными вертикальными членениями архитектурных форм, использованием стрельчатых арок и сводов, насыщенностью скульптурных украшений и каменной резьбы.

Детинец — в русском средневековом городе внутренние укрепления вокруг резиденции князя.

Залом — уступ в конструкции покрытия, образуемый сочетанием вертикального сруба с усеченной пирамидой.

Капитель — верхняя часть колонны, являющаяся одним из отличительных признаков стиля.

Карниз — венчающая часть антаблемента: горизонтальный напуск в верхней части стены для поддержания крыши и предохранения стен от осадков.

Картуш — украшение в виде свитка или щита с надписями, эмблемами, гербами и т. п.

Каштелян (польск.) — в Польше высокий государственный чиновник, заседавший в сенате.

Киот — остекленный ящик или шкафчик для икон.

Классицизм — архитектурный стиль XVII — первой трети XIX века, основанный на использовании античного наследия. Ему присущи четкость и геометризм форм, логичность планировки, сочетание стены с ордером и сдержанным декором.

Контрфорс — вертикальная выступающая часть стены, увеличивающая ее устойчивость.

Конха — полукупол, перекрывающий полукруглое в плане помещение или нишу.

Крипта — часовня под храмом в виде подвального помещения.

Куртина — 1) крепостная стена между бастиянами; 2) в декоративном садоводстве гряда для цветочных и кустарниковых растений.

Люкарна — оконный проем в крыше или купольном покрытии, имеющий декоративное значение.

Люнет — арочный проем в стене или своде в виде полукружия.

Машикули — навесные бойницы, расположенные в верхней части стен оборонительных сооружений.

Мерлоны — зубцы, устраиваемые по верху крепостных стен с оборонительными и декоративными целями.

Модерн — архитектурный стиль конца XIX — начала XX века, связанный с использованием новых конструктивных средств, поиском свободных планировочных решений и необычных декоративных эффектов.

Наличник — декоративное обрамление дверного или оконного проема.

Нартекс — западное помещение в церкви, более или менее четко отделяющееся от основной ее части.

Нервюра — выступающее профилированное ребро в голическом своде.

Неф (букв. «корабль») — часть внутреннего пространства храма, ограниченная колоннадой или аркадой.

Иногда также центральное пространство церкви.

Опасанье — невысокая галерея вокруг церкви, перекрытая навесом на кронштейнах или столбах.

Ордер — определенный порядок взаиморасположения и архитектурно-художественного выявления несущих (колонна с базой, стволем, капителью, иногда пьедесталом) и несомых (антаблемент с архитравом, фризом и карнизом) частей стоечно-балочной конструкции. Основные виды ордеров: дорический, тосканский, ионический, коринфский. Различаются по пропорциональному строю и архитектурной детализовке.

Партер — в садово-парковом искусстве открытая часть сада или парка, благоустроенная цветниками, газонами, фонтанами и т. п.

Парус — конструктивная часть свода в виде сферического треугольника, служащая переходом от квадратного основания к круглому в плане барабану купола.

Пиластра — плоский вертикальный выступ прямоугольного сечения на поверхности стены или столба, имеющий, подобно колонне, базу и капитель.

Пинакл — декоративная остроконечная башенка.

Плинфа — плоский, широкий кирпич, применявшийся в строительстве домонгольской Руси.

Полуколонна — колонна, выступающая из плоскости стены на половину своей толщины.

Портал — архитектурно оформленный вход в здание.

Портик — выступающая часть здания в виде галереи с перекрытием на колоннах или столбах, обычно устраиваемая перед главным входом.

Престол — в христианском храме стол, стоящий посредине алтаря.

Придел — в православном храме пристройка с северной или южной стороны, имеющая дополнительный алтарь.

Притвор — то же, что нартекс.

Прясло — часть крепостной стены между двумя башнями.

Ризалит — выступающая часть здания.

Руст — облицовка стен камнями с выступающей лицевой поверхностью, может быть выполнена в штукатурке.

Сандрик — архитектурная деталь над оконным или дверным проемом в виде карниза или фронтона.

Сграффито — способ декоративной отделки стены путем снятия верхнего слоя штукатурки и обнажения нижнего, отличающегося по цвету.

Солея — небольшое возвышение высотой в одну ступень перед алтарем.

Софит — обращенная книзу, часто декоративно обработанная поверхность балки, арки, карниза и других архитектурных деталей.

Сруб — конструкция стен из бревен либо брусьев, уложенных горизонтальными рядами.

Тимпан — внутреннее поле фронтона, а также углубленная часть стены над дверью или окном, ограниченная аркой.

Фас — в фортификационном строительстве лицевая сторона укрепления.

Фахверк — в средневековой западноевропейской архитектуре деревянный каркас здания, часто выходящий на внешнюю поверхность стен и выделяемый цветом.

Фланк — боковые участки бастиона для флангового обстрела подступов к укреплению.

Фланкировать — в архитектуре размещать с двух сторон, с флангов.

Фриз — средняя часть антаблемента между архитравом и карнизом; также окаймление стены, пола, потолка с помощью орнамента.

Фронтон — верхняя часть фасадной стены (портика), обычно в виде треугольника, ограниченная по бокам скатами крыши, а снизу карнизом.

Хоры — внутренний балкон в церкви, устраиваемый обычно с западной стороны и предназначенный для привилегированных лиц.

Четверик — конструктивная часть постройки, имеющая в плане квадратную форму.

Шале — в Швейцарии сельский дом фахверковой конструкции.

Шатер — крутое многоскатное или коническое покрытие.

Щипец — венчающая часть стены в форме треугольника, не отделенная снизу карнизом.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АЮЗР — Архив Юго-Западной России
ВГВ — Волынские губернские ведомости
ВЕВ — Волынские епархиальные ведомости
ГАРО — Государственный архив Ровенской области
ГПБ ОР — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей и редких книг
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив УССР в г. Львове
ЦГИА УССР — Центральный государственный исторический архив УССР в г. Киеве
ВНСК — Biuletyn Historji Sztuki i Kultury
RW — Rocznik Wołyński

Натурные фотографии, рисунки и чертежи выполнены автором.

Фотографии на стр. 19, 24, 25, 27, 78, 80, 101, 104, 128 выполнены В. М. Рудченко.

Изогелия на обложке Ю. М. Водопомянова.

ПЕТР АНАТОЛЬЕВИЧ РЫЧКОВ
ДОРОГАМИ ЮЖНОЙ РОВЕНЩИНЫ

Редактор
Г. П. ПЕРЕПЕЛКИНА

Художник серии
Ю. К. КУРБАТОВ

Рисунки к карте
Ю. И. РАПОПОРТА

Художественный редактор
И. В. БАЛАШОВ

Подготовка фотооригиналов
Е. А. БЕЛОВ

Технический редактор
А. Н. ХАНИНА

Корректоры
З. Д. ГИНЗБУРГ
З. П. СОКОЛОВА

И.Б. № 4063

Сдано в набор 17.06.88. Подписано к печати 16.01.89. А06710. Формат издания 70×90/32. Бумага тифдручная. Гарнитура школьная. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,435. Усл. кр.-отт. 13,35. Уч.-изд. л. 7,96. Изд. № 1478. Тираж 100 000. Заказ 2255. Цена 60 коп. Издательство «Искусство», 103009 Москва, Собиновский пер., 3. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 170024, г. Калинин, пр. Ленина, 5.

ЮЖНАЯ ЧАСТЬ РОВЕНСКОЙ ОБЛАСТИ —
ЗАПАДНОУКРАИНСКАЯ ЗЕМЛЯ
С ЖИВОПИСНЫМИ ЛАНДШАФТАМИ,
НА ТЕРРИТОРИИ КОТОРОЙ В XII В. ПРОЦВЕТАЛО
ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЕ КНЯЖЕСТВО ДРЕВНЕЙ РУСИ.
СЛОЖНА ИСТОРИЯ ЭТОГО КРАЯ,
НАХОДИВШЕГОСЯ ДОЛГИЕ ГОДЫ
ПОД ПОЛЬСКИМ ВЛАДЫЧЕСТВОМ.
ЭТО СКАЗАЛОСЬ НА ЕГО КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВЕ.
ЗДЕСЬ РАЗВИВАЛАСЬ
КАК МЕСТНАЯ АРХИТЕКТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ,
ВОСХОДЯЩАЯ К КИЕВСКОЙ РУСИ,
ТАК И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ.
УКРАИНСКИЕ ДЕРЕВЯННЫЕ ЦЕРКВИ
СОСЕДСТВУЮТ С ОБОРОНИТЕЛЬНЫМИ ЗАМКАМИ,
КОСТЕЛАМИ, УСАДЕБНЫМИ ДВОРЦАМИ
В СТИЛЕ ПСЕВДОГОТИКИ, БАРОККО, КЛАССИЦИЗМА.
МНОГО НА РОВЕНЩИНЕ
ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИКО-ПАТРИОТИЧЕСКИХ.